К НОВЫМ ПОБЕДАМ
КОММУ
Комсомольская правда
ПОЛИТБЮРО ЦЕНТРАЛЬ
ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ
В СССР
Голоса свидетелей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Люди, чьи голоса звучат в этой книге, прожили долгую и прекрасную жизнь. Это живые свидетели, которые помнят Великую Отечественную войну, голод и разруху, гонения на Церковь, помнят наши поражения и победы, возрождение послевоенной России, подвиги мучеников и исповедников православной веры, а также возрождение православия в нашей стране в конце 80-х – начале 90-х годов. На страницах этой книги оживает прошлое, предстают многие драгоценные подробности жизни верующих и раскрывается таинственный и чудесный Промысл Божий, действующий в человеческих судьбах.

Для широкого круга читателей.

- Православные христиане в СССР: Голоса свидетелей
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Часть I. Воспоминания священнослужителей и монашествующих
    - ■ Каждый в нашей семье был готов на страдания и смерть за Христа
      - ■ В нашем роду несколько новомучеников и исповедников
      - ■ Строго выверенная православная позиция
      - ■ Все время в тревоге за мужа и заботе о пропитании детей
      - ■ Наш отец страдает за Христа, и мы должны не горевать, а радоваться
      - ■ Возрадуйтеся в той день и взыграйте!
      - ■ Вы – только орудие в руках Божиих
      - ■ Дай куличика!
      - ■ Толя, давай помолимся, чтобы нам остаться живыми
      - ■ Мне особенно нравится его «Свете тихий»
      - ■ Его, как и отца Иоанна (Крестьянкина), гоняли с прихода на приход
      - ■ Статья стала увесистой пощечиной атеистов самим себе
      - ■ Времена все-таки изменились
      - ■ Перед повышением в должности ему предложили вступить в партию
      - ■ Маленькая исповедница
      - ■ Мы в школе вовсе не были изгоями

- Я не кричала “Осанна!”, и “Распни!” кричать не хочу
- Там же, где и вы!
- Все справочники перероет, а прибавку, пусть и небольшую, найдет
- В нашей семье есть интересные параллели
- Сережа вступить в комсомол отказался – и его сразу отправили на фронт
- Радость Сережи оттого, что он подарил нечаянную радость другим
- Главный бухгалтер потребовала от директора на место Сони трех человек
- Ее чтение и пение были долгие годы украшением службы
- Знаете ли вы, какие чтецы вас сегодня слушали?!
- Постничество Сони
- Теперь о себе
- Как ослабели руки безбожной власти
- В комсомол не вступлю, а в университет поступлю!
- Интересные у вас родственники!
- Мне хотелось разобраться с теорией относительности
- Этот – нашего рода
- Тот был протоиерей, а мой отец – просто иерей
- Нужны заповеди Божии и Божия благодать
- А сам-то ты верующий? – Конечно!
- Стояние Зои
- Батюшка меня, незнакомца, назвал по имени
- Как к родному отцу
- Тебя ждут, но ты ничего не бойся!
- Не вижу в себе ни вкуса, ни таланта для этой работы
- У нас же откровение помыслов!
- Мы не можем быть октябрятами, потому что мы верующие
- Как мои дети проводили миссионерскую работу в школе
- Если сравнивать прошедшие времена с нынешними
- О праздниках и постах

- О старцах
- Делай все сама, никому не поручай
- Лжехристов пока не видим, а лжепророков видим
- Как часто можно причащаться
- Получи лавровую ветвь – и иди в Царство Небесное!

- Для России час подвига за Христа пришел в XX веке
  - Мои бабушки
  - Для России час подвига за Христа пришел в XX веке
  - Гражданская война разорила мирный край
  - Такая сильная вера у них была – как у первых христиан
  - Молитвами новомученика Стефана
  - Случившееся чудо оказалось чудом вдвойне
- В душе каждого человека есть пустота, которую можно заполнить только Богом!
  - У меня к исламу никогда душа не лежала
  - Видимо, отмолил меня кто-то
  - Как я окрестился
  - На мне не было ни царапины
  - То, что я делал, перестало мне нравиться
  - Когда деда хоронили, он продолжал улыбаться
  - Я увидел другую жизнь за гранью человеческого бытия
  - Господь показал мне ту, новую жизнь
  - У меня было чувство, что я вернулся домой
  - Принять ли мне монашеский постриг или уйти трудиться в мир?
  - Если за Бога держаться – все будет
  - Замечательный поселок Лальск
  - Благовещенский храм, в котором я служу, старинный
  - Самый северный приход Вятки
  - Открыл ковчег – а там…
- Наш мир создан Богом для радости
  - Мое детство
  - Совершенно чудесные события с моим отцом

- В сердце культуры лежит вера
- В православии всегда движущей силой является личность
- Показатель молитвы и духовной жизни
- Как мы с матушкой пришли в Церковь
- Мои послушания у отца Германа
- Кто не верит в коммунизм, тот сумасшедший
- Как Господь обратил пожар во благо
- Самое главное чудо – это то, что я имею возможность служить Богу
- Я благодарю Бога, что за всю свою жизнь не встретил ни одного плохого человека
- Самое главное в воспитании детей
- Самое главное во взаимоотношениях между людьми
- Мы живем под всевидящим оком Божиим
- Наш мир радостный

- Из опыта прожитых лет вынес я веру в Промысл Божий
  - В храм ходил с раннего детства
  - Веру свою я не скрывал
  - Присутствовал особый дух
  - Верующих отчисляли из учебных заведений, лишали работы
  - Рождество и Пасху отмечали всем миром
  - Препятствия властей в праздновании Пасхи Христовой
  - Из опыта прожитых лет
- Божия Матерь протирала нас через сито
  - Господь властно взял за руку, как ребенка, и повел
  - Как она может быть верующим человеком?!
  - Мне пришло время уйти в монастырь
  - Мирская карьера не всегда на пользу духовной жизни
  - Я знаю, что ничего не знаю
  - Благодать намоленного места
  - В самом эпицентре огня остались нетронутыми иконы
  - Вы же говорили: «Господь пошлет» – Он и послал!
  - Источники у нас чудотворные

- Промысл Божий ведет нас по жизненному пути
  - Воспоминания старших были очень живы
  - Я благодарен Промыслу Божию
  - Вы не надевали на них крестик и не имеете права снимать
  - Промысл Божий ведет нас по жизненному пути
  - У нас дома были дедушкины книги
  - Православные праздники
  - Все успехи Родины радовали нас
  - Мы жили единой семьей
  - Основой нашей жизни является вера во Христа
  - Если человек верующий, он готов умереть, но сохранить свою веру
  - С детства нужно воспитывать ребенка в страхе Божием
- Верующие в советское время отличались от нынешних более глубокой верой – внутренней, а не внешней
  - Веру свою я не скрывал
  - Как жила Церковь в те годы
  - В жизни положительным примером были церковные люди
- Промысл Божий всегда действует над человеком и над Церковью
  - Я с детских лет полюбил храм
  - Военное время
  - Безбожники готовились к тому, чтобы лишить людей веры
  - Как я в школе был изгоем
  - Пускай идет работать в колхоз, а не в церковь!
  - Гонения на верующих
  - Как мешали верующим праздновать Рождество и Пасху
  - Верный непоколебимый пастырь
  - Время отречения людей малодушных
  - Ты руками машешь и заставляешь их петь
  - Первые шаги
  - Люди благодарили за все Бога и довольствовались тем, что имели
  - Промысл Божий всегда действует над человеком и над Церковью

- О воспитании детей
- Первая воскресная школа в епархии
- Душа, которая с малых лет вкусила благодать, вернется в Церковь
- Главное в жизни – вера и спасение души, а остальное на этом фоне ничтожно
  - Веру не принято было выставлять напоказ в то время
  - Как в советское время праздновали православные праздники
  - Как мы строили наш храм
  - Недостойным и помрешь
  - Первую Библию привезли мне из Троице-Сергиевой лавры
  - Так и выжили с работы совсем
  - Вызывают отца Леонида в НКВД
  - Просили у Бога не хорошей жизни, а спасения души
  - Главное в жизни – вера
- Раз Господь призывает, надо становиться священником
  - Люди в те годы жили очень тяжело
  - Я с малых лет был на попечении у своего дедушки
  - Как директор школы ругал меня за чтение в храме
  - Как из меня псаломщик не получился
  - О моем дяде
  - В селах было как будто крепостное право
  - Вернулся в семью как чужой
  - Ты хочешь быть священником?
  - Про Симеона Лукича
  - Как к нам милиционеры прибежали
  - Благодарю Бога за своих наставников
- Свет старой усадьбы горит сквозь годы…
  - Для каждого священника его храм самый особенный
  - Шок при первом знакомстве
  - Я понял, что храм во многом необычный
  - По нашему храму можно историю страны изучать
  - Свет старой усадьбы горит сквозь годы…
  - У Начальника нашей жизни все рассчитано по секундам!

- Князь мечтал быть похороненным на своей русской родине
- Как жил храм после революции
- Глаза страшатся, а руки делают
- Чувствуется, что помощь идет свыше…
- В краях Евфросинии неведомой
  - Господь призвал – и душа ответила на призыв
  - Бывшая княжна Вяземская теперь «дура Евфросинья»
  - Я же сам сюда приехал – это меня и спасает
  - Когда я только пришел в храм, все иконы благоухали
  - Зима, пурга, ветер, а свечка горит, не гаснет
  - Нужно просто делать свое дело, а Господь даст силы
  - «Что за чудеса у вас творятся?!»
- Господь знает, как Своих спасти
  - Война послужила очищением для народа
  - Могли расстрелять прямо на месте, но Господь хранил
  - Все равно в сердце люди веровали
  - Как праздновали церковные праздники при советской власти
  - Коровы в Церковь не ходят
  - Как за ночь дежурства милиционер поседел
  - Семьдесят лет пропаганды безбожия стерли ориентиры
  - Господь знает, как Своих спасти
- Рядом всегда есть Господь, Который помогает
  - С самого раннего детства моя бабушка начала водить меня в храм
  - Ни одного храма в городе не было
  - Как без Николая Чудотворца в море ходить?!
  - Мы жили в этой реальности, и она на нас неизбежно влияла
  - Защитник Отечества – это всегда для меня было священно
  - Меня так поразили эти непонятные церковнославянские буквы!

- О чудесных случаях проявления Промысла Божия в моей жизни
- В окопах атеистов нет
- Патриотизм и вера
- Любовь, уважение и терпение
- Узнал, что рядом всегда есть Господь

- Господь сохраняет всех нас!
  - С Богом все вырастут!
  - Мама ходила в церковь и нас приучала
  - Паломничество в монастыри
  - Мария бежала с двумя детьми от немцев, а они стреляли
  - Ну ладно, дочка, ведь за Христа пострадала!
  - Как ночью взорвали храм
  - Вот и монашка наша пришла
  - Надо мной все смеются, все отталкивают
  - Там обойдутся без тебя!
  - Вот тебе на память
  - Мама эту парчу отправляла на облачения священникам
  - Я была в шоке – церковь показали по телевидению!
  - Так я осталась одна
  - Образ святителя Николая – родной с детства
  - Через тридцать лет крестик вернулся ко мне!
  - Вижу перед собой Господа, озаренного белым светом
  - Он хороший батюшка – только что приехал из Печор
  - Может, тот батюшка будет моим духовным отцом?
  - Первая служба в Сретенском монастыре
  - У меня тогда такое было чувство радости – никакой мороз не страшен
  - Какую тогда службу отслужили!
  - Служба вечерняя закончилась, а никто не уходит домой
  - Как к нам привозили Владимирскую икону Божией Матери
  - Получилось так, что все те, кто мне помогал, стояли рядом со мной

- «Матерь Божия, Ты же с нами…»
- Когда отец Тихон начал служить, наш храм стал просветляться
- Пасху встретили? А теперь встречайте Троицу!
- Потихонечку благоустраивались
- Батюшка благословил меня в монастырь

- Часть II. Воспоминания мирян
  - Имея такого любящего отца, как мой, мне было легко найти Небесного Отца
    - Мостик из земной жизни в жизнь вечную
    - Истоки моей веры
    - Благословение Святейшего Патриарха Пимена
    - Приход к вере
    - Всякое дело надо начинать с молитвы
    - Знакомство с отцом Тихоном
    - Другой мир
    - Под покровом Владимирской
  - Святитель Николай своих не оставляет
    - Храм наш старинный
    - Первые детские воспоминания
    - Как я в пять лет оказалась в плену
    - Больше мы никогда нашего дедушку не видели
    - По всей Белоруссии стояли виселицы с повешенными
    - Сима, там твою дочку убили у столовой!
    - В школе ни одной Пасхи не пропустила – всегда ходила куличи святить
    - Как маме перед смертью Никола Угодник явился
    - Я каждый день ощущаю помощь Божию и молитвенное заступничество Николы Угодника
  - Ты хочешь познать солнце, а не хочешь ли ты познать Того, Кто создал солнце?
    - Поиск истины в юности
    - Неожиданный переворот
    - Ты помнишь, как ты нас тогда мучил вопросами?
    - Мое крещение
    - Люди постоянно делали выбор
    - Чем больше человек страдает, тем глубже

- он слышит Бога
- Оставьте все и идите сторожем в церковь
- Архиерейские пояс и четки
- Надо научиться дружить со святыми, а людей надо любить
- Смерть убежала от человека

- С Богом лучше, надежнее, и умирать не так страшно
  - Моя мама и ее сестра Анна остались сиротами
  - Мужа Анны посадили в тюрьму, как сына кулака
  - Родилась я за неделю до начала Великой Отечественной войны
  - В возрасте двух лет меня отдали в соседнее село
  - Мои приемные родители были очень добрыми
  - Пшеничный хлеб в обмен на хлеб из лебеды
  - К больному с гостинцем
  - Ну-ка, кто тут воровка?
  - Крест с купола не смогли снять никакими усилиями
  - Деревенский быт
  - Все самодельное
  - Народ отмечал церковные праздники
  - Как-то люди по-доброму веселились
  - В школе нательные крестики не разрешали
  - Молитвенная помощь матери сыну
  - «Прозорливый поп»
  - Тетя Анна тайно организовала нам венчание
  - Правда восторжествовала
  - Благодарили Бога, что все живы
  - Сильно веровать нужно старым людям, а нам это ни к чему
  - И сделалась молитва моим спасением
  - То ли на земле, то ли на небе нахожусь
  - И вдруг почувствовала легкость, боль из сердца исчезла
  - Трижды была на грани смерти
  - Я крестик носила в кармане, мужу вшила в воротник

- Вот как смалодушничала
- Директриса школы пришла к вере через великие скорби
- Я не узнала тех мест
- Открыли Кимляйский Александро-Невский монастырь
- С Богом лучше, надежнее и умирать не так страшно
- Помоги нам всем, Господи!

- Мы прекрасно понимали, что такое Октябрьская революция, но всегда любили свою Родину
  - Мой отец никогда не скрывал свою веру
  - Служба была полная, по уставу
  - В те годы мой отец был старостой храма
  - Предупреждения отца
  - Как моего отца послали на переговоры с баптистами
  - Как проходили праздники
  - Книги доставались очень тяжело
  - Подвижники веры
  - Как молился мой отец
  - Гонения за веру
  - У нас в семье особенно почитались члены царской фамилии
  - Мы всегда любили свою Родину
  - В любой сложной ситуации надо быть предельно кротким и смиренным
- Жизнь с Богом
  - В Молдавии народ оставался очень верующим
  - Постились мы всегда очень строго
  - Тяжелое детство
  - Мои скитания
  - Благодетели
  - Я проехала с мужем всю Россию
  - Так я и осталась на клиросе
  - Если люди служили небрежно, то Господь убирал их из храма
  - Господи, спаси нас ради той святыни, которую дала Василиса!
  - В церковь я ходила и буду ходить!
  - Вот какие чудеса бывают у Бога!
- Дом горит, а мы молимся и держим в руках Казанскую икону Божией Матери

- Мое детство
- Как меня трижды чуть не расстреляли
- Мама успела вынести с собой Евангелие
- Вернулся с войны целым и невредимым, Господь его хранил
- Когда мужа постигла болезнь, так и сам выучил молитвы
- Обратился к ней и сказал: «Скоро увидимся»
- Очень радостно на душе стало после Ее прихода

- Моя мама сохранила веру и передала ее нам, своим детям
  - Война коснулась нашей семьи самым прямым образом
  - Приносит брат один раз домой палку колбасы…
  - Все дети были крещены вопреки запретам властей
- Вы сначала причаститесь, а потом пусть вас расстреливают!
  - Мои прадедушка и прабабушка
  - В то время в России многие кричали, что религия – обман
  - Вставайте на колени и молитесь, чтобы ваша мама поправилась
  - Боязнь доносов не могла заставить забыть о постоянных гостях
  - Вы сначала причаститесь, а потом пусть вас расстреливают!
  - И с того дня налеты прекратились
  - В тот самый момент по путям проносится скорый поезд
  - Политический анекдот
  - Нам в ноги бросили бутылку с зажигательной смесью
  - Яйцо было совершенно свежее
- На Пасху все дети старались попасть в храм
  - Все очень боялись
  - Детей приучали к посту с самого детства
  - Отца чуть не выгнали с работы
  - Учителей увольняли с работы
  - Униаты ходили к нам в православный храм

- Для покраски храма народ собирал документы около двух лет
- Из истории нашего сельского храма
- Кресты просто вырывали из земли машинами
- Без Бога жизнь вообще не имеет никакого смысла!
  - Промыслом Божиим я осталась жива
  - Когда грянула война
  - Истоки моей веры
  - Среди наших музыкантов было очень много верующих людей
  - Всю жизнь я праздновала Пасху
  - Золотой искрой струились в моей душе его строки
  - Как праздновали 1000-летие Крещения Руси
  - Вот такое преображение Господь даровал ей за ее святую жизнь
  - Началась моя настоящая церковная жизнь
- И в пятьдесят лет я крестился
  - Все наши отцы воевали
  - О вере я тогда ничего не знал
  - Как мы встречали праздники
  - На разоренные храмы все тогда глаза закрывали
  - Но веру разве за деньги купишь?
  - Я гвозди отогнул, а это не дверь, а икона
  - Каждый судит по себе
  - Я работаю, и живу, и делаю все для детей, для внуков
  - Помощь свыше в восстановлении храма
  - Не навреди – ни себе, ни людям
- Мы духовно окормлялись у трех святых людей
  - Отец был очень добросовестным и хозяйственным человеком
  - Благословение старицы
  - Духовная жизнь нашего села
  - Старица Ксения
  - Прозорливость старицы
  - Последняя «кормилица» в нашем доме
  - Мы тут же переехали в новый дом
  - Священник Михаил Зеленецкий
  - Блаженная мученическая кончина отца

Михаила
- Господь всегда был рядом со мной
  - Мое детство
  - Мама читала молитвы, и все мы молились
  - Господь нас берег
  - Мы всегда старались жить дружно и помогать, кому чем можем
  - Крестик на тебе есть?
  - Мужа за руку в храм не тяни, а молись за него!
  - Он, как истинный монах, тебя не потревожил
  - Встреча с духовным отцом
  - Да будет у тебя, Ольга, дом, будет!
  - Особенно важно материнское благословение
  - Нужно уметь принимать жизненные обстоятельства как данное от Бога
- В миру я такой красоты не видала
  - Мои родители
  - Как мы с братом читали старинные книги
  - Бабушку смогли похоронить по-христиански
  - Я вложила в тебя искру Божию
  - В миру я такой красоты не видала
  - Мне захотелось составить родословную Христа
- Соблюдать волю Божию, а не свою
  - Мои мама и папа
  - Часто исключали из института и увольняли с работы за веру
  - Священство в то время было нелегким крестом
  - Служили больше Богу, чем властям
  - Я в молодости, чтобы попасть на службу, переоделась в старушку
  - Простите меня, сестрички и братики!
  - Когда икону из кладовки достали, глаза перестали болеть
  - Самое первое мое чудо в детском возрасте
  - «Как низко ты пала!»
  - Ангела Хранителя просила меня разбудить
  - Я зачитывалась книжкой про Ангела Хранителя

- Каким-то чудом мальчик очутился дома
- Духовную литературу переписывали вручную
- Гонения на верующих
- Они отдали жизни за свой народ
- Раненые были спасены
- Главнее ничего быть не может!

- Все у нас на Родине возродится, как возродилась наша церковь
  - Я еще с малых лет часто бывал в храме
  - Все жители нашего села всегда принимали паломников
  - Нас, детей, было пятеро, и росли мы в тяжелых условиях
  - Пришли полный развал и запустение
  - После смерти отца решил возвратиться в родное село
  - Было обещано открытие церкви
  - Начали тракторами заталкивать в церковь многотонные станки
  - Молодых силой заталкивали в машины, а пожилых волокли по земле
  - Наша церковь стала возрождаться
  - Покровский монастырь села Дракино
  - Все у нас на Родине возродится, как возродилась наша церковь
- Господь не оставил меня Своей милостью!
  - Где мои родители?
  - Все для фонда Победы
  - Господь нас уберег
  - Как я стала ткачихой
  - Как я первый раз в жизни увидела церковь
  - Повенчаться мы с Пашей не успели
  - Хоть на старости лет, но пришла к Богу!
- Мы всегда просили благословения у Господа
  - Мои родные
  - Родители были для нас примером нравственности и доброты
  - На отдых у нас не было времени
  - В нашей семье не отмечали никаких светских праздников
  - От Бога никто не отрекался
  - Мама будила нас в три часа ночи, и мы шли в церковь

- Я принес вам Псалтирь
- Лавра была для нас как второй дом
- Перед едой всегда молились
- Мама читала акафисты, и все молились
- Наш храм закрывали трижды
- Милиция стала растаскивать защитников храма
- Мы всегда просили благословения у Господа

- Уповай на Бога от души, и все получится в жизни!
  - И тогда мы залезали на крышу вагона
  - Остались дети сиротами
  - Как мы дружно жили в Баку
  - Ходили мы в храм редко
  - Старших очень уважали
  - «Христос воскресе!»
  - Чудо со святителем Николаем
  - Господи, успокой чем-нибудь мою душу!
  - Трофимушка, помоги мне чем-нибудь!
  - Уповай на Бога от души, и все получится в жизни!
  - Я благодарна Богу за все!
- Уныние – это самый глупый грех из семи
  - Подвиг моих родителей
  - Моя юность
  - Служба в Морфлоте
  - Мой путь ко Господу
  - Нужно было смиряться, терпеть, а я не умел
  - Отец все время говорил: «Бог у меня в душе»
  - Отец у меня может умереть
  - Как мы с батей постились
  - Как батя пришел ко Господу
- Раз мир стоит, значит есть люди и крепче камня
  - Я не слышала за все время ни одной ссоры
  - Святителю отче Николае, помоги!
  - Чудесный подарок от святителя Николая
  - Человек окрепнет – так крепче камня
- Если хотите творить добро, творите его сейчас!
  - Бабушка Наташа была истинно верующей
  - Это воспоминание преследовало папу всю жизнь

- Работали и жили практически на заводе
- Берега по Волге красивые, места замечательные
- Как увижу орехи, вспоминаю бурундучка
- Четыре призыва в одном сроке
- Я всегда заходил в церковь
- Как я хотел быть вместе с ним!
- Заходил в Елоховский собор, молился, а потом шел читать лекции
- Патриарх молчал и молился за ту страну, которая на него нападала
- Душа просто открывалась и отдыхала
- Единственная библиотека с уникальными духовными книгами была при кафедре атеизма
- Церкви надо было просто выжить в те годы
- Православную веру они своими ладонями, как свечу, защищали
- И это заслуга родителей
- Супруга крестилась под другим именем
- Такая радость у нас была после венчания!
- Главную оценку вам поставит сама жизнь

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Православные христиане в СССР: Голоса свидетелей

© Рожнева О. Л., сост., 2018
© Сретенский монастырь, 2018

Предисловие

Люди, чьи живые голоса звучат в этой книге, прожили долгую и прекрасную жизнь. Семинаристы Сретенской духовной семинарии, по благословению наместника Сретенского монастыря епископа Егорьевского Тихона (Шевкунова), проделали огромный и уникальный труд, опросив десятки людей, родившихся в первой и второй половине XX века, – тех, кто помнит Великую Отечественную войну, голод и разруху, помнит наши победы и поражения, гонения на Церковь, возрождение послевоенной России, подвиги мучеников и исповедников православной веры, а также возрождение православия в конце 80-х – начале 90-х годов.

В этих воспоминаниях интересно все: и бытовая, и духовная, и церковная жизнь простых людей и священнослужителей того времени. Люди рассказывали то, о чем нельзя прочитать в справочниках и учебниках истории, а можно узнать только от живых свидетелей прошлого. Интересны описанные ими жизненные ситуации, в которых проявлялись лучшие человеческие качества: доброта, жертвенность, терпение, смирение и любовь.

На страницах этой книги оживает прошлое и раскрывается таинственный и чудесный Промысл Божий, действующий в человеческих судьбах.

Часть I. Воспоминания священнослужителей и монашествующих

Каждый в нашей семье был готов на страдания и смерть за Христа

Рассказывает протоиерей Владимир Правдолюбов, почетный настоятель храма святителя Николая в городе Касимове Рязанской области

В нашем роду несколько новомучеников и исповедников

Я родился в 1931 году в православной семье. В нашем роду несколько новомучеников и исповедников. Мой папа, протоиерей Сергий Правдолюбов, был прославлен как исповедник. Кроме него, на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года прославлены замученные в 1937 году его отец, мой дедушка, протоиерей Анатолий Правдолюбов, дядя со стороны матери протоиерей Михаил Дмитрев и двоюродный брат матери чтец (и воин) Евгений Федорович Дмитрев.

До моего рождения отец уже дважды или, кажется, трижды был арестован (трудовое ополчение в 1918 году, скорее всего, начиналось с ареста). Три раза жизнь его подвергалась смертельной опасности. Я был шестым и последним ребенком в семье, в которой каждый был готов на лишения, страдания и смерть за Христа. В этом смысле наша семья являлась островком единомышленников, что очень облегчало жизнь.

Из раннего детства приведу два случая, о которых мне известно по рассказам старших. Жили мы бедно, и однажды моя пятилетняя сестра София очень усердно просила у мамы сладенького. И вот мама сказала Соне: «А ты помолись Богу, чтобы Он дал тебе сладенького». И сестра поставила меня, годовалого, на табурет, залезла на этот же табурет сама, и мы стали молиться Богу. Уже в старости она с улыбкой поясняла: «На табурет встали, наверное, чтобы быть ближе к Богу». И вскоре после нашей молитвы пришла женщина и сказала: «Я давно хотела вашим детям принести сахарку, да вот только сейчас выбралась»[1]. Так мы с Соней получили, что просили.

И второй эпизод. Летом 1935 года папу арестовали. Водили из тюрьмы в милицию на допрос мимо наших окон. И я кричал в окно: «Папа, куда ты? Папа, иди домой!» Все взрослые обливались слезами.

Вид на Касимов со стороны реки

Еще один эпизод моего раннего детства (его тоже сам не помню, знаю только по рассказам). Монахини, несшие у нас клиросное послушание, поставили меня на табурет на клиросе, чтобы я читал шестопсалмие. Я читал довольно успешно, но в какой-то момент замолчал, и у меня полились слезы. Одна монахиня продолжила чтение, а меня сняли с табурета и посадили на скамеечку – отдыхать.

Строго выверенная православная позиция

В Касимове было дружное духовенство. Оно особенно сплотилось во времена революции и коллективизации. И душой этого братства был мой отец – протоиерей Сергий. Он хорошо проповедовал, и его проповеди брали священники других приходов и прочитывали у себя. С этим связано одно происшествие.

Правда, ему предшествовала большая беда: рязанское духовенство во главе с архиереем перешло в обновленцы. Святейший Патриарх Тихон их запретил и поставил в Рязань очень энергичного владыку Бориса (Соколова). Этот владыка, вооруженный негодованием против духовенства, сказал в Касимове с амвона: «Ваши попы только себе карманы набить стараются! Объясняли они вам литургию?» Из народа возглас: «Объясняли, владыка!»

А дело было так: отец Сергий в своем Троицком храме произнес цикл проповедей с объяснением литургии. Батюшки, с разрешения отца Сергия, прочитали в своих храмах этот цикл проповедей как раз перед приездом владыки. И вообще, священники старались вместе выработать правильное отношение к реалиям того времени, причем слово отца Сергия часто было решающим.

Перед духовенством стояли, кроме прочих, две проблемы. Первая: как относиться ко вновь возникшим обществам – партии, комсомолу, профсоюзам, колхозам. Вторая: как относиться к митрополиту Сергию (Страгородскому) и его действиям. То, что у нас после Декларации 1927 года не было «непоминающих», – во многом заслуга отца Сергия.

Еще святитель Тихон в своих посланиях умолял верующих не заражаться злобой властителей, ненавидящих Церковь. А позиция Святейшего Сергия (Страгородского) (будучи строго православными, мы должны быть верными гражданами нашей страны: ее радости должны быть нашими радостями, а ее печали – нашими печалями) – вовсе не «недопустимый компромисс», а строго выверенная православная позиция, которая показала всю свою силу в годы Великой Отечественной войны.

Отец Сергий особенно подчеркивал то, что апостолы заповедали подчинение властям не за страх, а за совесть в то время, когда во главе государства стояли такие гонители христиан, как Нерон. И любил ссылаться на Первое послание апостола Петра: «огненное искушение», о котором в нем говорится, было сжиганием христиан на кострах, особенно красочно изображенным в романе Сенкевича «Камо грядеши».

Цитируя слова апостола: «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Пет. 4, 15–16), отец Сергий особенно подчеркивал слова «посягающий на чужое», относя их к любому противлению власти. Велит власть: «Отрекись от Христа!» – по примеру древних говори: «Не могу». – «Посадим!» – покорно, без всякого протеста иди в тюрьму. Так наше духовенство сохранило свое единство вокруг патриарха Сергия. Так был решен этот трудный для многих вопрос.

Следствием такого отношения к властям было решение и первого вопроса. Если членство в организации влечет за собой отречение от Бога (партия, комсомол – добавлю от себя – пионеры, октябрята), в таких организациях быть членами нельзя, какие бы лишения и муки ни грозили за неучастие.

Если же от тебя прямого отречения от Бога не требуется

(профсоюзы, колхозы), то в такие организации вступать не только можно, но если это требование властей, то и должно. А на лозунги типа «Профсоюзы – школа коммунизма» или «Нам не нужен Христос, а нам нужен колхоз» можно не обращать внимания (конечно, при этом самому их произносить не следует). Такая позиция актуальна и в наши дни, достаточно вспомнить смуту по поводу ИНН.

Все время в тревоге за мужа и заботе о пропитании детей

Моя мама Лидия, дочь касимовского протоиерея Димитрия Федотьева, прожила очень трудную жизнь: постоянно в тревоге за мужа, а во время его тюремных заключений – в заботе о пропитании детей. Когда в 1935 году арестовали отца Сергия и их старшего сына Анатолия, ее никуда не брали на работу, так что некоторое время, недолгое, мы жили подаянием. Одна начальница пожалела маму, взяла ее на сетевязальную фабрику чинить сети, так эту начальницу чуть не сняли и сильно ругали. Дело ограничилось выговором[2].

Во время войны, не считая, конечно, общего горя, нам стало легче жить. Поскольку голодали все, власти стали горожанам выделять во временное пользование земельные участки. Нам досталось десять соток в заливных лугах за рекой. И хотя пришлось попотеть, поднимая лопатой целину, мы стали досыта есть картошку, которая восполняла нам недостаток хлеба и других продуктов. Так жили в войну все – и мы сравнялись со всеми.

Наш отец страдает за Христа, и мы должны не горевать, а радоваться

Если говорить о Промысле Божием, то главным чудесным его проявлением в нашей семье считаю то, что мы не умерли с голоду, когда наши были в ссылке. Как любил повторять папа: «Уготовал еси предо мною трапезу сопротив стужающим мне» (Пс. 22, 5). В этом большая заслуга мамы, ее молитвы и труда.

Когда арестовали отца Сергия, мне было четыре года, а когда он вернулся, мне исполнилось девять лет. В дальнейшем был еще арест, а потом мобилизация на трудовой фронт. Так что воспитывала меня в основном мать. И главное, что она внушала нам, – что наш отец страдает за Христа и мы должны не горевать, а радоваться: если приходится что-то терпеть, то мы становимся соучастниками его подвига. Воцерковленность всей семьи и

участие в богослужениях тоже были заслугой мамы и мощным воспитательным фактором.

В семье, где я был младшим, кроме меня было три брата (еще один умер в революцию в двухлетнем возрасте) и две сестры. Хочется что-то сказать о каждом.

Возрадуйтеся в той день и взыграйте!

Старший мой брат – Анатолий, 1914 года рождения. Окончил семилетнюю школу, обязательную по Всевобучу (всеобщему военному обучению), дальше учиться ему не дали, так как наша семья была лишена многих прав («лишенцы»), в частности, на продолжение обучения после обязательного минимума. Анатолий поступил псаломщиком к деду – протоиерею Анатолию Правдолюбову[3]. Служил псаломщиком до ареста в 1935 году.

Также брат частным образом занимался музыкой и по рекомендации земляка, композитора Александра Оленина, держал приемные испытания в музыкальное учебное заведение в Москве. По заданию профессора по композиции сочинил несколько фортепианных пьес, одна из которых понравилась профессору, и вопрос о поступлении был решен. Поступление должно было состояться осенью 1935 года.

Вместо этого летом того же года последовал арест и пять лет ссылки. Провожая внука в ссылку, протоиерей Анатолий напутствовал его такими словами: «Помни, Анатолий! “Возрадуйтеся в той день и взыграйте!” (Лк. 6, 23)».

Два с небольшим года мой брат провел на Соловках, и оставшийся срок – на лесоповале на Медвежьей горе (севернее Онежского озера). Перу Анатолия принадлежат изданные его детьми краткие «Соловецкие рассказы». Их особенностью является отсутствие осуждения властей, чем наполнены сочинения Солженицына и других «сидельцев».

Вы – только орудие в руках Божиих

В 1941 году мой брат был мобилизован, в 1944-м – ранен и стал инвалидом. Хочется вспомнить три эпизода его пребывания в армии.

Первый связан с вызовом к замполиту, который задал вопрос: «Как ты можешь защищать советскую власть, ведь она тебя так обидела?» Анатолий ответил: «Я верующий человек, верю, что все совершается по воле Божией, в том числе и моя ссылка. Вы – только орудие в руках Божиих. На Бога я обижаться не могу, не обижаюсь и на вас. Буду воевать не за страх, а за совесть».

Дай куличика!

Второй эпизод. Пасхальная ночь. Анатолий сохранил субботний хлебный паек и над ним ночью в укромном месте прочитал Пасхальный канон и стихиры (как бывший псаломщик, он знал пасхальную службу наизусть). Оказывается, солдаты за ним следили, и когда он хотел съесть этот свой хлеб, они подошли и попросили: «Дай куличика!» – а потом каждый дал ему кусочек от своего хлеба, чтобы он не остался голодным.

Толя, давай помолимся, чтобы нам остаться живыми

Третий эпизод. На пушкинские места наступали без артподготовки, чтобы спасти их от разрушений. Конечно, в этом своем «культурном» акте наша армия понесла неоправданные потери. Перед страшным боем комсорг подразделения обратился к Анатолию с такими словами: «Толя, давай помолимся, чтобы нам остаться живыми». Несколько удивившись, брат согласился.

Из боя вышли живыми, комсорга ранили в ногу, а Анатолию разрывной пулей раздробило кость левой руки на уровне сердца.

Мне особенно нравится его «Свете тихий»

После долгого лечения в госпиталях брат вернулся домой, работал в конторе ликеро-водочного завода и одновременно помогал не слишком квалифицированным регентам правого хора единственной тогда в городе Никольской церкви. Он был одарен как музыкант и, хотя не получил систематического музыкального образования, писал духовную музыку.

Мне особенно нравится песнопение «Свете тихий», которое возникло в сознании Анатолия и много раз утешало его на Соловках, а записано было после возвращения из ссылки. Он занимался гармонизацией песнопений знаменного распева, особенно удачно получилось песнопение «Милость мира» из литургии Василия Великого.

Его, как и отца Иоанна (Крестьянкина), гоняли с прихода на приход

Женился брат еще до армии, и когда у нас в Рязани появился энергичный архиерей Иероним (Захаров), летом 1947-го Анатолий был рукоположен в диакона, а осенью того же года – в священника. Он прослужил в этом сане до своей кончины в 1981-

м.

Отец Анатолий оставил после себя семерых детей (еще один ребенок – дочь, которая родилась второй, – умер в младенчестве) и двадцать три внука. Число правнуков трудно поддается учету, так как быстро растет.

Отец Владимир Правдолюбов с сыновьями и внуком. 18 мая 2013 г.

Его, как и отца Иоанна (Крестьянкина), гоняли по епархии с прихода на приход, правда, в отличие от отца Иоанна, по городам: Спасск, Михайлов, Скопин и вновь Спасск.

Статья стала увесистой пощечиной атеистов самим себе

Из Спасска власти потребовали удалить его в село, и вот по какому случаю. С ним переписывались две его прихожанки – студентки-отличницы пятого курса Рязанского медицинского института имени Павлова. И вдруг в рязанской комсомольской газете кто-то опубликовал перехваченное у них письмо, сопроводив его злобными комментариями.

Начиналась статья так: «Здравствуйте, дорогие отец Анатолий, матушка Ольга Михайловна, Леночка, Ксенечка, Лидочка, Сереженька, Машенька, Серафимчик и Феденька!»

Маленький Миша очень огорчился, что в газете его назвали Машенькой.

Эта статья стала увесистой пощечиной атеистов самим себе. Во-первых, противозаконная публикация выкраденного письма. Во-вторых, студентки-пятикурсницы, отличницы, активистки, к тому же медики (в советское время почему-то считалось, что медики – по роду занятий уже атеисты), – и при этом верующие! Да еще такие замечательные, теплые письма пишут своему батюшке.

Времена все-таки изменились

Отец Анатолий ожидал ареста, но времена все-таки изменились. Вместо репрессий последовала серия атеистических статей, которые к тому времени уже никто не читал[4]. В дело вступила главная областная газета. В ней появился гадкий фельетон. Вот фраза из него: «Говорят, отец Анатолий между ранней и поздней обедней ходит в сторожку пить чай. Да и один ли только чай!» Попробуй опровергни! «Вы меня подозреваете в пьянстве». – «Ничего подобного! Только предполагаем, что кроме чая вы пьете, например, клюквенный морс или еще что-нибудь».

Дальше последовали статьи с обвинениями и клеветой. После этого власти потребовали убрать отца Анатолия из Спасска в какое-нибудь село. Владыка предложил ему несколько сел (священников было мало, не все приходы их имели). Брат выбрал село Маккавеево (оно срослось с поселком Сынтул, так что его назначили в Сынтул).

В этом селе служили когда-то наш прапрадед и его зять – наш прадед. До отца Анатолия там многие годы служил ревностный батюшка – родной дядя супруги отца Анатолия, матушки Ольги Михайловны, протоиерей Феодор Дмитрев, брат священномученика[5] и отец мученика[6]. Так что на этом фоне активность отца Анатолия была не так заметна, и он прослужил в Сынтуле до своей кончины. Там и похоронен недалеко от отца Феодора.

Перед повышением в должности ему предложили вступить в партию

Следующий за Анатолием мой брат Владимир скончался в двухлетнем возрасте. За ним, в 1919 году, родился Виктор. О нем я знаю немногое. Окончив семилетку, он как лишенец год был без дела. Но вышла Сталинская конституция 1936 года, уравнявшая (хотя бы формально) всех в правах, – и он поступил в

Касимовский индустриальный техникум (КИТ). Говорят, что архимандрит Кирилл (Павлов) тоже когда-то учился в этом техникуме. Помню еще, что в техникуме брат играл в духовом оркестре.

Окончив КИТ в 1941 году, Виктор был отправлен в Куйбышевскую (теперь Самарскую) область. В начале войны успешно справился с военным заказом, и перед повышением в должности ему предложили вступить в партию. Он отказался. С него сняли «бронь» (так в войну в народе называли документ, по которому ценных работников не брали в армию). В январе 1943-го он был ранен в живот и на третий день скончался.

Перед его кончиной папа видел такой сон. Виктор под аккомпанемент духового оркестра поет «Ныне отпущаеши» Строкина. Этот сон подготовил нашу семью к горестному испытанию.

Маленькая исповедница

Следующим ребенком в нашей семье была моя сестра Вера. Она родилась в 1922 году. Ее жизнь мне известна гораздо подробнее. Она за годы учебы – десять лет в школе и четыре года в КИТе (нашем техникуме) – получала всегда высшие оценки. Если не ошибаюсь, на «отлично» учился и Анатолий, поэтому родители и вообще старшие горевали особенно, что ему не пришлось учиться нигде, кроме семилетки.

В целом дети из религиозных семей, насколько я могу судить, были гораздо более развиты, чем их сверстники. Думаю, здесь сказывались три фактора. Первый – правильное мировоззрение. Ведь даже осмысленное знание Символа веры давало большое преимущество перед теми, кто его не знал.

Второй – чтение Священного Писания и участие в богослужениях, повышающее четкость мысли, культуру речи, чтения и пения, не говоря уже о высоких переживаниях, например, пасхальных или великопостных.

Третий фактор – столкновение мировоззрений, заставляющее работать ум и напрягать волю в исповедничестве. Так, маленькой Вере в начальной школе пришлось пережить следующий эпизод. Ее заставляли написать какую-то антирелигиозную фразу, помнится: «Религия – опиум для народа». Она сказала: «Не буду!» Учительница довела девочку до слез, но кроме этих слов ничего не добилась. Начавшись утром, происшествие продолжилось до ночи. Участвовало в нем последовательно школьное руководство. Были оповещены и вызваны в школу и какие-то городские начальники, но ни уговоры, ни угрозы не подействовали. Без еды,

без воды, в слезах кроха выдержала этот нажим и только ночью была отпущена. Хорошо еще, что дом деда, в котором мы тогда жили, находился в двух шагах от школы.

Уже в средней школе один из учителей любил говорить, глядя чаще всего на Веру: «В верующем мне видится что-то отвратительное, вроде безобразной жабы».

Мы в школе вовсе не были изгоями

Несмотря на это, мы в школе вовсе не были изгоями. Во-первых, потому, что давление на нас совершалось людьми, от которых это требовалось их официальным положением, а основная масса учеников и даже учителей относилась к верующим с уважением за их принципиальность. Некоторые были тайными христианами или колебались, чувствуя, что в официальном мировоззрении что-то не так.

Во-вторых, мы не кичились своими успехами в учебе, но с готовностью помогали разобраться с непонятным материалом всем, кто в этом нуждался.

В-третьих, мы жили в соответствии с принципом: не враждовать с теми, кто с нами враждует. Мы были активными участниками всех мероприятий, кроме антирелигиозных или предпринимаемых в насыщенное священными воспоминаниями и богослужениями время.

Касимов, ул. Большая, вид на Вознесенский собор

В общеобразовательной школе такое уклонение от участия в мероприятиях особых протестов не вызывало. А вот в школах дополнительного образования – даже гораздо позднее – поступали жестче. Так, за неучастие в концерте в Великую Пятницу исключили из Касимовской музыкальной школы двух детей протоиерея Анатолия. Затем за пропуск занятий во время всенощной под Благовещение, под Вербное воскресенье и в Великую Субботу (Благовещение тогда случилось в воскресенье) исключили из той же школы двух моих детей. Правда, и тех и других примерно через год пригласили обратно. Но вернулись только по одному из каждой семьи.

Несмотря на некоторые неприятные случаи, мы в школе чувствовали себя неплохо. Учителям нравились наши успехи и поведение; с учениками сложились вполне товарищеские отношения, даже какое-то уважение с их стороны было. Свидетельство об окончании школы Вера получила под звуки туша, исполняемого духовым оркестром (я при сем присутствовал).

Бывший одноклассник Веры, когда-то озорник Леша Петропавлов, был награжден званием Героя Советского Союза за взятие Киева. Когда он приехал в Касимов, то поделиться своей радостью о «Золотой Звезде» первым делом пришел именно в нашу семью.

Я не кричала “Осанна!”, и “Распни!” кричать не хочу

После окончания техникума, проработав некоторое время на севере Костромской области, Вера вернулась в Касимов, поступила нормировщицей на шубзавод (он за время ее работы несколько раз поменял свой статус и название) и трудилась там до пенсии.

Из времени ее работы на заводе приведу три факта. Когда после смерти Сталина Хрущев устроил судилище над ним (хотя сам был участником и в какой-то мере организатором всех беззаконий, творившихся в те годы), на заводе – как и повсюду – было собрание, где возмущались жестокостями сталинских времен. Вера молчала. Ее укорили: «Что же ты молчишь? Ведь вы больше всех от него пострадали». Она ответила: «Я не кричала “Осанна!”, и “Распни!” кричать не хочу».

Там же, где и вы!

Второй разговор. Коммунистке, у которой недавно умерла

мать, Вера сказала: «Мы, верующие, хотя и скорбим о наших умерших, но не безнадежно – надеемся увидеться с ними. Вы-то где себе утешение можете найти?» Та отрезала: «Там же, где и вы!» Дома Вера притворно возмущалась: «Вот хитрые коммунисты! Прежде нас в Царство Небесное скачут!»

Все справочники перероет, а прибавку, пусть и небольшую, найдет

В-третьих, хочется привести отзыв о сестре одного рабочего. Смысл таков: «Веру Сергеевну обмануть мы не пытались – сразу обнаружит приписку. А попросишь: “Вера Сергеевна, нужда заела, мало зарабатываю!” – все справочники перероет, а прибавку, пусть и небольшую, найдет».

В нашей семье есть интересные параллели

Вторая половина жизни Веры – да и работа тоже – осложнялись прогрессирующей глухотой, которая не помешала ей дотянуть до пенсии. В дальнейшем нам пришлось общаться с ней при помощи записочек. Очень мешала глухота на службах в церкви. Хорошо еще, что она знала порядок службы и даже Устав. Видя, за какую книгу берутся на клиросе, она догадывалась, какого характера песнопения или чтения в данный момент звучат. Впоследствии она стала брать в храм богослужебные книги и по ним следила за службой.

Когда моя младшая дочь научилась читать, – а это случилось в очень раннем возрасте – она стала пристраиваться к тете Вере и вместе с ней следить за службами по текстам. Это впоследствии очень помогло ей в регентстве.

Примерно за одиннадцать лет до кончины у Веры случился перелом шейки бедра, и оставшиеся ей годы она провела в постели. Последние семь лет за ней ухаживала старшая дочь отца Анатолия и ее крестница Елена, тоже не вышедшая замуж.

В нашей семье есть интересные параллели. Две дочери священномученика протоиерея Анатолия остались девушками. То же произошло в семье исповедника Сергия: обе его дочери – девственницы. И еще раз это произошло в третьем поколении: у сына исповедника Сергия, протоиерея Анатолия, только одна дочь вышла замуж и стала родоначальницей большого семейства, две же другие дочери замуж не вышли. И одна из них, Елена, ухаживала за Верой до ее кончины в 2014 году.

Сережа вступить в комсомол отказался – и его сразу

отправили на фронт

В 1925 году родился мой брат Сергей. Он был или менее способным, или менее усердным в учебе и после седьмого класса поступил в Касимовский ОСВОД (Общество спасания на водах). Окончив курсы легких водолазов, работал инструктором водолазного дела в ОСВОДе до восемнадцати лет.

В начале 1943 года его со многими касимовцами мобилизовали, отправили в город Горький (Нижний Новгород) на курсы пулеметчиков, и после их окончания ему и другим успешным выпускникам было предложено вступить в комсомол.

Тех, кто вступил, отправили на офицерские курсы, и на фронт они попали только в самом конце войны. Сережа вступить в комсомол отказался – и его сразу отослали на фронт, где он 1 октября 1943 года, не успев вступить в бой, еще на марше был убит.

Перед его кончиной папа тоже видел сон. Комната, разделенная длинным столом на две части. Одна половина ярко освещена и нарядна – в ней за столом сидит погибший на фронте Виктор в новенькой военной форме, подтянутый, парадный. Напротив него, в неряшливой половине, понурые и печальные сидим мы с Анатолием. Вдруг отворяется дверь, входит Сергей – тоже в новенькой форме! – и садится рядом с Виктором. И мы после этого сна стали ждать извещения.

Радость Сережи оттого, что он подарил нечаянную радость другим

Хочется вспомнить эпизод из моего детства (Сережа тогда был подростком). Не знаю, по какому случаю, но у нас оказались две буханки черного хлеба. Одну мама оставила нам, а другую дала Сереже со словами: «Отнеси Лебедевым». Лебедевы – многодетная семья ссыльного священника, – хотя, в отличие от нас, и жили в своем довольно обширном доме, нуждались больше нас.

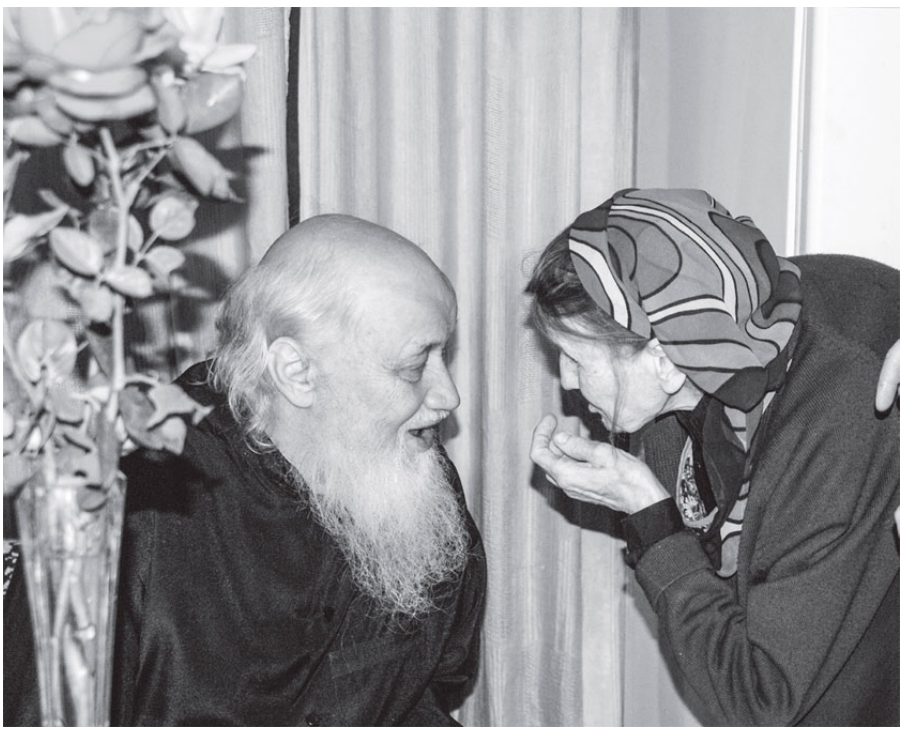
И Сергей задумал и осуществил авантюрный план. Выследил, когда в их зале никого не было, пробрался туда и положил в центре стола буханку хлеба. Потом (было уже темно) пристроился снаружи у окна и стал ждать, что будет. Вскоре в зале появился малыш, увидел буханку и побежал вглубь дома. И тут же вся семья собралась около этой буханки. В диком восторге Сережа прибежал домой и, рассказывая о происшествии, выделывал этакие коленца, не зная, как выразить свой восторг.

Ребенком я приписывал этот восторг удаче авантюры – мне,

книгочею, она была не по силам, – но после понял, что радость Сережи произошла оттого, что он подарил нечаянную радость другим.

Главный бухгалтер потребовала от директора на место Сони трех человек

Моя сестра София родилась в 1927 году. Это она выпросила у Бога сахарку. Училась она ровно и хорошо, но без того блеска и интереса, которые были у Веры. После семилетки пошла в КИТ (наш индустриальный техникум), когда там уже училась Вера. По окончании поработала где-то на севере – то ли в Костромской, то ли в Вологодской области, а потом до пенсии – в бухгалтерии утюжного завода, тоже менявшего и ведомства, и наименования.



Отец Владимир с сестрой Софией Сергеевной

Из этого времени приведу восторженные слова одного инженера: «Соня, если бы ты была комсомолкой, ты была бы настоящей комсомолкой!» Очень характерная фраза. Кротость, ответственность и основательность (ей приходилось брать работу домой, где ей помогали и мать, и сестра) отличали ее. После ее ухода на пенсию главный бухгалтер потребовала от директора на

ее место трех человек, на что директор отозвался: «И не стыдно было так эксплуатировать человека?» Кажется, в конечном счете согласились на двух.

Ее чтение и пение были долгие годы украшением службы

У Сони был хороший голос – ровный, наполненный альт, «голос канонарха», так что ее чтение и пение были долгие годы украшением службы в Никольском, напомню, единственном тогда храме нашего города. Украшала службу пением и моя матушка Нина Ивановна, но у нее было сопрано.

Про Соню тетушки Правдолюбовы со смехом рассказывали: двоюродные малыши-ровесники Борис Архангельский и Соня Правдолюбова в саду играли вместе – и было слышно: «Пи-пи-пи», – а в ответ: «Бу-бу-бу». «Пи-пи-пи» – это Борис, а «Бу-бу-бу» – Соня.

Монастырский канонарх монахиня Серафима и ее ученица Соня создали у нас целую школу чтиц. Отзвуки ее до сих пор живут в нашем храме. Тем более что традицию (хоть и не в полной мере) поддерживает матушка Анна (с недавних пор схимонахиня Иоанна), в свои девяносто лет еще читающая на клиросе.

Знаете ли вы, какие чтецы вас сегодня слушали?!

Когда-то в Печоры приехала группа паломников из Касимова, в ее составе были Соня, Анна и я. Я прошел в алтарь. И какой-то иеромонах очень сбивчиво и с ошибками читал утренние молитвы. Отец Иоанн (Крестьянкин) качал головой. Когда чтец пришел в алтарь, отец Иоанн сказал ему: «Что же вы, батюшка, так плохо читали? Знаете ли вы, какие чтецы вас сегодня слушали?!» Тот в ответ: «Батюшка, простите, очки в келии забыл».

Когда он отошел, отец Иоанн сказал мне: «Очки он забыл! Должен наизусть утренние молитвы читать! Вообще, с чтением у нас не очень хорошо». И в этот же день на литургии какой-то монах идеально читал молитвы перед причащением. Я говорю: «Батюшка, вы напрасно жалуетесь. Вот какой замечательный чтец». Он ответил: «Это не наш, это преподаватель Московской духовной академии».

Постничество Сони

Невольным подвигом Сони было постничество. Ее желудок

иногда – по неизвестной причине – вдруг переставал работать. В результате дурнота, тошнота и в итоге рвота с последующим обмороком. Причем при рвоте могла вылететь совершенно непереваренная пища, которую Соня ела два или даже три дня назад. С обмороками – после долгих попыток угадать, от чего они происходят, – догадались, как справляться; поняли, что обмороки были голодными. И тогда при появлении обычных симптомов, ей стали давать глюкозу, которая усваивается организмом без изменений.

Так она промучилась с шестнадцати лет до своей кончины в возрасте восьмидесяти трех лет. Хотя такие приступы были довольно редки, угроза их заставляла Соню есть крайне мало и с придирчивым разбором. Папа, исповедник Сергий, говорил, что это хорошо, позволяет без особых усилий нести подвиг девства.

Теперь о себе

Теперь о себе. Я был последним в семье, и меня – насколько это позволяли суровые условия нашей жизни – слегка баловали. И я рос изрядным лентяем и лоботрясом. Правда, в дошкольном возрасте, выучившись очень рано читать, я почти все время читал Библию и жития святых. Но читал не с мыслью: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную», – а с любовью к процессу чтения и с любопытством. Получив учебники к новому учебному году, я их прочитывал по мере приобретения – еще летом. Поэтому в школе я уроков почти не учил.

То, что требовало трудовых усилий, мне не давалось. В начальных классах это было чистописание. И до сих пор пишу как курица лапой. Особые отношения сложились с математикой. В пятом классе арифметику нам преподавала малоквалифицированная учительница. В шестом алгебру и геометрию стала преподавать уже совсем в математике малограмотная. Я в этих классах по математике по инерции отличника получал сплошные пятерки.

Но в конце шестого класса состоялся письменный экзамен по математике, на котором я позорно провалился. И поскольку со мной вместе провалилось большинство учащихся шестых классов, нас всех перевели в седьмой и дали нам лучшего учителя математики в городе. Он сумел пройти с нами за один год курс всех трех классов – с пятого по седьмой – и привил любовь к математике. Ей, а также физике и химии, я уделял и внимание, и труд, что впоследствии позволило мне поступить на механико-математический факультет Московского государственного университета. Зачем я все это рассказываю, станет ясно чуть

позже.

Как ослабели руки безбожной власти

А сейчас – эпизод, показывающий, как ослабели руки безбожной власти уже в мое время. У нас, с пятого по седьмой класс включительно, жила сиротка. Отец ее, иерей Сергий Скачков, умер в ссылке, чуть позже умерла и ее мама. После седьмого класса ее родная тетя должна была взять ее в Москву на работу, а пока (с ее подготовкой она в московской школе учиться не могла) она жила у нас и училась вместе со мной. У нее была очень хорошая память, и уроки она заучивала наизусть, не очень вникая в смысл.

И вот в курсе «История древнего мира» был параграф, состоящий из трех частей. Средняя часть кратко говорила о Христе – понятно, в каком тоне. Отвечать этот параграф учительница вызвала нашу сиротку Раю. Та слово в слово отбарабанила первую часть и вдруг перед второй остановилась, испуганно расширив глаза.

По обычаю (это было при каждой заминке в ответах) молоденькая, преподававшая первый год учительница возгласила: «Правдолюбов!» Я встал и сказал: «Это я отвечать не буду!» – «Почему?» – «Потому что не буду!» – «Почему?» Пока мы так препирались, Рая опомнилась и так же слово в слово начала декламировать третью часть, пропустив вторую. Это всех нас вывело из затруднения, и благодарная учительница поставила ей пятерку.

В комсомол не вступлю, а в университет поступлю!

В десятом классе я учился в школе, каждый выпуск которой давал хотя бы одного студента университета, чем школа очень гордилась. И когда учителя узнали, что я хочу поступать на мехмат (такое самоуверенное заявление я, думается мне, сделал, так как в нашем классе одна ученица собиралась в Ленинградский государственный университет и еще один ученик – в Казанский), их реакция была очень интересной.

На последнем экзамене на аттестат зрелости брать билет меня вызвали последним. Против обыкновения, ребят, сдавших экзамен, удаляли из класса. Взамен в класс приходили учителя. Собрался почти весь педколлектив! И все дружно стали уговаривать меня вступить в комсомол. Говорили: «Какая будет честь для школы, если наш выпуск даст студентов МГУ, ЛГУ и КазГУ!» А некомсомольца в университет, конечно, не пропустят. Я

тоже был в этом уверен, но, чтобы не огорчать учителей, сказал: «В комсомол не вступлю, а в университет поступлю!»

Интересные у вас родственники!

И, подав документы в МГУ (в которых было сказано: отец – священник, служит в Лебедяни; брат – священник, служит в Спасске Рязанской области), я ждал, на каком этапе меня не пропустят. Документы приняли, экзамены сдал – и никто мне не задал вопроса о родственниках. Прошел медкомиссию. И вот мое дело лежит на столе у председателя медкомиссии – интеллигентной московской дамы.

Просмотрев мое дело, она заметила: «Интересные у вас родственники!» Я подумал: «Вот оно». И с заготовленным задором ответил: «Да, интересные!» – «А как вы относитесь к их убеждениям?» – «Полностью разделяю!» И услышал ошеломивший меня ответ: «Ну и молодец! Идите, учитесь!» Подписала она, где надо, и отдала мне мое дело. Так я оказался – паче чаяния! – в университете.

Мне хотелось разобраться с теорией относительности

Папа напутствовал меня: «Раз поступил, учись до конца. Верующему надо быть обязательным человеком, сознающим свою ответственность». Должен сказать, что я и не думал стать священником, считая себя недостойным этого высокого сана. Поэтому и сделал отчаянную попытку поступления в МГУ.

Была у меня и затаенная мечта, толкавшая меня в университет. Мне хотелось разобраться с теорией относительности. В ней меня особенно поразила замкнутость пространства. Ведь в геометрии Евклида, которую мы целых пять лет изучали в школе, пространство открыто. До ответа я добрался лишь на четвертом курсе. Он оказался очень простым.

В том куске пространства, который доступен нашему наблюдению, обе геометрии справедливы, но только приблизительно: Евклид – первое приближение, Эйнштейн – второе. Но при распространении их законов на всю вселенную они сталкиваются в непримиримом противоречии. Отсюда вывод: наука сильна «здесь и сейчас». Расширение ее выводов на «везде и всегда» приводит к ошибкам. То есть в вопросах мировоззрения наука бессильна (об этом я написал в статье «Библия и космогония», она есть в интернете).

Этот – нашего рода

В университете я не афишировал свою религиозность, но по-прежнему на каникулах участвовал в клиросном послушании: в первый год в Лебедяни, а потом, после кончины отца, в Касимове. Московская же служба мне не нравилась, и я перебрал много храмов, прежде чем успокоился на Елохове и храме Покрова на Лыщиковой горе.

Оказалось, что это укрыло меня от московских наблюдателей за поведением студентов. Мне попалась статья в газете, требующая исключения из вуза некоего старообрядца, регулярно ходившего на Рогожское кладбище, где находился духовный центр старообрядчества. Но в самом университете, видимо, люди были или верующими, или уважающими верующих и свободными от доносительства.

Уже будучи священником в Касимове, я познакомился с доцентом Мирославлевым, внуком дореволюционного настоятеля Никольского храма. Он учился на мехмате еще до войны и оканчивал его после войны. Он рассказал мне, что декан факультета профессор Голубев, увидев мои документы, сказал: «Этот – нашего рода».

Тот был протоиерей, а мой отец – просто иерей

Про Голубева он же сообщил мне интересный анекдот. Когда-то Голубев был ректором Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского. Шла очередная «чистка», и первым на комиссию был вызван ректор. Ему сразу же задали вопрос: «Кто был ваш отец?» Ответил он так: «Мой отец имел тот же сан, что и отец человека, имя которого носит наш университет, с тою только разницей, что тот был протоиерей, а мой – просто иерей». Дальше вопросов не последовало – ректор остался на месте.

Нужны заповеди Божии и Божия благодать

За все время пребывания в университете меня еще только дважды спросили о вере – и оба раза с неожиданным результатом. Первый был на первом курсе. С чего тогда начался разговор, не помню. Только точно знаю, что инициатором был не я, а мой однокурсник, болезненный мальчик. И из разговора помню озадачившие меня слова моего собеседника.

Смысл их такой: «Ваши мученики страдали за награду, а революционеры, не ожидая для себя никаких выгод ни здесь, ни после смерти, – уходя в небытие! – жертвовали собою только ради людей. Насколько же выше их подвиг по сравнению с вашими подвижниками». Сознаюсь – растерялся. Но в качестве «остроумия

на лестнице» пришел ко мне такой ответ: «Откуда у революционеров могли появиться сострадание и готовность к жертвам, даже своей жизнью? Это – результат христианского воспитания многих поколений их предков».

Нравственность в человеке обладает инерцией. Пришедший к вере далеко не сразу становится высоконравственным человеком. И наоборот. Потерявший веру вовсе не обязательно становится безнравственным. Иногда для утраты нравственного облика может потребоваться несколько поколений. Практические наблюдения подтвердили это мое рассуждение (правда, потеря нравственных качеств совершается гораздо быстрее, чем мне казалось).

На принципе «максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся» ни сострадания, ни способности к самопожертвованию не воспитаешь! Нужны заповеди Божии и Божия благодать. К сожалению, я не смог высказать свои соображения оппоненту-сокурснику. Вскоре после нашего разговора он по болезни ушел из университета.

А сам-то ты верующий? – Конечно!

В последний раз вопрос о вере был мне задан уже на пятом курсе. Дело в том, что подготовку документов (анкеты, автобиографии и т. д.) осуществляли сами студенты, точнее, тройка руководителей группы: староста, профорг, комсорг. У нас все трое были девушки. Они в определенное время собирались в комнате старосты, и мы по очереди приходили к ним (на первых порах в новом здании университета каждый студент имел отдельную комнату).

У меня в анкете: «Отец – священник, скончался тогда-то, брат – священник, служит там-то». Прозвучали слова, которые я уже слышал от врача при поступлении: «Интересные у тебя родственники». – «Да, интересные». – «А сам-то ты верующий?» – «Конечно!» И тогда наш комсорг сказала: «Тебе легче жить. А тут, как подумаешь, что итогом жизни будет лопух на твоей могиле, – жить не хочется!» Я всей кожей ощутил, какой мрак в душе у неверующих людей! Но она стала говорить о том, какие безобразники ее знакомые верующие, и я, не имея, что возразить ей (откуда я знаю ее знакомых?), поспешил ретироваться.

Стояние Зои

После университета я два года работал учителем математики

в школе Куйбышевской железной дороги в семидесяти километрах от Пензы. И здесь хочется отметить два факта. Первый: я был косвенным свидетелем чуда, известие о котором в народе распространилось под названием «Куйбышевская девушка», а в самиздате – «Стояние Зои».

Начну с того, что в пасхальную ночь 1955 года в храме города Пензы меня увидели две мои ученицы (конечно, и я их издали увидел). С этих пор они стали открытками поздравлять меня со всеми советскими праздниками: с 1 Мая, годовщиной Октябрьской революции, Днем Советской армии, чуть не с Днем Парижской коммуны!

В 1956 году после зимних каникул я пришел в школу. В учительской парторг читала вслух Куйбышевскую молодежную газету. Я услыхал одну фразу: «Ловкие церковники выдают обычную летаргию за Божие наказание». Пришел в класс на урок – мои поздравительницы отсутствуют. Спрашиваю: «Почему их нет?» Ребята со смешком отвечают: «В Куйбышев поехали!» – «Зачем?» – «Приедут, расскажут».

Не помню откуда, может быть от домашней хозяйки, я в общих чертах услышал, что произошло в Куйбышеве. Когда мои ученицы приехали, я спросил, что они видели. Они ответили: «Да что увидишь! Частный дом, около него оцепление милиции и толпа, в которой говорят, что в доме стоит девушка, которую не могут оторвать от пола, чтобы положить на кровать».

Батюшка меня, незнакомца, назвал по имени

Второй факт определил мою дальнейшую судьбу. В газете опубликовали письмо преподавателя Саратовской духовной семинарии Евграфа Дулумана, в котором он отрекался от Бога. Потом появились аналогичные письма некоторых священников. Я понял, что начался новый нажим на Церковь, и подумал, что мне стыдно оставаться в стороне – надо идти в священники.

Чтобы убедиться в правильности моего стремления, я по совету моего бывшего настоятеля, протоиерея Михаила Введенского, поехал в Троице-Сергиеву лавру на исповедь. Она проходила в храме под Успенским собором. Исповедовали несколько священников. Я прошел к западной стене (где сейчас могила Святейшего Патриарха Алексия I). Там с одной стороны исповедовал иеромонах с вдохновенным лицом, а с другой – какой-то старичок. Почему я пошел к этому старичку, не знаю!

Спросил: «Батюшка, можно у вас поисповедаться?» – «Ну что же, исповедуйся! Как тебя зовут? Владимир, что ли?» – «Владимир!» – «Ну, кайся Господу Богу в своих согрешениях!» Я

только после исповеди сообразил, что батюшка меня, незнакомца, назвал по имени. И думаю, что это он сделал, чтобы я не сомневался в правильности выбора.

Как к родному отцу

Хочу немного сказать об ослаблении системы доносительства. Когда брат Анатолий был на фронте, его жена Ольга Михайловна жила у нас. Ее вызвали в органы. Спросили: «Как вы относитесь к своему свекру?» – «Как к родному отцу», – восторженно ответила она. Поняв, что сексота из нее не получится, ее спросили еще о чем-то и отпустили, предупредив, чтобы она никому об этом разговоре не рассказывала. Она, конечно, никому, кроме семейных, и не рассказала.

Тебя ждут, но ты ничего не бойся!

Моя будущая матушка – ныне покойная Нина Ивановна – с детских лет пела на клиросе. За это на нее в техникуме, где она училась, рисовали в стенгазете карикатуры. Но однажды она пришла в техникум, и у входа (на лестнице) какой-то преподаватель взволнованно предупредил ее: «Тебя ждут, но ты ничего не бойся!» То же самое кто-то повторил в коридоре. И затем директор, сказав примерно те же слова, ввел ее в свой кабинет.

Там какой-то человек представился ей как председатель КГБ. Она спросила: «А что это такое?» Тот понял, что страху на нее нагнать не удастся, и тоже вскоре ее отпустил. Впоследствии, рассказывая мне об этом, она призналась: «Я так и не поняла – и долго не понимала! – почему все в техникуме так перепугались».

Не вижу в себе ни вкуса, ни таланта для этой работы

Когда я был псаломщиком, меня вызвали повесткой в паспортный стол. Оттуда проводили в кабинет КГБ. Там были двое – начальник и его помощник. У помощника лицо обыкновенное, а у начальника почему-то наводящее ужас. Как они умели такую видимость создавать? Наверное, есть какие-то особые технологии.

Меня спросили: «Как вы относитесь к советской власти?» Я ответил: «С уважением». Следующий вопрос: «Если вы заметите что-то враждебное советской власти, вы доложите об этом?» Я ответил: «На болтовню не обращу внимания, а если увижу что-то серьезное – доложу». – «Не могли бы вы делать это на постоянной

основе?» – «Не вижу в себе ни вкуса, ни таланта для этой работы». – «Ну, мы еще об этом поговорим, а сейчас – имейте в виду! – вы не должны говорить, где были! Скажете, что в паспортном столе (а меня вызвали во время вечернего богослужения)». Я возразил: «Если спросят, отвечу, что не могу рассказать, где был, а неправду говорить не стану». Мне говорят: «Идите».

У нас же откровение помыслов!

Больше не вызывали. Когда я рассказал об этом отцу Иоанну (Крестьянкину), он сказал: «У одного монаха было еще интереснее. Когда его предупредили, что он не должен говорить, где был, он ответил: “Да что вы! У нас же откровение помыслов! Я вечером должен буду не только рассказать, где был и что говорил, но и признаться, что я при этом думал!” Его тоже больше не беспокоили».

Мы не можем быть октябрятами, потому что мы верующие

Теперь два случая из школьной жизни моих детей. Так получилось, что в одном классе собрались четыре поповича: мои старшие сын и дочь, сын другого священника и дочь дьякона. Такая вот головная боль учительнице! Сын Сережа говорит мне: «Папа, нас хотят записать в октябрята, сходи к учительнице отпроси нас». Я ему отвечаю: «Сережа, это будет понято так, будто бы я вас насильно принуждаю быть верующими. А ты сам скажи учительнице, что вы не можете быть октябрятами, потому что верующие».

Он решился. Сказал учительнице: «Александра Владимировна, я должен вас огорчить: мы не можем быть октябрятами, потому что мы верующие». – «Сережа, какие вы верующие? Вы еще очень маленькие. Ну что тебе дала твоя вера?» – «А знаете, преподобному Сергию, когда он был мальчиком, не давалась грамота. Он помолился и стал успешно учиться». – «Довольно, Сережа», – закончила проповедь учительница. Так все четверо – за спиной Сережи! – октябрятами не стали.

Как мои дети проводили миссионерскую работу в школе

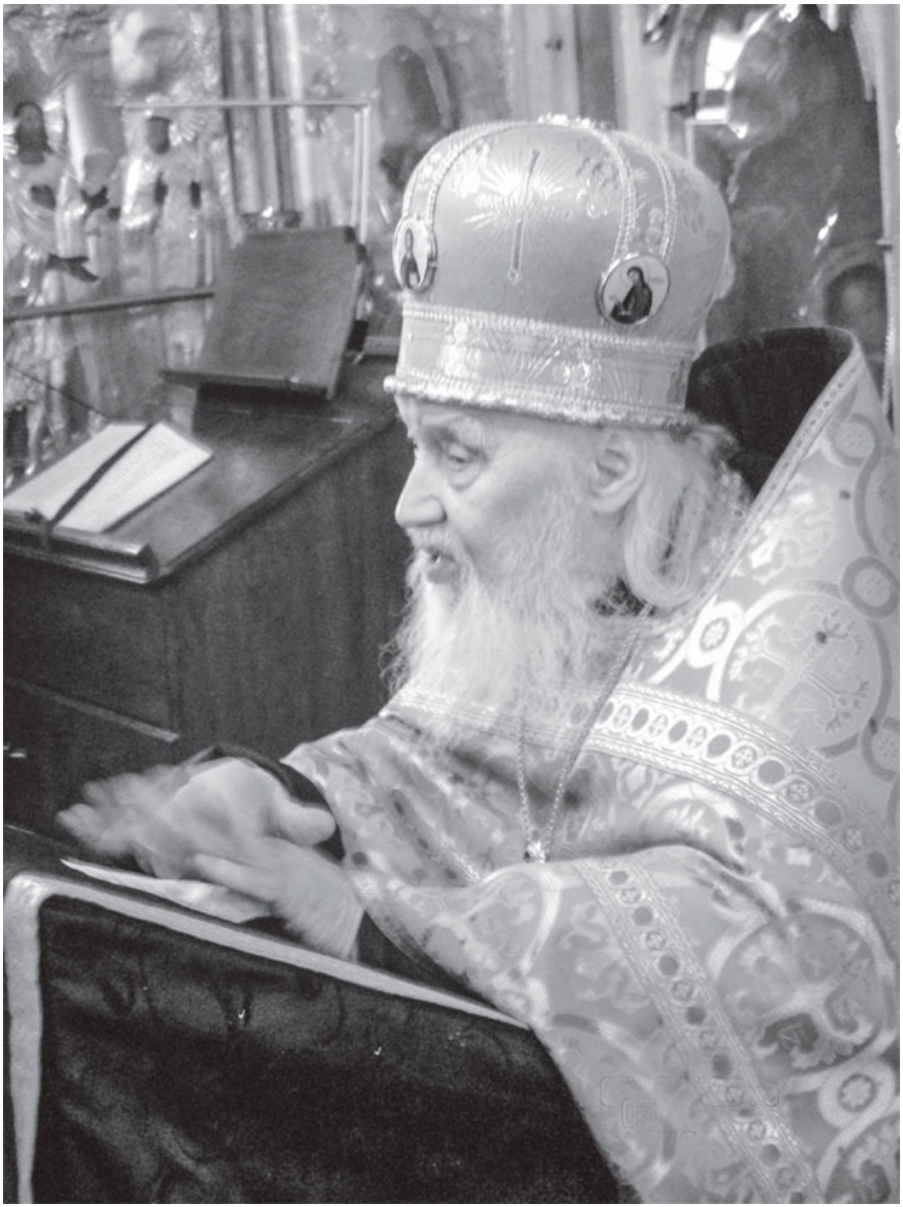
Второй случай связан с моим самым озорным сыном Андрюшей (теперь он солидный протоиерей). Но прежде надо рассказать о двойном чуде. Было крайне засушливое лето. Из подгорной деревни Поповки пришли заказать молебен о дожде (а без просьбы верующих священники не имели права служить такой молебен).

После службы они пошли к себе, а я – в противоположную сторону, причащать на дому. Возвращаясь обратно, уже после полудня, я остановился на горке перед городом – полюбоваться им. Он расположен амфитеатром по берегу Оки, а в конце дуги, через небольшой интервал, – деревня Поповка. Город залит ярким солнечным светом, а над Поповкой и ее полями – туча и косо падающая из нее стена дождя.

И в этот, и в последующие дни на город – в том числе и на мой огород! – не упало ни капли дождя, были увлажнены только поля Поповки. Я рассказал об этом своему брату, протоиерею Анатолию, который тогда уже служил в Сынтуле.

Оказалось, что в этот же день он служил молебен о дожде по просьбе жителей деревни Алешино, расположенной верстах в семи от Сынтула. Та же картина: в Алешине дождь, в Сынтуле и окрестностях – ни капли.

И в учебный год после этого лета учительница моих сыновей сказала ребятам примерно так: «Попы служат молебен о дожде, только когда барометр покажет падение давления. Если давление не падает, молебна не служат». Андрюша тянет руку. «Что тебе?» – «А может барометр показать, что в Поповке дождь будет, а в Касимове не будет? Поповские молились о дожде – у них был дождь. В Касимове не молились – и дождя не было». Таким образом, мои дети провели миссионерскую работу в школе. Так изменились времена.



Протоиерей Владимир Правдолюбов. Проповедь в Неделю ваий. 2015 г. Никольский храм

Если сравнивать прошедшие времена с нынешними

Если сравнивать прошедшие времена с нынешними, то можно заметить следующее. Священники раньше были или воспитанниками старых духовных школ с их высоким уровнем образования, или простецами, рукоположенными по нужде, чтобы храм не оставался без службы. Молодежь была разнообразнее,

чем сейчас: от готовых за Христа на муки и смерть – таких было мало – до ярых атеистов и борцов с «религиозным дурманом» – таких было еще меньше, и они постепенно сошли на нет. Все больше становилось растерянных, верящих, что «наука доказала, что Бога нет», и в то же время в момент нужды обращавшихся к Богу с молитвой. Дошло до того, что стали спрашивать: «Кому поставить свечку, чтобы сдать экзамен по научному атеизму?»

О праздниках и постах

О праздниках. Из-за скудости быта центр празднования перемещался на богослужение. Православные советского времени – особенно в начале его – отличались от современных большей воцерковленностью.

Посты соблюдались без уклонений, но и без современных неофитских излишеств. Практика была такой: почти во все постные дни вне поста, а также в Петровский и почти весь Рождественский посты, разрешалась рыба. Без постного масла и вина постились первые пять дней Первой и Крестопоклонной седмиц Великого поста, первые три дня Страстной седмицы и, конечно, особо строго в Великую Пятницу (вечером, хоть немного, но все-таки ели, чтобы не ослабеть к службам).

И в любое время года постились три дня перед причащением Святых Таин. Остальные дни Великого поста, предпразднство Рождества и Успенский пост – с постным маслом. Ну и рыба – на Благовещение, Вербное, Преображение. Конечно, нужда делала посты более строгими и трудными, но нарушить пост не приходило в голову не только семьям духовенства, но и рядовым верующим.

В светские праздники ходили по обязанности (а малыши – и с интересом) на демонстрации. На площадь к елке ходили дети с 7 января. Слушали новогодние поздравления главы государства.

Отношение к родителям и старшим было очень разнообразным. Ведь школа твердила детям: «Ваши родители – отсталые люди. Вы их должны воспитывать». Вот кое-кто и воспитывал. Но были и почтительные дети.

О старцах

Год я служил с отцом Иоанном (Крестьянкиным). Кроме того, Бог сподобил меня быть знакомым с двумя великими старцами. Первый – иеросхимонах Макарий (Еременко). Он после ссылки приехал в Касимов и поселился в утепленном сарайчике матушек Марии и Елены, с которыми познакомился в ссылке.

Его особенностью была какая-то атмосфера радости вокруг него. Стоило в церкви промелькнуть его седенькой головке, как сердце начинало прыгать от радости, словно на Пасху. Из-за интриг одного священника (не хочу называть его имя) отцу Макарию пришлось уехать в Рязань, где его приютил архиепископ Рязанский и Касимовский Николай (Чуфаровский).

У отца Макария была еще особенность – он не дерзал учить священнослужителей. Когда я бывал у него студентом, он вел душеспасительные беседы. Когда к нему приходил отец Анатолий (мой брат), старец вспоминал, как был полковым священником, как ему пришлось однажды ехать верхом на лошади, почему кагор называется кагором, и т. д. Отец Анатолий даже на это немного обижался.

И вот на отдание Пасхи я был рукоположен во диакона. Пришел к отцу Макарию – он меня угостил и стал вспоминать, как был полковым священником… его обычные темы для разговора со священнослужителями. Я про себя взмолился: «Мне завтра рукополагаться во священника – подготовил бы меня!»

Вскоре трапеза закончилась. Отец Макарий говорит: «Я отдохну, а тебе все равно некуда идти – посиди, почитай!» И дает мне разрозненные листки с поучением на тему: «Взирай на Иисуса!» (см. Евр. 12, 2). Я запомнил только один раздел. Взирай на Иисуса и не говори себе: «Что я могу?» Ты прав, ты ничего не можешь! Но Он-то, Он все может! И говори себе: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13).

На другой день старец встретил меня, всплескивая ручками: «Радость-то, радость-то какая! “Заблудшее горохищное обрет овча, на рамо восприим, ко Отцу принесе и Своему хотению”!..»[7] Я понял это в двух смыслах. Первый – праздничный: Господь вознес на небо Свое человеческое естество и воссел одесную Отца. Второй относится ко мне: заблудился в горах современной жизни, а Господь нашел меня и привел к Отцу и к Себе.

Делай все сама, никому не поручай

Через отца Макария я познакомился и с его духовником – преподобным Серафимом (Романцовым). Познакомился и с матушкой Евфимией, которая помогала глинским старцам в восстановлении монастыря, а в конце жизни отца Серафима в Сухуми ухаживала за ним.

Матушка рассказывала, как однажды отец Серафим послал ее из Глинской пустыни в Москву за кровельным железом и предупредил: «Делай все сама, никому не поручай». С ней в поезде ехал московский батюшка, вызвавшийся ей помочь, – она

не посмела возразить. Он только протянул время и ничего не сделал.

Когда она взялась сама, все получилось хорошо и быстро. Вернулась в Глинскую пустынь. Ее встречает расстроенный отец Серафим и говорит: «Где ты была? Ведь Макарий приезжал! Где ты была?» – «Так, батюшка, – заключила она печально свой рассказ, – я отца Макария никогда и не видела!»

Лжехристов пока не видим, а лжепророков видим

Отец Серафим помог мне, молодому священнику, разобраться со «святыми», жившими в нашем районе. В Елатьме – Анна Ивановна, пророчица, в Токареве – матушка Дунюшка, в Самылове – мать Настя, в окрестностях Мутора – монах Геннадий, в Новой Деревне – Матвей Александрович, где-то там же – старец Михаил.

Я спросил отца Серафима, как мне к ним относиться. Он ответил: «Все это – не по Богу. Смотри, времена грешные, а “святых” столько, сколько и в святые времена не было. Это – исполнение слов Господа: «Восстанут лжехристы и лжепророки» (Мф. 24, 24). Лжехристов пока не видим (разговор был более пятидесяти лет тому назад), а лжепророков видим».

Я робко заступился за матушку Настю Самыловскую. Он сказал: «А ты ее спытай!» – «А как?» – «Помнишь, как Симеону Столпнику запретили его подвиг? Он послушно потребовал лестницу, чтобы сойти со столпа. Тогда ему сказали: “Оставайся, раб Божий, и молись за нас”. Так и ты. Запрети ей принимать людей. Послушается – разреши. Не послушается – держись от нее подальше». – «А как я узнаю, послушалась она или нет?» Он усмехнулся и сказал: «Узнаешь».

И действительно узнал. Когда я пришел к ней проверить, она убеждала меня, что никого не принимает. Я от нее иду на автобус, а мне навстречу – пожилая женщина и хромой молодой человек. Я спрашиваю: «Вы к матушке Насте?» – «Да. Мы вчера у нее были, а сегодня она велела приехать попозже, но нам так автобус подвернулся».

С Анной Ивановной елатомской было еще интереснее. Ко мне в храме подошла женщина: «Батюшка, почему вы не почитаете Анну Ивановну? Ведь она – великая пророчица!» – «Я бы хотел с ней поговорить». – «Я ее спрошу!» Через некоторое время эта женщина заявляет: «Батюшка, она слышала наш разговор. Я не успела ничего сказать, как она говорит: “Скажи ему – нечего меня пытать! Не такие меня пытали!”»

Мне стало все ясно. Слово отца Серафима получило

подтверждение. Характерно, что отец Серафим не благословил запрещать людям ходить к лжесвятым. Если запретишь, а они пойдут, будет двойной вред – оттого, что пошли, и оттого, что не послушались и попали под «клятву священническую». Лучше, не настаивая, советовать не ходить. Неполезно запрещать и в других случаях.

Как часто можно причащаться

Когда отец Иоанн (Крестьянкин) был в монастыре, он поручил мне обсудить с отцом Анатолием вопрос о том, как часто можно причащаться. Отец Анатолий сказал: «Кто мы такие, чтобы решать такой вопрос. Ты скоро едешь к отцу Серафиму?» – «Скоро». – «Вот у него и спроси!» Отец Серафим ответил мне так: «Наши схимники (у него это слово прозвучало как “схымники”) причащались раз в месяц. Чаще не надо».

Получи лавровую ветвь – и иди в Царство Небесное!

Интересен случай с матушкой Марией (к которой приехал в Касимов отец Макарий). Она со мной послала отцу Серафиму (отца Макария уже не было в живых) большое письмо. Были и письма от других людей. На них он ответил, а на письмо матушки Марии отвечать не стал. Дело было зимой. В Сухуми плюс десять градусов, все зеленеет и благоухает.

Я, выходя от него, сорвал веточку ивы. Матушка, провожавшая меня, спросила: «Батюшка, это вы чего?» – «Хочу показать детям, где я был зимой». – «Это такую-то дрянь?» Подошла к лавровым кустам (почти деревьям) и быстро-быстро надрала большой букет веток. Побежала к отцу Серафиму: «Батюшка, благословите отцу Владимиру взять с собой – раздать вашим духовным чадам». – «Бог благословит». Благословил букет, выбрал из него самую пушистую и красивую ветку и сказал: «А это отдай матушке Марии!»

По приезде я вручил ей эту ветку – она поблагодарила, но очень огорчилась, что не получила ответа на письмо. Встречала меня на своих ногах, вполне здоровая, но через пять дней скончалась. Ответ на письмо был действительно не нужен. Получи лавровую ветвь – символ победы – и иди в Царство Небесное.

Для России час подвига за Христа пришел в XX веке

Рассказывает игумен Савватий (Рудаков), духовник и строитель женского монастыря Верхнечусовская Казанская Трифонова пустынь в Пермском крае

Мои бабушки

В моей жизни большую роль сыграли два родных человека: прабабушка Александра и бабушка Анна. Бабушка Анна воспитывала меня в детстве, приучала к храму. Я был любознательным ребенком; бывало, смотрел по сторонам в храме и замечал разных людей. Кто-то, как и я сам, оглядывался вокруг, рассматривая чужие обновки, кто-то шепотом передавал последние новости.

Я поднимал глаза на бабушку и видел: она не здесь – вся погружена в литургию. Стоит как натянутая струна: молится всем сердцем, всей душой. Были и еще такие, как она, молитвенницы. Так молились, наверное, первые христиане в катакомбах. Бабушка не читала наставлений, она учила меня примером своей жизни и молитвы.

Игумен Савватий (Рудаков)

Прабабушка Александра меня не воспитывала – она молилась за меня и за всю нашу семью. Молилась с детства. Будучи двенадцатилетней девочкой, побывала в паломнической поездке на Белой Горе, видела великую княгиню Елисавету Федоровну. Прабабушка многое повидала в своей долгой жизни, а прожила она почти сто лет: с 1900 по 1999 год. Дожила до того времени, как я, по благословению моего духовного отца, старца Иоанна (Крестьянкина), основал Казанскую Трифонову женскую пустынь, жила в этом монастыре, приняла из моих рук, по благословению

архимандрита Стефана (Сексяева), духовника епархии, монашеский постриг с именем Агафья.

Бабушки и рассказывали мне о своем отце и деде – Стефане.

Для России час подвига за Христа пришел в XX веке

Старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин) говорил: «Для России час испытания ее веры, час подвига за Христа пришел в XX веке… За семьдесят лет земная Русская Церковь пополнила Небесное Отечество множеством святых мучеников и исповедников».

Старец еще говорил: «На конец 1922 года был расстрелян по суду 2691 человек из белого духовенства, 1962 монаха, 1447 монахинь и послушниц. Это перечень лишь тех, чьи “судебные” дела сохранились, а сколько их, безвестных, убиенных без суда и следствия, предстало пред Богом в убеленных страданием победных ризах».

Из таких безвестных новомучеников, убиенных без суда и следствия, мой прапрадедушка Стефан.

Гражданская война разорила мирный край

Жили они в селе Мазунино Осинского уезда Пермской губернии (ныне Кунгурский район Пермского края). Это юго-запад Пермской губернии, богатый лесами, медной рудой, плодородными землями. Один из плодороднейших во всей губернии, Осинский уезд не только производил хлеб в количестве, достаточном для местного потребления, но и снабжал им горные заводы всего района. Сажали рожь, пшеницу, полбу, ячмень, гречиху, просо, лен. Занимались пчеловодством, рыболовством на Каме и Сылве.

Гражданская война разорила мирный край. За полтора года уезд трижды поочередно занимали красные и белые.

В Мазунино красные вошли как создатели нового порядка: сразу согнали всех жителей села на сходку. Объявили торжественно главное: «Советская власть даст крестьянам землю и свободу, в селе откроют школу, и дети будут расти грамотными, а религия – опиум для народа. Кто за открытие школы – голосуйте!»

Кому же не хочется, чтобы дети росли грамотными? Вот крестьяне и проголосовали. Через некоторое время в село приехали вооруженные люди, которые стали ломать храм, выносить иконы, скидывать кресты и колокола. Народ переполошился:

– Какое право вы имеете ломать наш храм?!

– Вы же сами хотели, чтобы ваши дети были грамотными. Нужно помещение для учебы. Вот храм и перестроим под школу!

Такая сильная вера у них была – как у первых христиан

Крестьяне поняли, что их обманули. Женщины заплакали, мужики запереживали. Арестовали всех открыто возмущавшихся, посадили в крепкий деревенский амбар. Держали без еды и воды. Сельчане, рискуя жизнью, пытались передать своим хлеб, воду. Их прогоняли, грозили расстрелом.

Арестованных по одному вызывали на допрос, требовали подписаться за советскую власть, за разорение храма, отказаться от веры, отречься от Бога.

Часть людей решили подписаться: мы, дескать, только вид сделаем, притворимся, что от веры отказываемся. А в Бога мы, конечно, верим! Как можно не верить?! Но церковь все равно разрушат, и наша смерть не спасет… А у нас дети, жены. Против рожна не попрешь… Жизнь одна… Подписывались – и их отпускали.

Осталось около пятнадцати человек. Среди них был мой прапрадед Стефан. Они твердо отказались подписываться. Такая сильная вера была – как у первых христиан. Прошло уже трое суток, как они голодали.

Утром арестованных вывели на окраину села и заставили копать землю. Когда выкопали яму примерно полметра глубиной, их расстреляли и скинули в эту братскую могилу. Кое-как засыпали землей. Многие были еще живы, из могилы доносились стоны. Поставили охрану. Сутки земля шевелилась. На вторые сутки раненых докололи штыками, достреляли и не разрешали забирать тела.

На третьи сутки в село вошла армия Колчака. Снова открыли храм, разрешили забрать тела убиенных и похоронить их за алтарем церкви как мучеников за веру. Трудно представить, что пережили родственники. К братской могиле поехали подводы, крестьяне откапывали тела сыновей, мужей, отцов. Их похоронили за алтарем храма, поставили большой общий крест.

Отец Стефана откопал его своими руками и вскоре умер сам. Сердце не выдержало. Стефану не исполнилось еще и сорока лет. Он был отцом трех дочерей и сына – младенца Аркадия.

Когда установилась советская власть, многострадальные тела убиенных снова откопали, тайком вывезли и зарыли на краю кладбища, чтобы стереть память о них, чтобы люди не почитали

исповедников веры Христовой. Они приняли смерть за веру, как первые мученики. Не воевали, не сражались с оружием в руках – просто отказались отречься от Бога.

Молитвами новомученика Стефана

Вскоре после смерти Стефана его сын заболел. Как-то раз вся семья увидела такую картину: тяжелобольной младенец внезапно оживился, заулыбался, весь просветился, привстал. Его голубые глазки смотрели вверх. Он протянул ручки к небу и залепетал: «Тятенька пришел, тятенька!» И умер. Видимо, отец забрал его, не оставил одного в лихую годину. В селе духовные старые люди говорили: «Стефан забрал сына в Царствие Небесное».

А три дочери Стефана в детстве и молодости терпели гонения за отца, притесняли их и в школе. Но молитвами отца жили они долго, молились Богу. Среди них была и Александра, в монашестве Агафья. Возможно, монашеский, ангельский чин Господь даровал и мне, и моей прабабушке Агафье молитвами новомученика Стефана.

Случившееся чудо оказалось чудом вдвойне

Не так давно я окрестил жителя Верхнечусовских Городков, бывшего председателя поселкового совета, а ныне пенсионера Волкова Юрия Александровича. Из того, что крещение он принял в уже немолодом возрасте, понятно, что большую часть своей жизни Юрий прожил человеком нецерковным. Поэтому, будучи новоначальным, имел многочисленные сомнения и недоумения. Молился об укреплении веры.

Казанская Трифонова пустынь

Из Верхнечусовских Городков к нашему монастырю Казанская Трифонова пустынь ходит паром. И вот не так давно на пароме Юрий Александрович встретил небольшую группу людей, сопровождавших инвалида-колясочника. Все они были неместные. Пока ждали отплытия, познакомились, разговорились.

Мужчина в коляске оказался бывшим воином-афганцем. Во время военных действий летел на «вертушке» – вертолете, вертолет под обстрелом загорелся. Из всего экипажа он один остался в живых. Его еле спасли – на теле были многочисленные ранения, позвоночник поврежден, чуть не все кости переломаны. Воин перенес несколько операций, но ничего не помогло, и вот уже много лет нижняя часть тела парализована.

Сопровождавшие инвалида друзья стали спрашивать дорогу к источнику Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Юрий Александрович подумал про себя: «Зачем только время тратят и силы? Столько лет человек прикован к инвалидной коляске… Это же очень наивно – мечтать, что купание в источнике может ему чем-то помочь… Просто вода… Очень холодная вода… И что?! Чем ему эта вода поможет?! Друзья – вроде ребята серьезные, а такой ерундой занимаются… Ну, да ладно, хоть прогуляются – места-то живописные и погодка чудесная, лето…»

Но вслух ничего не сказал. Подробно объяснил, как добраться до святого источника, потом паром причалил к берегу, и они расстались.

Через полтора месяца Юрий снова встретил тех же людей с тем же афганцем-колясочником на пароме. Смотрит – похоже, инвалид привстает на ноги сам. И друзья радостные такие… Снова на источник его повезли.

Прошло больше месяца. И в третий раз Юрий Александрович встретил тех же людей. Встретил – и удивился: они почему-то одни приехали, без афганца. Моросил осенний дождь, холодные волны Чусовой били о стенки парома. Видимо, не повезли инвалида с собой, чтобы не простудился в ненастье…

– Ребята, здравствуйте! А друга своего дома оставили, да?

– Почему дома?! Да вот же он! – услышал Юрий Александрович в ответ.

Смотрит Юрий и не верит своим глазам: среди них стоит мужчина с палочкой в руке, вовсе и не инвалид никакой – сам ходит, сам передвигается. За три месяца человек, который был годами неподвижен, встал на ноги.

Случившееся чудо оказалось чудом вдвойне. Не только для бывшего больного, но и для самого Юрия Александровича. Увиденное сильно укрепило в нем веру.

В душе каждого человека есть пустота, которую можно заполнить только Богом!

Рассказывает священник Роман Заяц, настоятель Благовещенского храма поселка Лальск Лузского района Кировской области

У меня к исламу никогда душа не лежала

Мой прадед по отцовской линии, Варлаам, был православным священником, уехал, предположительно, в 1925 году служить в Русскую миссию в Аргентине, где и преставился ко Господу, а прадед по материнской линии, татарин Амин, был муллой. Моя бабушка по маме, Муссалима, хотела, чтобы я принял ислам. Но у меня к исламу никогда душа не лежала.

Все в моей семье было как во всей нашей стране: прадеды верующие, деды уже жили в советское время, но веру хранили, а родители при советской власти воспитывались атеистами. Сам я в Бога уверовал в четырнадцать лет – поехал со школьной экскурсией по Золотому кольцу, и так меня эта поездка поразила, что я даже молитвослов купил, молиться начал по утрам и вечерам. Но в моем окружении тогда верующих православных людей не было. Папа – военный, мама – татарка, и потихоньку я забыл о первом своем порыве к вере. Прямо как в евангельской притче о сеятеле: «Вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло» (Мф. 13, 3–6).

Хорошо учился, в 1988 году был даже награжден путевкой в Артек.

Видимо, отмолил меня кто-то

В 1994 году Господь спас меня от неминуемой смерти. Служил я в ракетных войсках стратегического назначения, правда, ракетные комплексы видел только в разобранном виде – служил на базе хранения военной техники в «закрытом» городе Свердловск-44. Мы часто переставляли технику с места на место, наводя порядок на территории базы. В первые месяцы службы нам, молодым бойцам, доверяли только стропы цеплять… И вот в

один прекрасный (воистину!) день мы с моим товарищем Русланом Галимзяновым прицепляли отслужившие свой век грузовые автомобили к трактору Т-150.

Я подошел к очередной машине, прицепил трос, обернулся в ожидании трактора и увидел, как он, не останавливаясь, катится на меня! Я обернулся слишком поздно – трактор уже приблизился ко мне почти вплотную. Все это произошло так быстро и неожиданно, что я уже не успевал отбежать в сторону. Да и оцепенел от страха. Позже читал, что смерть сначала у человека ноги отсекает, поэтому люди пошевелиться не могут. Я видел глаза тракториста Лехи – он смотрел на меня с ужасом и давил на тормоза, но семитонная машина не останавливалась!

Бампер трактора прижал меня вплотную к бамперу позади стоящего грузовика. Я уже чувствовал, как мои внутренние органы плющатся под мощным прессом… И в этот момент трактор встал как вкопанный. Я после того случая много дней в туалет кровью ходил (простите за подробности). Руслан Галимзянов недавно писал мне, вспоминал тот день. Ему тоже было страшно. А я тогда даже крещен не был! Видимо, отмолил меня кто-то. В последний момент. Милостив Господь!

Как я окрестился

Когда мне дали отпуск, я решил креститься. В последний день отпуска приехал в соседний город, зашел в Знаменский храм (в нашем городке храмов открытых не было) и на пороге столкнулся с уже выходившим из храма настоятелем, отцом Сергием. Сказал ему, что хочу креститься. Батюшка ответил:

– Я уже ухожу, приходи завтра.

– Завтра я уже в армии…

– А в каких войсках служишь?

– В ракетных.

– О! И я ракетчик.

И батюшка тот меня крестил. Без денег.

Сейчас ко мне приходят креститься – я крещу, тоже денег не спрашиваю. Пожертвование – дело добровольное. Моя казначей мне жалуется:

– Так они же не заплатили.

А я ей отвечаю:

– Так я и сам бесплатно крестился.

Как-то одна женщина у меня спрашивает:

– Батюшка, а вот если я креститься хочу, а у меня денег нет?

– Я вас бесплатно окрещу.

А она, оказывается, уже деньги отдала. Так она пошла и

забрала деньги из кассы. Объяснила матушке за свечным ящиком:

– Батюшка сказал: бесплатно можно!

Свечница моя была в полном расстройстве.

На мне не было ни царапины

Следующий случай моего чудесного спасения был в 1997 году, через год после армии. Мы с отцом ездили в город Курган. У отца был автомобиль БМВ – очень быстрая машина. Уже на обратном пути мы на скорости примерно 200 километров попали в аварию. Впереди нас водитель «Газели» пошел на обгон, а в это время наша машина поравнялась с его – он просто нас не видел (скорость была огромной). Чтобы избежать столкновения, отец резко нажал на тормоз и выкрутил руль влево.

Нас на мокрой дороге метров пятьдесят крутило, пока мы не врезались в ограждение, за которым был пятиметровый обрыв и какой-то водоем. При ударе об ограждение у машины вырвало заднее колесо, которое улетело по обрыву в воду, а нас перевернуло на крышу, и мы вверх тремя колесами проскрежетали по асфальту еще метров пятьдесят. Машина всмятку, отцу после аварии голову зашивали, а на мне не было ни царапины! Милостив Господь!

То, что я делал, перестало мне нравиться

После армии работал и грузчиком, и экспедитором. Потом в страховой сфере прошел довольно быстрый путь от страхового агента до директора городского филиала страховой компании. Жил «как все», в свое удовольствие. Но стал я чувствовать какую-то неудовлетворенность жизнью. То, что я делал, перестало мне нравиться. Вроде бы денег хватает, машина есть, на работе дела хорошо идут – а вот чего-то не хватает, и все…

А это потому, что жил я без Бога. В душе каждого человека есть пустота размером с черную дыру, которую можно заполнить только Богом! Ни земные удовольствия, ни материальные блага, ни увлекательное занятие, ни даже любимая семья не могут покрыть и самой малой потребности человеческой души. Только Всесильному Богу это под силу!

Когда деда хоронили, он продолжал улыбаться

В это время произошел один случай, который приоткрыл мне краешек другой, неземной жизни. У жены моего брата болел дед. Звали его Василий Николаевич. Дед Вася был кристально

честным и порядочным человеком. В 1939 году ушел в армию да так до 1947 года и прослужил. Прошел всю войну. Был награжден орденами и медалями. Вот только, как и многие его ровесники, жившие во времена гонений безбожной власти на Церковь, он не ходил в храм, не исповедался и не причащался, хотя был человеком крещеным и верующим. Да и трудно остаться неверующим на войне! Сколько раз он молился ко Господу и Пресвятой Богородице, сколько раз взывал к Николе-Угоднику – это только им известно…

В 1997 году дед заболел. После первого инсульта он еще кое-как ходил, хотя правая сторона у него почти вся отключилась. Но он был очень сильным человеком и старался не доставлять хлопот окружающим – одной рукой, но все делал сам. Умудрялся даже воду носить и чистить зимой снег.

Второй инсульт свалил деда окончательно, и он около трех лет лежал как бы в забытьи, причем непрестанно кричал от боли. Но боль эта не была физической – душевная боль может быть тоже очень мучительной: каждый из нас, даже самый безупречный внешне человек, набирает за свою жизнь тяжелый груз грехов. И никакие лекарства деду не помогали. В себя он приходил крайне редко, и бабушка безропотно ухаживала за ним.

Но однажды, весенней ночью 2000 года, Василий Николаевич пришел в себя и в ясном сознании попросил супругу, чтобы она позвала сына, живущего в соседнем доме. «Прощаться буду», – сказал дед с тихой радостью на лице. Прибежал сын, которому умирающий отец поведал о том, что мучился он за свои грехи, чтобы на сына своего их не перекладывать. Еще сказал, что сейчас умрет, и его отпустили с родными попрощаться. После этих слов Василий Николаевич закрыл глаза и с блаженной улыбкой предал свой дух Господу Всемилостивому! Когда деда хоронили, он продолжал улыбаться.

Этот случай с дедушкой Василием перевернул мою жизнь! Я осознал, что, по всей видимости, человек жил телом на земле, но душа его мучилась в аду. А после тяжких мучений, возможно (один Господь знает!), сподобился раб Божий Василий милости Божией. Я много об этом думал…

Я увидел другую жизнь за гранью человеческого бытия

И вот как-то ночью снится мне сон. Снится ад. Жуть необъяснимая… Крики людей, смрадный запах… Подробностей увиденного я сейчас не помню, но мне очень хорошо запомнилось мое как бы потустороннее состояние. Ужас был полный, и даже

после пробуждения я минут двадцать не мог встать с кровати: «Сердце мое смятеся во мне и боязнь смерти нападе на мя: страх и трепет прииде на мя, и покры мя тьма» (Пс. 54, 5–6).

Я понимал, что мне приснился не просто страшный сон – я увидел другую жизнь за гранью человеческого бытия. И эта другая жизнь, по моему тогдашнему духовному состоянию, не сулила мне ничего хорошего после моей смерти.

Вскоре после сна первого снится мне сон второй.

Господь показал мне ту, новую жизнь

В том сне я увидел всю свою жизнь до конца. Но та жизнь, которую я увидел, сильно отличалась от той, которой я жил. Сон мне показался эдаким сновидением из серии «Не дай Бог!». Но вскоре жизнь моя действительно стала меняться, причем так же резко, как плуг хлебопашца взрывает и переворачивает землю, заросшую бурьяном. И наяву стали происходить события из моего сна, а я их помню. Такая милость Божия была ко мне – Господь показал мне ту новую жизнь, которую Он для меня приготовил. Просто чудо!

Вскоре я уволился с работы, закрыл свое дело, которым занимался параллельно со страхованием. Какое-то время ничем не занимался, кроме переосмысления своей жизни. И в один самый обычный день вдруг уехал в никуда. На железнодорожном вокзале Екатеринбурга подошел к билетной кассе, протянул последние деньги и попросил билет почему-то до Кирова, хотя в этом городе у меня не было даже знакомых и я в нем ранее никогда не бывал. Мне было тридцать два года, через неделю должно было исполниться тридцать три. Это я сейчас понимаю, что Господь меня призывал, а тогда для окружающих и для меня самого мой поступок выглядел, мягко говоря, странно. Но я повиновался внутреннему порыву и не оглядывался назад.

У меня было чувство, что я вернулся домой

9 марта 2008 года я приехал в Киров (Вятку) и впервые попал на службу в Успенский Трифонов монастырь. При этом у меня было чувство, что я вернулся домой.

А 10 марта было Прощеное воскресенье. Митрополит Вятский и Слободской Хрисанф, прося прощения у своей паствы, встал на колени, а у меня в этот момент слезы градом хлынули. Я закрыл глаза и почувствовал, как Кто-то обнимает меня, – явно чувствовал тепло ладоней на своей спине. От этого слезы полились еще сильнее. Вот такая благодать на меня, блудного

сына, сошла от Отца Небеснаго.

Священник Роман с семьей

Стал подвизаться трудником в монастыре: снег чистил, другие работы по хозяйству выполнял… В монастыре у меня начались страхования. Наверное, враг ополчился, что я вольготную мирскую жизнь решил поменять на пост и молитву. Невидимая духовная брань и проходит невидимо, а у меня она происходила даже на видимом уровне: все руки были в синяках. Просыпался ночью в холодном поту, а на руках синяки появлялись… Может, это оттого, что знал враг о предстоящем мне священстве… Исповедался, причащался – постепенно полегче стало.

Принять ли мне монашеский постриг или уйти трудиться в мир?

Сходил в Великорецкий крестный ход. Игумен Великорецкого монастыря Тихон (Меркушев) стал моим первым духовником. Через шесть месяцев после приезда в монастырь я получил новое послушание: стал трудиться в резиденции митрополита Хрисанфа.

Спустя год, проведенный в монастырских стенах, я оказался как бы на распутье: принять монашеский постриг или уйти трудиться в мир? За разрешением своего вопроса я поехал в Великорецкое, к своему духовнику. Отец Тихон побеседовал со

мной и благословил идти в мир, сказал, что путь мой – семейный. И после его благословения я познакомился с выпускницей Вятского духовного училища и сделал ей предложение.

Владыка Хрисанф, митрополит Вятский и Слободской, отправил нас с супругой в село Кикнур – она стала трудиться регентом, а я алтарничал, читал шестопсалмие… Как-то наш священник, отец Владимир, поехал в село Беляево к старцу архимандриту Гавриилу (Кислицыну). И я с ним – за водителя, я его в то время возил. Шел 2009 год, было лето, стояла жара, и я сидел за рулем в шортах, бритый, коротко стриженный. Приехали к старцу, а он меня, вот такого, сразу же начал называть отцом Романом. Несколько раз назовет «отцом» – и смутится как бы сам.

Стал я к нему ездить, принял меня батюшка в духовные чада. Ну а потом все само собой произошло. Я в храме трудился, ходил в крестные ходы, снимал эти крестные ходы на видео. В 2012 году стало известно о разделении Вятской епархии на три и образовании Вятской митрополии. Будущий епископ Яранский Паисий меня заочно знал. И когда мой духовный отец, архимандрит Гавриил, благословил меня в 2012 году писать прошение и принимать сан, владыка Паисий меня рукоположил. Так что священник я молодой.

Если за Бога держаться – все будет

Сам Господь меня с одного места с корнем вырвал и на другое пересадил… В мгновение ока! Друзья, знакомые – все остались в прошлой жизни.

Меня вот сейчас иногда кто-то из неверующих людей спрашивает:

– А какие у тебя, батюшка, доказательства существования Бога?

На что я сразу отвечаю:

– А вы на меня посмотрите! Разве может человек сам собой так измениться, как я изменился?! Разве может так его жизнь измениться без Бога?!

Вот сейчас служу в Лальске. У нас с матушкой растут четверо детей: пять лет, четыре, три и один годик. Малыши-карандаши… Нет у меня сейчас прошлой беззаботной жизни, но как же я благодарен Господу за Его милость ко мне! Если за Бога держаться – все будет: хлеб на столе, крыша над головой, любящие и любимые люди рядом.

Замечательный поселок Лальск

Господь привел меня в замечательный поселок Лальск. Раньше Лальск был городом, и довольно известным. Основали его в 1570 году новгородцы, которые бежали от немилости царя Иоанна Грозного. Когда приметили себе на берегу Лалы место, подходящее для жизни, – первым делом построили деревянную церковь святителя Николая Чудотворца, заступника путешествующих. Были эти отцы, основатели города, очень верующими людьми. В XVIII веке, золотом для Лальска, здесь возвели семь великолепных белокаменных храмов.

На колокольне одного из храмов лальские граждане Попов и Рысев повесили знатные часы: их огромные длинные стрелки были видны за километр, и каждый житель города мог посмотреть, сколько времени. А для тех, кто жил в окрестных деревнях и рассмотреть стрелки не мог, раздавался бой часов, по тембру напоминавший бой курантов знаменитой Спасской башни Московского Кремля.

По денежному обороту в те годы Лальск входил в восьмерку самых богатых русских городов. Жили здесь замечательные купцы-удальцы. Один из них, Иван Саватеев, трижды по государеву указу водил караваны через Сибирь в Китай. В 1710 году прибыль этого предприимчивого купца составляла 1/14 часть всего государственного годового дохода России. Отважные лальские купцы ходили также по морям-океанам, открывали неизвестные берега Камчатки и Аляски, острова Алеутской гряды.

Все эти купцы были еще и благотворителями: жертвовали на храмы, на странноприимницы, помогали бедным согражданам. Купец Бобровский основал приют для подкидышей и богадельню для престарелых и убогих. Купец Сумкин фабрику бумажную построил, а бумага его получила золотую медаль в Лондоне, серебряную – в Париже… Построили в Лальске даже театр с собственной театральной труппой!

После революции прекрасные лальские храмы подверглись разрушению и поруганию. Почти все они в советское время были закрыты. Колокольню безбожники пытались тракторами уронить, но она так и не упала, наклонилась только немного.

Благовещенский храм, в котором я служу, старинный

Благовещенский храм, в котором я служу, старинный – был основан в 1732 году, а освящен в 1761-м. В конце 1980-х в нашем храме трудами отца-настоятеля архимандрита Трифона (Парамонова) был полностью отреставрирован и позолочен главный иконостас и частично позолочены иконостасы боковых приделов.

Но в те же годы храму был нанесен и непоправимый ущерб – все прекрасные старинные росписи на стенах и сводах были безжалостно замазаны масляной краской. Так что теперь мы имеем унылые стены грязно-голубого цвета.

Я был назначен настоятелем Благовещенского храма 10 июня 2013 года. За это время милостью Божией и попечением наших благотворителей была проведена большая работа. Но снаружи и внутри еще очень многое предстоит сделать.

Самый северный приход Вятки

Рядом с Благовещенским храмом красуется Воскресенский собор. Он был освящен на Пасху в 1717 году, то есть 16 апреля 2017-го Воскресенскому собору исполнилось триста лет! Но красавец-собор стоит закрытый, в нем не служим, нужно его реставрировать. В нем при советской власти тюрьму сделали, потом училище открыли – механизаторов-трактористов готовили. Собор высокий, так они приделали второй этаж, подшили потолок. Фрески известью замазали, лепнину сбили. Слава Богу, осталось большое распятие над зашитым потолком! Им, наверное, собор и выстоял.

У нас самый северный приход Вятки. Очень плохие дороги – сложно к нам доехать, особенно весной: во время ледохода убирают понтонную переправу. Людям живется трудно. Живут лесом, в лесу работают.

Открыл ковчег – а там…

У нас есть свои святые. Святая мученица Нина Лальская и преподобный Леонид Устьнедумский. Еще мы в 2014 году обрели ковчег с частицами мощей тридцати святых угодников Божиих.

Много лет в алтаре нашего храма хранился старинный ковчег с частицей мощей святого великомученика Мины Египетского. Он был обнаружен при обновлении кирпичных полов храма в 1844 году. Получается, ковчег этот был сокрыт еще до 1844 года! Возможно, что-то угрожало городу и храму, и поэтому священнослужители спрятали святыню.

Когда старый настоятель этого храма передал мне ковчег – он был заперт, а ключ утерян. И узнать, есть ли вообще в ковчеге мощи, не представлялось возможным. После революции Благовещенский храм был закрыт, а когда его открыли в наше время, настоятели храма не решались вскрывать ковчег, опасаясь его сломать. Да никто и не подозревал, что в нем обнаружатся еще другие драгоценные святыни.

В 2014 году решил я с трепетом душевным ковчег разобрать. Заржавевшие шурупы петель с большим трудом были откручены, ковчег открыт, и на бордовом бархате его внутренней обшивки, помимо мощевика с частицей мощей великомученика Мины, оказался… еще один ковчежец, а в нем – тридцать частиц мощей святых угодников, в том числе частицы мощей Иоанна Предтечи, святых апостолов и святителя Николая Чудотворца.

У меня была такая великая радость – я даже прочитать подписи к частицам мощей не смог с первого раза. Так меня накрыло! Отрыл ковчег – и сразу закрыл от потрясения. Сидел, в себя никак прийти не мог…

Мощей святителя Николая Чудотворца зачастую нет в столичных храмах, в соборах крупных областных городов. А тут – в крохотном, затерянном в тайге Лальске – мощи великого святого! Недаром, видимо, отцы-основатели посвятили Лальск святителю Николаю и просили его быть заступником и покровителем этой земли…

Наш мир создан Богом для радости

Рассказывает протоиерей Владимир Янгичер, настоятель храма Рождества Христова в селе Иудино Сергиево-Посадского района Московской области

Мое детство

Мое детство было таким же, как и у обычного советского человека той эпохи. Папа – военный, правда, военный по несчастью. Он мечтал посвятить свою жизнь искусству. Был художником, любил музыку, окончил архитектурный институт в Харькове. И тут началась война. Его, как архитектора, забрали в армию строителем. После войны он остался в армии и служил все время военным строителем.

Мама происходила родом из простых крестьян. Окончила университет, химический факультет. Поскольку военные в то время были достаточно хорошо обеспечены, мама могла все свои силы и время посвятить домашнему хозяйству и воспитанию детей. Она учила меня и мою младшую сестру музыке и языкам. Лето мы проводили на маминой родине – в одной из казацких станиц на Дону, поэтому у меня всегда была тяга к деревенской жизни, хотя воспитание было городское, и образование родители постарались дать по высшему разряду.

Совершенно чудесные события с моим отцом

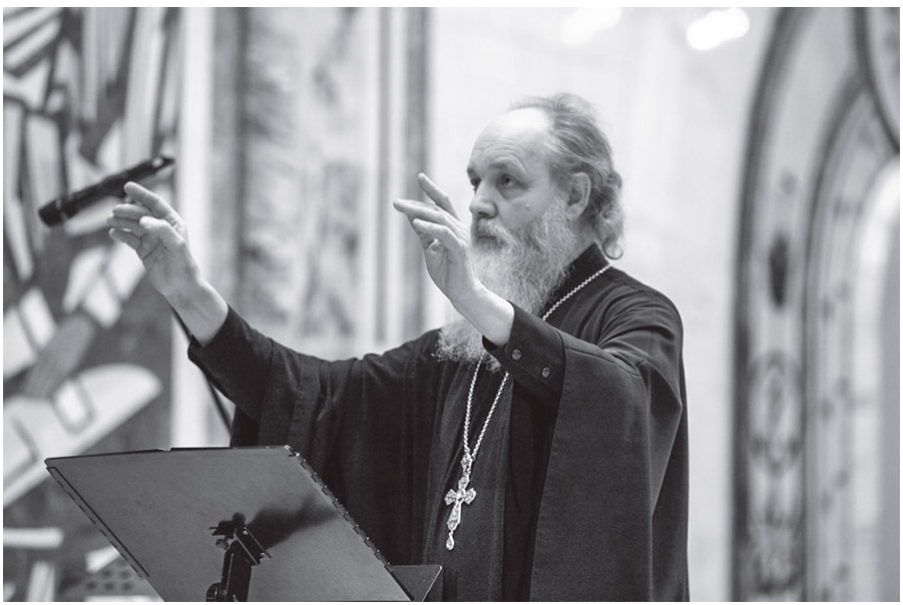
Отец непосредственно в боевых действиях не участвовал, оружие в руках не держал. Был проектировщиком мостов, аэродромов, воинских частей, казарм, промышленно-гражданских сооружений. Но он как-то рассказывал, что были у него чудесные избавления от смерти. Однажды он в Австрии сидел в штабе и рисовал чертеж, низко наклонившись над столом. А потом, чтобы посмотреть общий вид, откинулся резко назад, на спинку кресла. И в этот момент перед ним, в нескольких сантиметрах от груди, просвистела пуля. Оказалось, что в соседней комнате новобранец чистил автомат, случайно нажал на курок, и пуля прошла рядом. Если бы отец тогда не отклонился, то его бы не было и меня бы тоже не было. Вот такой случай.

У него была очень верующая приемная мама, которая и в

Иерусалим ходила еще в дореволюционное время. Она, конечно, за него молилась.

В сердце культуры лежит вера

Я окончил музыкальную школу, а затем поступил в консерваторию. И только в консерватории, когда появилось свободное время и, видимо, душа созрела для каких-то обобщений, меня стала интересовать русская культура как таковая. Будучи человеком искусства, я понял, что рядом с классической музыкой XIX–XX веков, в основном европейской, ну и русской тоже, стоит мощная культурная система, которая была плодом Святой Руси.



Отец Владимир Янгичер. Международный съезд регентов и певчих Русской Православной Церкви

Логическое размышление подвело к тому, что если такая громада в виде культуры пронизывает всех, и верующих и неверующих, то что же находится в ее центре? Что является ее сердцевиной? Ибо все, что существует, имеет свою причину. Ничего из ничего не происходит, только Господь Бог может создать все из ничего. А если что-то есть, значит у него есть причина.

И вот, поискав причины всей этой великой культуры, я обнаружил, открыл для себя Америку, которая уже давно была известна людям духовным: в сердце культуры лежит вера. Вера

православная. Вера – это тяга к Богу. И с того времени начались поиски Бога. Вот на этом, можно сказать, моя юность закончилась. Потом уже началось взрослое осмысление жизни.

В православии всегда движущей силой является личность

Прежде всего нужно сказать, что в православии всегда движущей силой является не «что», а «кто». То есть не явление, не предмет, не событие, а личность. В христианстве главное даже не Священное Писание, не Церковь сама по себе, а то, что в центре – Христос, Богочеловек. И человек, уподобляющийся Богу, является всегда «двигателем» исканий Бога для других.

Таким человеком для меня стал архимандрит Герман (Красильников), настоятель Казанского храма села Шеметово под Сергиевым Посадом, – единственного храма в районе, который никогда не закрывался. Сейчас у нас сорок храмов в районе, а тогда был один в районе и один в городе – Ильинский храм. Даже лавра закрывалась.

Храм в честь Казанской иконы Божией Матери села Шеметово

Показатель молитвы и духовной жизни

Храм в селе Шеметово не закрывался. И отец Герман там служил тоже чудом. Это был редкий случай, когда в советское время, с 1952 по 1985 год, бессменно на протяжении тридцати трех лет, прямо как в сказке, настоятель храма служил на одном месте.

Тогда это было практически невозможно, потому что власти внимательно следили за служением священника. Существовал специальный Совет по делам религии со своими отделениями в районах и городах. Как только замечали, что на приходе складывается благоприятная духовная обстановка, пусть даже в дальней и маленькой церкви, власти сразу начинали действовать.

Церковь есть, служба идет. И не просто служба! Служит человек, который после службы людей объединяет, – у него дар такой. Это было неинтересно властям предержащим, поэтому они старались такие очаги духовной жизни погасить. И батюшку при первой возможности под разными предлогами куда-нибудь переводили. А сюда ставили другого человека, которому нужно было начинать все сначала. Как только он опять что-то организовывал в духовной жизни, складывалась община, его снова переводили.

А отец Герман явил чудо: тридцать три года прослужил в одном месте. Это показатель его молитвы. Молитвы и духовной жизни. Его церковная юность прошла в Ташкенте. Туда ссылали монахов, священников, архиереев, которых не расстреливали и не отправляли в лагеря. Их просто отсылали туда, где, казалось бы, они не смогут исполнять свое служение, особенно в местах, где жили одни мусульмане.

Но получилась своеобразная «тепличка», в которой сохранилось православие с дореволюционных времен. И люди, прошедшие там воспитание, закалку, перейдя в нашу современность, передали те традиции, обычаи, которые усвоили не как ученики, которые изучают историю по книгам, а как люди, лично видевшие и общавшиеся с духоносными церковными деятелями предреволюционной поры.

Как мы с матушкой пришли в Церковь

Вот такой человек, архимандрит Герман (Красильников), можно сказать, родил нас с матушкой в Церковь. Благодаря ему мы пришли в Церковь и там остались. Я оставил свои музыкальные занятия, хотя перспективы в то время были неплохие. Но когда приоритеты расставил, понял, что надо это все прекратить и заняться духовной жизнью, которая ценней всего.

В те годы я на самом деле ничего не знал о Церкви. Помню только, когда учился в консерватории, мы с друзьями один или два раза ходили на всенощное бдение, которое проходило под музыку Рахманинова в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке в Москве. Это был

уникальный храм, единственный в России, а значит и в мире, где исполнялось «Всенощное бдение» Рахманинова. Оно исполняется иногда в концертах. Что удивительно, это был 1970 год, а через десять лет я стал учеником того самого регента, который управлял этим хором, – Николая Васильевича Матвеева. Вот такое предзнаменование.

Еще помню, что я всегда понимал, что не умру. Это вызывало недоумение у моих друзей в школе: мол, ты что, с ума сошел, как не умрешь? А я говорил: «Нет, я знаю, что не умру». А как я не умру – не понимал. Это было такое предощущение, наверное.

Когда пришел к вере, просто переехал жить к отцу Герману на год, хотя был женат, но детей еще не было. Просто уехал, никому ничего не сказав, кроме, естественно, матушки: у нас с ней полное единодушие. Она осталась в Москве, работала. А я просто поехал жить в сторожку при храме. Я не умел ни петь, ни читать в храме, поэтому пока просто обучался.

Мои послушания у отца Германа

Какие послушания были? Дворник, уборка в храме, истопник (имелась угольная котельная), собаку кормить надо было, по дому убираться, помогать по хозяйству, готовить, красить ограду и обязательно все службы быть на клиросе. Стоял в сторонке, позади хора, смотрел книги, мне было интересно.

Мне тогда казалось невероятным, что люди без музыкального образования, уже пожилые, открывают книгу и вдруг так дружно поют без всяких нот. Какие-то чудотворцы. Как так можно петь по словам, согласно, хором и даже без какого-нибудь грамотного руководителя? Потом, через год примерно, я понял, как такое возможно. Это было обиходное пение. Очень, кстати, такое умилительное шеметовское пение.

Отец Герман – сам певчий с юности. Вот и воспитал своих прихожан петь именно духовно. А потом уже, когда я прожил год у отца Германа, он мне благословил идти в семинарию. Хотя, в общем-то, я не очень хотел. Мне нравилось убираться в алтаре, нравилось жить при храме, не хотелось никаких лишних проблем, обязательств. Ну, обычная человеческая слабость такая. Он говорит: «Нет-нет, тебе надо учиться в семинарии» – и дал рекомендацию. Его рекомендация действовала безотказно. Он был человеком очень уважаемым, поэтому, какой бы ни был у него послушник, если можно так назвать, он поступал в семинарию всегда, если была рекомендация отца Германа. Вот так я оказался в семинарии.

Кто не верит в коммунизм, тот сумасшедший

С родителями было, конечно, сложно. Они были очень обеспокоены. Сначала думали, что это какая-то секта, как тогда говорили. В то время у большинства такое представление было: кто не верит в коммунизм, тот сумасшедший. А если человек совсем ударился в веру, значит надо его вытягивать и спасать.

Были проблемы у отца – он, естественно, жил в обществе своих единомышленников. Надо сказать, что он никогда не был коммунистом, поэтому ему и не дали генеральскую должность. Я не знаю, что им двигало, но так или иначе он не хотел входить в эту партийную систему. Должно быть, остатки воспитания с детства, потому что отца вырастила очень верующая приемная мама. Моя бабушка, которая воспитывала мою маму, пела в церкви. Просто на поколении моих родителей вера практически прекратилась. Но корни все равно оставались. Это сработало через поколение.

Потом уже, через несколько лет после моего поступления в семинарию, папа рассказывал, что, когда я подал документы, к соседям приходили люди в штатском и так заботливо и осторожно спрашивали: «А кто такой Владимир? Как он живет? Какие у него интересы? Кто к нему приходит? Где он бывает?». Позже, когда «потеплело», соседи осторожно отцу сказали, что обо мне под большим секретом наводили справки.

Почему такое внимание? Потому что в то время была такая установка: людей с высшим образованием не принимать в семинарию. Считалось, что человек, который получил высшее советское образование, сдал в обязательном порядке экзамен по научному атеизму (а мы все сдавали его в любом вузе), а потом поступил в семинарию, этот человек сошел с ума. Такого человека воспринимали как предателя.

Поступлению таких людей в семинарию всеми силами препятствовали. Были случаи, когда перед экзаменами неожиданно приходила повестка из военкомата, человека вызывали в армию на сборы. Пока шли экзамены, его держали. Экзамены заканчиваются – отпускают, но всё, в семинарию он не поступил. Меня это миновало, потому что я в то время жил у отца Германа и сразу оттуда поехал. А так, вообще, угрозы были.

Потом уже, когда «потеплело», родители поняли, что у меня это серьезно, что тут никакие не сектантские намерения, и друзья мои им понятны, и я не сошел с ума: я к ним приезжаю и общаюсь с ними. Поняли, смирились. Хотя, может быть, очень сильное советское идеологическое воспитание не дало им возможности обратиться к вере напрямую.

Как Господь обратил пожар во благо

Из наиболее ярких событий церковной жизни в те годы мне больше всего запомнился пожар в академии. В буквальном смысле яркое происшествие. Это такое отрицательное событие, которое Господь обратил во благо. Трагедия заставила людей мобилизоваться и оказать пострадавшим огромную помощь. А те, кто попал в беду, немножко собрались, поняли, что смерть близко, что трагедия может всегда произойти.

Это консолидировало церковную среду, и через год новый актовый зал и новое общежитие выстроили вместо сгоревших, отремонтировали академический храм. Выросло и сочувствие общества к Церкви. Ведь любой русский человек испытывает сочувствие к тем, у кого беда; оно преодолевает все разногласия – и политические, и социальные, и идеологические. Каждый готов помочь. Это, наверное, из тех времен самое яркое. А из серьезных общественных событий – празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 году.

Самое главное чудо – это то, что я имею возможность служить Богу

В моей жизни постоянно присутствуют чудесные проявления Промысла Божия. Господь действует любовно и вообще осторожно и нежно. В принципе, во всем можно увидеть Промысл Божий. Конечно, когда читаешь некоторые воспоминания, книги, можно, если быть внимательным, найти прямые и явные случаи Промысла Божия.

Я лично про себя могу сказать, что почти каждый день бывает такое, я уже привык к этим проявлениям. Самое главное чудо в моей жизни – возможность служить Богу; что я, недостойный, – священник Божией милостью. Вот это само по себе проявление Промысла Божия – точное и самое главное, а все остальное как бы в тени.

Я благодарю Бога, что за всю свою жизнь не встретил ни одного плохого человека

На своем жизненном пути я, по милости Божией, встречал великих подвижников. Таким был отец Герман. Таким был его духовник, который стал потом духовником нашей семьи, – протоиерей Михаил Труханов. Он провел 5555 дней (шестнадцать лет) в лагерях за веру. У него нашли Библию, дали три года, а

потом увеличивали срок. Он еще прожил долгую жизнь после этого, был святым при жизни, исповедником.

Для меня пример отношения к людям – это старец Иона Одесский. Он прожил длинную жизнь именно в советский период, когда было очень много неприятностей, страданий, гонений, репрессий, и, конечно, люди его окружали разные. И вот он, когда прощался с паствой, сказал такую фразу: «Я благодарю Бога, что за всю свою жизнь не встретил ни одного плохого человека».

Удивительно! Он не мог не встретить плохого человека с обыденной точки зрения. Столько было бед, столько было злости. Как так? А он их не видел просто. Для меня это образец, как можно прожить и не видеть плохого в людях.

Самое главное в воспитании детей

Самое главное в воспитании детей – доброта воспитателей и строгая свобода. Свобода не в выборе добра и зла, а свобода в выборе добра и еще большего добра. Необходимо дать ребенку понять, что он не имеет права выбирать между добром и злом. Никакая мама не скажет ребенку: «Ну, ты свободен: бери иголку в руки, иди на улицу, бегай между машинами. Ты же хочешь?! Ты свободен!» Это абсурд. Так же и в духовной жизни. Нельзя давать детям, пока они слушаются, возможность выбирать между добром и злом. Мы знаем, к чему привел этот трагический опыт у Адама с Евой. Поэтому выбирать можно только между добром большим и добром еще большим.

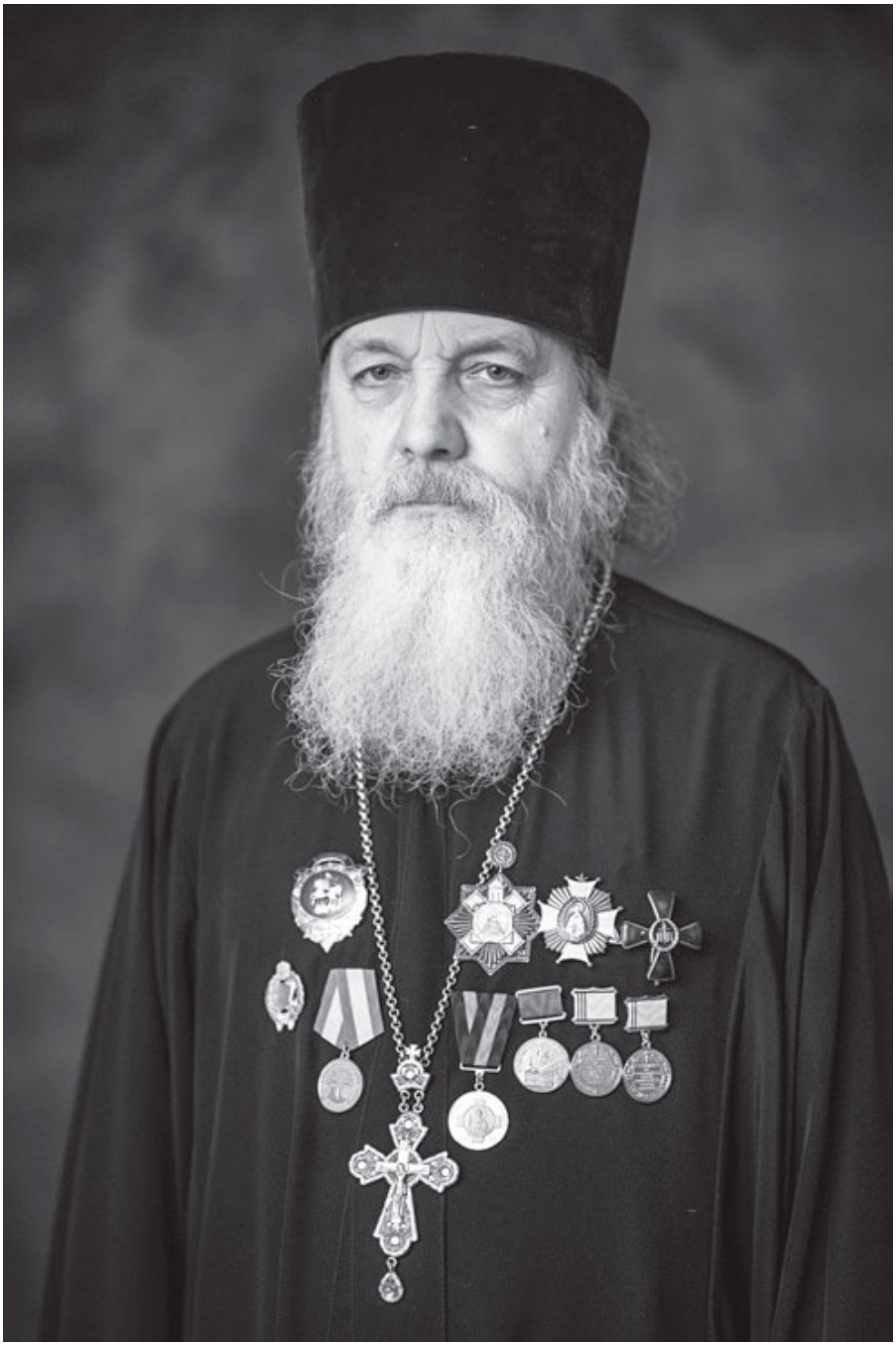
Ну, и строгая любовь. Не сюсюкание и не потакание страстям, а любовь к душе, которая отсекает страсть. Сегодня, в день праздника Обрезания Господня, обратил внимание на слова кондака, что Господь обрезывает прегрешения наши. А обрезание, бывает, причиняет боль, но зато в этом есть любовь, потому что, если человеку с гангреной не делать операцию, боясь причинить боль, он просто умрет. Во время операции, может, и будет больно, но человек останется жить. Вот такое отношение к воспитанию детей должно быть.

Самое главное во взаимоотношениях между людьми

Иногда спрашивают меня как духовного наставника: что самое главное во взаимоотношениях между людьми? И я обычно отвечаю так: уважение чужой свободы. Уважение свободы другого. Как нас Бог уважает: мы свободны, Он нам не мешает, ничего не навязывает и только в силу Своих возможностей (конечно, Он может все) ограничивает нашу свободу, когда она

переходит рубеж между добром и злом.

Также и с людьми: не ограничивать, давать понять, что каждый человек свободен. Иногда люди верующие, бабушки или дедушки, начинают сетовать: «Мои дети в Бога не веруют». И еще такая фраза пролетает: «Не могу затащить внука в церковь». Ну, это полный нонсенс, конечно. Тащить никого никуда не нужно. Надо понять, что Бог нас любит, ведь нас, с нашими грехами, привел когда-то к Себе. Так же и их приведет, если они не будут слишком упираться. Просто нужно помолиться и успокоить свою душу.



Протоиерей Владимир Янгичер

Мы живем под всевидящим оком Божиим

Иногда спрашивают, как относиться к тому негативному, что мы встречаем в Церкви? Да, Церковь земная – это не Церковь

небесная, в ней есть много того, что надо преодолевать. Главное – не делать из этого трагедию, потому что мы живем под всевидящим оком Божиим. Если Господь это попускает на данное время, значит это все исправимо, это все пройдет, как проходило раньше.

Оглядываясь назад, понимаем, сколько было негативных сторон в церковной жизни. Все они переплавлялись, исчезали, а Церковь и сейчас живет. То есть Церковь неуничтожима. Грязь не может закрыть или испачкать ее. Потому что на самом деле грязное – это не Церковь, а околоцерковное движение. Церковь свята и непорочна.

Говорят: «А вот у вас в Церкви…» – а это у нас не в Церкви творится, это около Церкви возня происходит. Люди, которые делают грех, по нашему пониманию, выпадают из Церкви. Почему мы, когда молитву на исповеди читаем, просим: «Господи, примири и присоедини нас снова к святой Твоей Церкви»? Потому что мы, грешники, из нее выпадаем. И слава Богу, у нас есть куда возвращаться. Церковь свята и непорочна.

Наш мир радостный

Из опыта прожитых лет я вынес главное: радость, ощущение вечного бытия с Богом, предвкушение этой радости. И ощущение, что наш мир очень радостный, созданный Богом для радости, что мы живем в светлом мире Божием. Боязнь и опаска потерять эти радость и свет, желание помочь другим их найти.

Из опыта прожитых лет вынес я веру в Промысл Божий

Рассказывает митрополит (на покое) Астраханский и Камызякский Иона (Карпухин)

В храм ходил с раннего детства

Родился я 13 июня 1941 года в православной семье, тогда еще в селе Алтуфьево, – сейчас это район Москвы. Был четвертым ребенком в семье. Через девять дней началась Великая Отечественная война, и отца взяли на фронт. Мама за него особенно горячо молилась, и, возможно, по ее молитвам он вернулся с фронта в 1945 году живым и здоровым.

Жили мы в селе скромно, но очень дружно. Выживали в основном за счет подсобного хозяйства. Было тяжело, но люди держались вместе, и это чувствовалось. В 1948 году я пошел в первый класс алтуфьевской школы. Учился хорошо. В храм ходил с раннего детства. На первой пасхальной службе был в шесть лет, до сих пор ее помню. С этого же возраста и до поступления в семинарию помогал священнику в алтаре.

Мы часто ходили пешком из моего села Алтуфьево в Троице-Сергиеву лавру. Шли и стар и млад. Меня лавра особенно впечатлила. Там я и прожил потом тридцать два года.

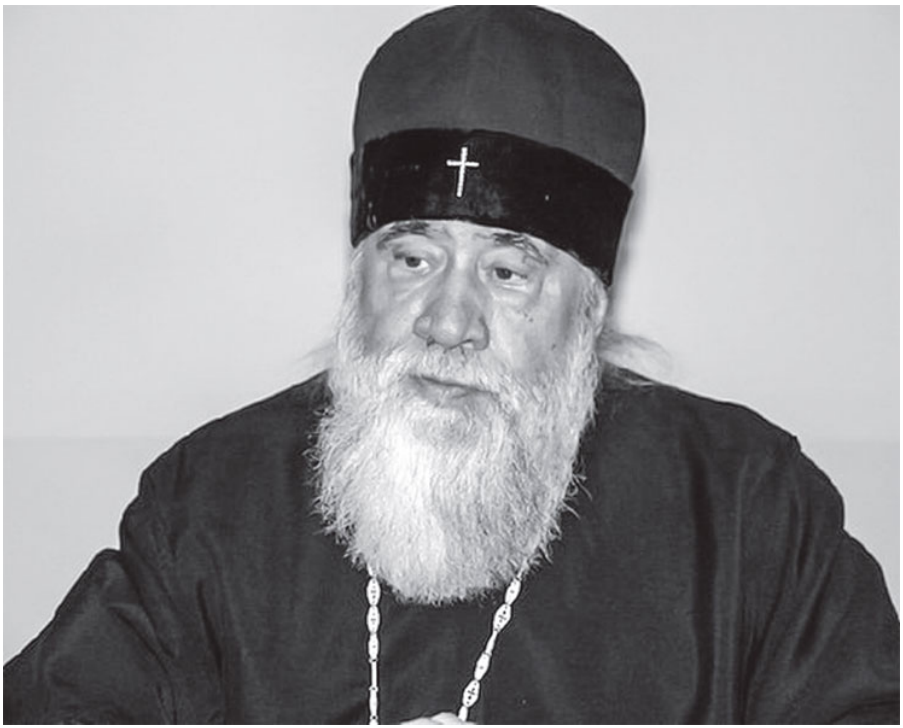
Веру свою я не скрывал

Проблем в исповедании веры у меня не было до десятого класса школы, пока моим классным руководителем не стал заядлый коммунист, учитель истории, уроки которого всегда носили пропагандистский характер. Он любил повторять: «Вашей Церкви скоро конец». Меня часто начали вызывать на объяснения с директором, но мои одноклассники, особенно девочки, за меня заступались, заступались и сами учителя.

Веру я свою не скрывал, продолжал алтарничать в сельском храме, бывало, что некоторые учителя отпускали меня на службу раньше окончания занятий. Гонений явных не было. Были некоторые притеснения, насмешки, но ничего более…

Присутствовал особый дух

Церкви в хрущевское время начали повсеместно закрывать. Усилилась антирелигиозная пропаганда. Началась травля священников. Не могу сказать, что в то время все священники являлись уж такими ревностными, всякое бывало. Но были, конечно, и примеры истинного благочестия и подвижничества. Церкви оставались скромны в убранстве, но присутствовал особый дух – дух единства в вере.



Митрополит Иона (Карпухин)

Верующих отчисляли из учебных заведений, лишали работы

Было много препятствий для молодежи в исповедании веры. Запрещали, например, брать в семинарию после окончания института, открыто верующих отчисляли из учебных заведений, лишали работы, иногда они подвергались и общественному презрению. Не все это выдерживали: кто-то скрывал свою веру, кто-то отходил от нее вовсе.

Рождество и Пасху отмечали всем миром

В моем селе Рождество и Пасху отмечали всем миром, хоть и

время было атеистическое. Ходили друг к другу в гости. Храм, конечно, не вмещал всех желающих. На Пасху во время крестного хода, бывало, в толпу верующих полетят то камни, то тухлые яйца. Милиция не допускала в церковь молодежь, но пройти аккуратно все же можно было. После крестного хода представители власти расходились, и мы служили спокойно. Стихиры Пасхи пел весь храм. Расходились по домам под пение «Христос воскресе». Дружно жили…

Препятствия властей в праздновании Пасхи Христовой

Когда я был уже насельником Троице-Сергиевой лавры, мы также встречали препятствия в праздновании Пасхи Христовой: милицейские ограждения, контроль властей и т. д. Помню, наши удалые иеродиаконы таким представителям давали зажженными свечами прямо по физиономиям, когда те были слишком агрессивны.

Были в лавре старцы, высокодуховные отцы. Особенно мне запомнился архимандрит Кирилл (Павлов). Именно ему меня вручили в день моего монашеского пострига под духовное руководство. Чуткий и духовно опытный человек истинного христианского благочестия. Запомнился архимандрит Тихон (Агриков)…

Митрополит Иона на богослужении

Из опыта прожитых лет

Из опыта прожитых лет вынес я веру в Промысл Божий… Самое главное в воспитании детей – любовь и общение, ну и немного строгости. Во взаимоотношениях между людьми – любовь и понимание. В преодолении жизненных бед и напастей, которые обрушиваются на человека, – молиться, ходить в храм Божий и почаще причащаться. Что касается негатива в Церкви – непорядочный и нечистый человек везде грязь найдет. Надо стараться пропустить это мимо сердца и не осуждать, а внимать себе.

Божия Матерь протирала нас через сито

Рассказывает игумения Богородице-Казанского Серафимо-Алексеевского Бахаревского женского монастыря в Перми София (Забурдаева)

Господь властно взял за руку, как ребенка, и повел

Пути Господни неисповедимы. У меня была очень верующая мама, а я – так себе… Когда мама умерла, нужно было идти в храм заказать поминовение, подать записки. Не то чтобы появилось свое желание – Господь вел. Властно взял за руку, как ребенка, и повел. Сыну исполнилось тринадцать, брала с собой на службу. Потихоньку втянулись.

Постепенно мирская жизнь стала неинтересна. Отошли друзья с их покупками новых вещей, застольями, развлекательные фильмы – мир повернулся ко мне другой стороной. Я для него как-то испортилась… Стала неподходящей.

Мама была самым первым другом для меня – и я рыдала, просила Господа послать мне человека, которому могла бы открыть душу, как маме когда-то. И Господь ответил на мои молитвы – я обрела духовного отца, архимандрита Стефана.

Игумения София (Забурдаева) и Ольга Рожнева

Как она может быть верующим человеком?!

Духовный отец познакомил меня с будущей настоятельницей Успенского женского монастыря, известной всему Пермскому краю, – матушкой Марией. Тогда она была еще мирской человек, врач, профессор Валентина Васильевна Воробьева. Жила уже по-монашески. Знакомые привели ее ко мне в гости по благословению отца Стефана, так как я сильно унывала – от мира ушла, но никуда пока не пришла.

Я обрадовалась гостье – курицы нажарила, не знала, что она уже не ест мясного. Она курицу есть не стала, попросила кефиру. Сидим. Сын Ванечка закрылся в другой комнате, телевизор включил. Она говорила мне о Боге, а я думала: она же врач, профессор – как она может быть верующим человеком?!

Валентина Васильевна пригласила меня к себе домой, я пришла, у нее в то время собиралось много молодежи. Когда началось в середине восьмидесятых годов возрождение

Успенского монастыря в Перми, Валентина приняла монашеский постриг, потом стала игуменией.

Мне пришло время уйти в монастырь

Я старалась постоянно бывать в обители: готовила, мыла, шила – после работы, на все праздники, выходные. Стала чувствовать, что там мое место.

Вырос и женился сын, появился внук, и мне пришло время уйти в монастырь, на Бахаревку, к матери Руфине, настоятельнице обители. С 1998 года я тружусь здесь, была благочинной, сейчас игумения монастыря.

Одно время приходили в обитель многие молодые сестры – такой был призыв благодати Божией. Люди ведь легко откликаются на что-то новое: открылись монастыри – и они пошли. А потом испробовали это новое… и остались не все, а только избранные – те, кого выбрала Сама Пресвятая Богородица.

Мирская карьера не всегда на пользу духовной жизни

Почему уходят из монастыря? Кто-то не может понести друг друга, не в силах смириться. Иной пришел в обитель раньше, продвинулся дальше в духовной жизни и на послушании начальствует – тому, кто пришел позднее, приходится его слушаться. Трудно подчиняться тому, кто моложе, менее образован, но в монастыре другие показатели преуспеяния – мирская карьера не всегда на пользу духовной жизни.

Уходят потому, что не могут понести тяготы монашеской жизни, внешние трудности – привыкли к комфорту в миру, тяжело переносят неблагоустройство. Ночью тяжело стоять на молитве. Монашество – подвиг. Не все готовы к подвигу. Первоначальная благодать отступит – и выходят на свет немощи. Бог – Он Тот же, а люди стали слабее…

Причина ухода и в самости, в эгоизме, мы стали очень любить себя, нет самопожертвования. Боимся трудностей, бежим от них. «Ой, трудно, грязно, пойду туда, где полегче»…

Я знаю, что ничего не знаю

Когда сама шла в монастырь, мне казалось, что готова к монашеской жизни: шить, вязать, варить умею… И только с годами поняла, что ничего не умею и ничего не знаю. Как Сократ: «Я знаю, что ничего не знаю». Так и я…

Сначала очень тяжело было: нужно раньше вставать и позже

ложиться, чем в миру, – целый день на ногах… Да еще несмирение… Нужно смириться перед каждым, каждого полюбить.

Дров не было, подъезд плохой к монастырю, гора, носили дрова на руках, топили печи. На покос вставать рано. Бани не было, ставили своими руками, женскими. Пришлось не только шить, но и копать, и садить. Господь, Пресвятая Богородица очень помогали – сильная ревность была. Постепенно накапливалась усталость, появилось искушение уйти:

– Матушка Руфина, я уйду!

– Что, испугалась?!

Помолилась за меня матушка-старица, и ушли искушающие помыслы.

Благодать намоленного места

Богородице-Казанский Серафимо-Алексеевский женский монастырь – светильник дореволюционной Перми для православных – знал тесный путь скорбей и гонений. Его закрывали и разрушали, а он стоял, как дом, построенный на камне, а не на песке. Сейчас я счастлива, что когда-то переступила порог этого монастыря – древнего, намоленного, пусть и разрушенного, поруганного. Возрождение нашей обители началось в 1998 году.

Я, когда первый раз сюда приехала, вижу: послушница моет крылечко. Снимаю обувь на улице и захожу без обуви. «Вы зачем разулись?!» А я так почувствовала благодать намоленного места. «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 5).

Оглядываясь назад, вижу: много было трудов, искушений. Божия Матерь протирала нас через сито – разные люди приходили и уходили, у каждого свои привычки, немощи, скорби. Начинаешь подвизаться – страсти наружу выходят, проявляются. Порой и сам от себя не ожидаешь… Но знаешь, что можешь за помощью к Господу обратиться, и Господь не посрамит.

В самом эпицентре огня остались нетронутыми иконы

Горели в 2002 году… Было и утешение: в самом эпицентре огня остались нетронутыми иконы – аналойный образ Казанской иконы Пресвятой Богородицы и бумажная икона «Неопалимая Купина». Деревянный киот полностью обгорел, а сама икона стояла нетронутая огнем и сияла яркими красками. Спасли и ковчег с 54 частицами святых мощей угодников Божиих. Такое

чудо…

В 2009 году матушку Руфину перевели, осталась я настоятельницей. Страшно. Была одна из сестер – с одной ложки ели, а теперь матушка, за всех отвечаю… Потихоньку привыкли. И люди, и стройка, и духовная жизнь. Молитва. Если бы не милость Божия…

Вы же говорили: «Господь пошлет» – Он и послал!

Каким чудом растет наш монастырь? Читали об Оптинских старцах? Отец Моисей начинал строительство без гроша в монастырской казне, и Господь посылал. Думаю: так то же преподобный Моисей был! А мы-то что?! Разве мы так можем?! А потом Господь внушает, и говорю:

– Сестры, давайте строиться!

– Да что вы, матушка, у нас же совсем денег нет! На что строиться-то?!

– А Господь поможет!

Начали строиться – денег ни копейки! Тут кирпич пожертвовали, там доски привезли… Идет стройка! Спрашиваю у сестры-казначеи:

– Сколько мы уже на строительство издержали?

– Восемь миллионов, матушка!

– Как?! Да где же мы их взяли-то?!

– Да я и сама не знаю… Вы же говорили: «Господь пошлет» – Он и послал!

До слез… Мы-то не такие, как преподобный Моисей Оптинский, а Господь – Тот же. И вчера, и днесь…

Источники у нас чудотворные

Рядом с нашим монастырем – источники, целых четыре: Казанский, Покровский, Серафимовский и святителя Николая Чудотворца. Пруд, окаймленный хвойными и лиственными деревьями, березовая роща, изумительно чистый и свежий воздух.

Источники у нас чудотворные. Одно время много молодых приезжали, жаловались: детей не было. Повожу по святым источникам, окунутся, помолимся. Может, год, полгода пройдет – возвращаются к нам: матушка, мы ребеночка ждем! Одни плакали прямо: нет детей. Провела по всем источникам с молитвой. Сейчас у них двое детишек – София и Кирилл.

Будете в Перми – приезжайте к нам в гости! Храни Господь!

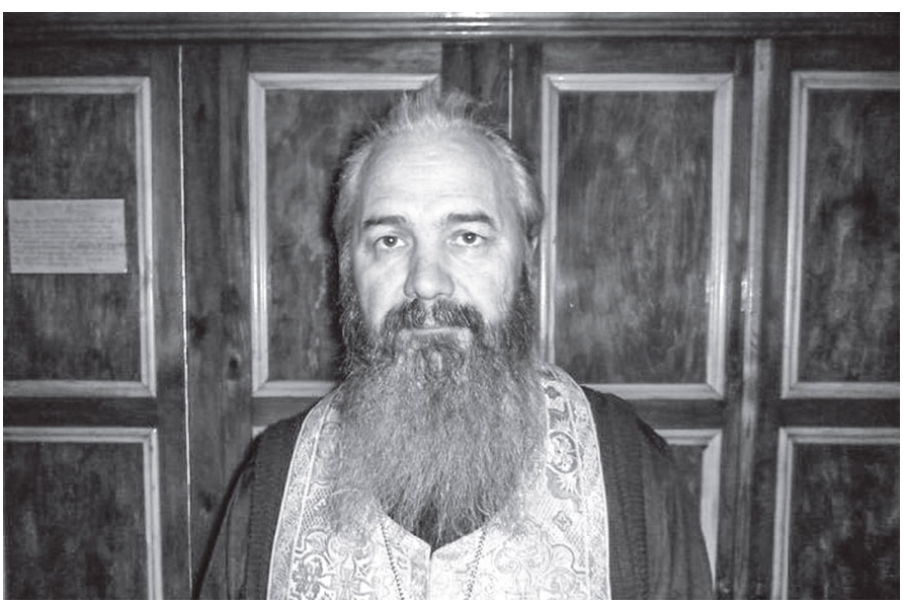
Промысл Божий ведет нас по жизненному пути

Рассказывает протоиерей Василий Антипов, клирик храма святителя Николая Чудотворца города Саранска

Воспоминания старших были очень живы

Мне война не запомнилась, конечно, а вот мой отец три года воевал, имел контузию. Дядя, старший брат отца, погиб на войне. Мать рассказывала, как они трудились в тылу, не покладая рук работали, мужчин мало, а хозяйство вели. Планы были: сколько собрать, сколько сдать. Все работали для фронта.

Поэтому воспоминания старших в годы моего детства были очень живы. Многие после войны в село вернулись с ранениями, увечьями, я лично знал многих людей, которые были кто на одной ноге, кто без одной руки, один вообще обеих ног лишился. Все они были участниками войны, мы с ними беседовали, в школы часто приглашали, почтительно к ним относились.



Протоиерей Василий Антипов

Я благодарен Промыслу Божию

Слава Богу, я благодарен Промыслу Божию, что родился в православной семье. Родители у нас были верующие, у нас в семье росло много детей, все верующие. Все пять братьев моих стали священниками, один сейчас даже епископ, сестра у нас одна была. Родители воспитали нас в вере; я не помню, чтобы я был неверующим и в какой-то момент стал верующим, то есть я верующий с детства. Это благодаря родителям нашим. Мы всегда молились дома и по праздникам, и утром, и вечером, и посты соблюдали. Хотя у нас в селе храма своего не было, мы раз в год или раз в несколько лет ездили в другой город, чтобы там исповедаться, причаститься, но веру сохраняли с детства.

Вы не надевали на них крестик и не имеете права снимать

Крестик мы носили всегда, но я помню, что в первом классе учительница срывала с меня крестик несколько раз. Я со слезами, бывало, убегал из школы, приходил домой, и мама успокаивала, надевала другой крестик. А потом, я помню, один раз отец пришел к директору школы и такой ему нагоняй дал. Это был 1961 год, я в первом классе учился.

В то время, чтобы так за веру директору дать нагоняй, такого не бывало, но отец был очень смелый человек, простой человек, рабочий в колхозе. Когда он пришел к директору (это при мне было), он так строго говорил с ним, просто запретил ему категорически ко мне прикасаться. Говорит: «К моим детям не прикасайтесь, и кто надел крестик, тот отвечает за это. Вы не надевали крестик на них и не имеете права снимать». Директор, правда, смягчился, и учительница после этого никогда не порывалась снимать крестик.

Промысл Божий ведет нас по жизненному пути

В селах у нас оставались верующими ребята, молодежь только по воспитанию родителей. И если в какой-то семье православный образ жизни поддерживали, там и дети вырастали верующими, а в тех семьях, где этого не было, там вырастали оторванными от Церкви людьми, и таких друзей у меня было много, в общем-то, большинство.

Промысл Божий ведет нас по жизненному пути. Я вот по себе смотрю, по жизни своих братьев. Выросли в обычной советской обстановке: и колхоз, и ни одного слова в школе о вере – только в семье. Но вот я первый из всех братьев пошел в семинарию – это было удивительно в то время. Считаю, что из такой неверующей

среды вырваться и пойти в семинарию, чтобы стать священником, – это уже можно считать чудом Божиим.

Потом за мной пошел один, другой, третий – и все пять братьев. Это было настолько удивительно по всей нашей округе в семидесятые годы. Все люди удивлялись этому, как какому-то чуду. Как из этого советского села все пять братьев через два-три года уходили в семинарию, кто их так воспитал, кто их туда позвал? Вопросы были, конечно, у всех.

Я помню даже, что директора школы тогда наказали. Когда третий брат уже поступил в семинарию, ее вызвали в район и там сняли с нее звание заслуженного учителя, отругали: «Как ты могла допустить, чтобы третий человек уже пошел в семинарию?» А потом и четвертый пошел, а потом и пятый, но это уже было к девяностым годам ближе. Это явный Промысл Божий.

У нас дома были дедушкины книги

С духовной литературой тогда были сложности. У некоторых людей дома хранилась такая литература, может, из храма перед разорением кто-то взял. А у нас дома остались дедушкины книги: Библия, молитвослов, акафистник – уже потертые, разорванные. Катехизис я помню, в детстве читал беседы катехизические – до сих пор помню. Тоже разорванная книга была, без титульного листа, не знаю даже, кто ее автор. Вот эти книги мы читали, а новых не было.

Новые книги я увидел, когда в семинарию поступил, и то когда уже из-за границы привозили многие наши богословы, иерархи, тогда и у меня лично появились новые книги. А в конце семинарии уже митрополит Питирим развил деятельность Издательского отдела Московской Патриархии, и стали печатать многие книги: Библии, Требники, молитвословы, акафистники… И вот тогда у нас, семинаристов, уже была возможность покупать эти издания. Я очень много закупал, так что у меня с тех времен еще книг много.

Православные праздники

В нашем селе, когда не было еще храма, отмечали Рождество и Пасху – это понятно, и Великий пост мы всегда в семейном кругу соблюдали. Посты мы соблюдали строго: ни мяса, ни молока не ели, хотя у нас свое хозяйство было, но старались и Рождественский, и Великий пост соблюдать. Даже невзирая на то, что мы были дети, пост соблюдали всегда. Во время поста ели картошку, макароны можно было купить. Хотя с крупами в

хрущевское время было тяжело. Несколько часов стояли в очередях, чтобы получить килограмм крупы, в частности гречки.

Особенно отмечали родительский день, на кладбище всегда собирались. Священника не было, но старые певчие еще с закрытия храма в 1936 году оставались, они знали службу и пели. Кроме этого, большими праздниками считались престольные праздники нашего храма. Храм у нас был трехпрестольный: Святой Троицы, святых мучеников Космы и Дамиана и святого Герасима Иорданского.

На Рождество мы с ребятами собирались и славили Рождество Христа по селу. Дети даже из неверующих семей ходили толпами, и к этому дню взрослые готовили печенье, конфеты или денежку. Дети заходили толпами в дом, и кто-то пел тропарь, а остальные просто говорили: «С Рождеством Христовым!» А на Пасху дети говорили: «Христос воскресе!» – им давали яйца, конфеты, печенье. В шестидесятые годы иметь целый кулек конфет – это была роскошь. Поэтому, когда заранее готовили детям угощение, мы набирали по целому кульку конфет и на несколько недель их растягивали – радость была. Одевались все по-праздничному, конечно.

Все успехи Родины радовали нас

Мы никогда не были противниками своей Родины, у нас никогда не было нелюбви к ней, и все экономические успехи нашей страны радовали нас. Раньше у нас в селе была дизельная электростанция, и свет включали только утром и вечером на два-три часа. И когда в наше село провели электричество и свет стал гореть целые сутки, мы очень радовались.

Но всегда тягостно было славословие коммунистической партии безбожное, от этого атеизма мы старались уйти.

Мы жили единой семьей

У молодежи тогда в селе была какая-то сплоченность. Гуляли, песни пели, не боялись ничего. Жили единой семьей, однако не было такого разбойничьего настроя или наркомании, винопития такого не было, были нравы все же выше – или закалка старая была, или соблазнов все же меньше было. Не было таких преступлений, никто ни у кого ничего не крал, не убивал. Дрались, конечно, но обстановка лучше была, нежели сейчас.

Очень веселые праздники у нас проходили на Троицу, когда все собирались в лесу. Специальная поляна у нас была, все туда приезжали, привозили продукты и на целый день устраивали

праздник. Там и ели, и пили, и плясали, и играли. Вроде бы религиозного в празднике ничего не было, но все знали, что Троица – это наш праздник.

К родителям в селе было почтительное отношение, очень редко кто-нибудь выступал против родителей и неуважительно к ним относился. К старшим, особенно к военным, которые вернулись с войны инвалидами, – к ним тоже было особое отношение. Им всегда помогали, всегда останавливались на улице, чтобы побеседовать с ними. Я не помню такого случая, чтобы участника войны кто-нибудь обидел или непочтительно к нему отнесся.

Основой нашей жизни является вера во Христа

Я тридцать лет служу в священническом сане и теперь уверенно могу сказать, что основой нашей жизни является вера во Христа и убежденность в том, что ждет нас вечная жизнь, а земная жизнь есть только подготовка к вечной. В этом заключается вся наша проповедь: как веровать, как исполнить заповеди Христа, как очистить свою душу, как приготовиться к вечной жизни. Это главные вопросы нашей жизни, потому что все мы смертные, все мы идем к Богу, и вот там выяснится, каким будет наш ответ Богу, насколько мы приготовились к вечной жизни. Какие еще вопросы могут быть? Все остальные вопросы сами отпадут.

Если человек верующий, он готов умереть, но сохранить свою веру

Удивительно бывает: вот сейчас и учатся, и книги имеют, а убеждения свои люди могут поменять – и к экстрасенсу обратиться, и в секту пойти. В прежнее время как я различал людей? Если человек верующий, он готов умереть, но сохранить чистоту веры и не поколебаться. Наверное, сказалось то, что за десятилетие перед этим были гонения. За исповедание церковной истины люди могли пострадать и быть сосланы или вообще убиты. И все же оставалось это строгое соблюдение православной веры, непоколебимое. А сейчас люди этого не понимают, какое-то появилось безразличие или вседозволенность какая-то… В секту походил, вернулся обратно. Человек, который посещал какое-то время секту, а сейчас вернулся, говорит об этом без раскаяния. Раньше такого я не замечал.

С детства нужно воспитывать ребенка в страхе Божием

Сейчас много соблазнов для детей, поэтому главное, чтобы они не потеряли веру. Конечно, они могут чем-то увлекаться, но самое страшное, если они впадут в наркоманию, в групповые разные проделки, – от этого их надо спасать всеми силами. Если с детства ребенок воспитан в страхе Божием, если он понимает, что такое грех и почему его нельзя делать, мне кажется, опасностей таких уже и нет.

У меня пятеро детей, и я никогда не следил, чтобы они в плохую компанию не попали, – они сами не пойдут, понимают, что такое грех. Каждую праздничную службу все без напоминания идут в храм, молятся. Один сын у меня уже священник, двое старших в духовной семинарии, один в духовной академии.

Сегодня в храм попало очень много людей, у которых нет глубоких убеждений, особенно детского православного воспитания не было. Например, до сорока или до пятидесяти лет прожили без Бога, а когда в девяностые годы открыли храмы, они заинтересовались, пришли в церковь и теперь хотят установить в ней свои порядки.

Вот такой есть момент у нынешних христиан, когда человек лет двадцать ходит в храм, сам еще до сих пор ничего не знает, но считает, что он уже долго ходит и все понимает. Хотя у него нет ни с детства, ни с юности понятия о христианской жизни. Вот эти люди очень опасны, они становятся такими формалистами. Я многим молодым объясняю: ты не слушай этих бабушек, грубить, конечно, им тоже не надо и обижать, но не надо их слушаться. Надо читать книги или священника спросить. Приходится так учить людей.

Верующие в советское время отличались от нынешних более глубокой верой – внутренней, а не внешней

Рассказывает протоиерей Даниил Калашников, клирик храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке

Веру свою я не скрывал

Родился я в 1942 году в Москве, в обычной небогатой семье. Отец с матерью у меня работали преподавателями. Семья православная. Отец очень был верующим, с такой, знаете, очень искренней и удивительно глубокой верой. Он воевал на фронте.

По светскому образованию я инженер-строитель, окончил Московский инженерно-экономический институт. Работал на заводе, в проектной организации, и вместе с этим всегда старался быть в храме.

С детства меня постоянно водили в храм. Носил крестик. Учился я в советской школе № 9. Веру свою не скрывал, но и не афишировал, потому что это могло вызывать насмешки у людей, неодобрение, иногда просто негативные эмоции. Разное могло быть, времена такие были…

Протоиерей Даниил Калашников с прихожанами

В Троице-Сергиеву лавру ездили с самого детства, а так посещали святыни в Москве: Елоховский собор, храм Иоанна Воина на Якиманке, храм на Ордынке.

Рождество и Пасху отмечали очень торжественно! Жили мы бедно, преподавательская зарплата мизерная, но к Рождеству и Пасхе готовились за два или за три месяца, покупали то, что могли себе позволить. К Пасхе, скажем, за два месяца апельсины покупали, чтобы делать цукаты для пасок таких, особенных.

Духовная литература у меня была от отца, ему она досталась от бабушки. Были Псалтирь, Евангелие на церковнославянском и русском с параллельным переводом. Были некоторые акафисты. Иконы. Особенно интересно, что у нас хранилась икона князя Даниила, которая досталась моему деду еще от настоятеля Данилова монастыря.

Как жила Церковь в те годы

Церковь в 1948, 1949, 1950 годах была набита народом. Вот детей правда было мало, человек до десяти приходило в большие праздники. В основном были бабушки в белых платочках, которые, как старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин) говорил, и держали эту Церковь.

В храме служили священники, которые несли в мир добро, и чаще всего это были люди, претерпевшие в своей жизни какие-то сложные ситуации. Вот у нас первый настоятель был, отец

Алексей, так он горел в танке и после этого пришел к вере, в храм Божий. После него был отец Борис (протоиерей Борис Гузняков), которого отчислили из рядов армии по причине тяжелой болезни легких. Благодаря молитвам он выжил и пришел к служению Церкви.

В жизни положительным примером были церковные люди

Я восемь лет прослужил диаконом, до этого служил иподиаконом, три года, с 1973 по 1976-й, был старшим иподиаконом у владыки Киприана (Зернова). Позднее был рукоположен в священника. Мы с матушкой вырастили шестерых детей, двое наших сыновей священники, а две дочери замужем за священниками. У нас растут семнадцать внуков.

В жизни положительным примером для меня всегда были церковные люди. Тот же владыка Киприан (Зернов). Он с большой любовью относился ко всем. И очень строго следил за порядком в храме, чтобы была полная, абсолютная тишина, несмотря на то что храм порой вмещал до трех тысяч человек. Невозможно было поднять руку, чтобы перекреститься, так много народу молилось на службе.

За духовным руководством я обращался к архимандриту Науму (Байбородину), к архимандриту Кириллу (Павлову). И удивительно: все, что они говорили, советовали, все исполнялось. Они помогали своей молитвой. К протоиерею Борису Гузнякову я тоже часто обращался.

Православные люди в советское время отличались от нынешних более глубокой верой – внутренней, а не внешней. Она была очень крепкая, сильная. Вот такие были православные в те годы.

Промысл Божий всегда действует над человеком и над Церковью

Рассказывает протоиерей Виктор Гнатенко, настоятель храма святителя Иоанна Златоуста города Астрахани

Я с детских лет полюбил храм

Родился я в 1940 году, в тот период, когда почти все храмы по России были закрыты. И крестили меня родители уже в 1944-м, после открытия храмов.

Родители мои были глубоко верующими людьми, особенно отец: он не пропускал ни одной всенощной, ни одной воскресной литургии и приучил меня посещать храм. Поэтому я с детских лет полюбил храм, богослужение и шестилетним мальчиком был благословлен в алтарь послушником – носить свечу. Таким образом, я уже при церкви, если считать с шестилетнего возраста, шестьдесят восемь лет.

Военное время

Мой отец был инвалид – не имел одного глаза. Он не воевал. А мои дяди, пятеро братьев моей матери, воевали. Четверо из них достойно положили свои жизни за нашу победу, вернулся только один.

Сам я войну смутно помню – она началась, когда мне было полтора года.

Наш город два раза оккупировали немцы. При отступлении взрывали предприятия, дома. Люди жили в землянках, там были и животные, и птицы. Топить было нечем – зимой холодно. Ходили по ночам и ломали заборы. Тогда все дома были частными. И я помню, как отец ночами сторожил, чтобы не унесли забор, калитку или ворота.

Помню 1947 год, когда мне было семь лет. Тогда была карточная система – на карточки выдавали хлеб. И чтобы его получить, нужно было в очереди простоять день и ночь. Мать меня брала с собой еще шестилетним-семилетним в ночь: сидишь, люди пересчитываются в очередях. Получали какой-то кусок. Хлеб пекли не из чистой пшеницы, а из ячменя, кукурузы, овса с разными примесями – и такому мы были рады.

Света тогда электрического не было – все разрушено. Жили даже не при лампах – лампы считались роскошью, потому что стекол для них не выпускали. А был коптильник: наливали керосин, фитилек – как лампадка. И этим освещали. Когда я учился в школе, не было тетрадей, бумаги, карандашей, пользовались перьевыми ручками и чернильницами-непроливайками, которые, однако, всегда проливались. А бумагу разыскивали где-нибудь на свалках, оберточную бумагу. На ней и писали. Все это было где-то до 1949 года.

Безбожники готовились к тому, чтобы лишить людей веры

За годы моей жизни много было интересного и много печального, скорбного для верующих людей и для Церкви.

До 1954-го еще было терпимо: Церковь и верующих людей не очень притесняли, а уже с 1954 года началось давление на верующих. Было тайное указание властей: никого из активных верующих не принимать в церковные двадцатки, чтобы они не создавали своим авторитетом религиозную настроенность населения, чтобы не было проявления заботы о ремонте церквей и так далее. Безбожники готовились к тому, чтобы лишить людей веры и Церкви.

Как я в школе был изгоем

Я уже с пятнадцати лет стал псаломщиком на клиросе. Когда учился в средней школе, с самого начала подвергался различным насмешкам и оскорблениям за то, что ходил в церковь. Часто вызывали в школу отца и требовали, чтобы он воспитывал меня в современном духе, чтобы я не был религиозным фанатиком. Но отец сопротивлялся. У него был мужественный характер. И он не давал согласия на мое вступление в пионеры.

Был я в школе каким-то изгоем, дразнили меня попом Гапоном – кличка такая. И в то же время проявлялось какое-то уважение со стороны и сверстников, и преподавателей, как-то они снисходительно относились, то есть понимали, что это время искусственного насаждения безбожия.

Пускай идет работать в колхоз, а не в церковь!

Когда я окончил среднюю школу и хотел поступать в семинарию, это был уже 1958 год – период сильных гонений на Церковь. Молодежь изгоняли из храмов. Молодых священников

до тридцати пяти лет лишали регистрации и посылали трудиться на гражданскую работу, причем их нигде не принимали. Храм, где я был псаломщиком, закрыли, и я остался без работы, а тогда, во времена Хрущева, вышел закон: того, кто не работает два месяца, считать тунеядцем и отправлять на поселение в Сибирь. Но этого мне удалось избежать. Я устроился сторожем в другую церковь.

В семинарию поступить тогда было очень сложно. Настоятели боялись давать характеристику и посылать молодежь в семинарию, и всяческие уполномоченные по делам религии препятствовали продвижению молодых людей. Когда мне был двадцать один год, прихожане попросили архиерея и послали коллективное письмо с просьбой рукоположить меня во диаконы, так как у меня в молодости был голос прекрасный, знания и все… Я уже был женатым.

Но уполномоченный был такой в Краснодаре – Бабушкин, противник всякого рукоположения, особенно молодежи. Он говорил про меня: «Пускай идет работать в колхоз, а не в церковь!» И тогда я решил написать прошение в епархию. В несколько епархий. Здесь, в Астрахани, был такой архиепископ Павел (Голышев), который имел двойное гражданство – французское и русское. И с ним в то время считались. Боялись, что за границу попадут сведения о бесчинствах атеистов. Тогда архиепископ Павел рукоположил меня во диаконы на свой страх и риск.

И уполномоченный скрипя зубами выдал мне регистрацию как служителю культа. Направили меня в храм святителя Иоанна Златоуста, где я прослужил сорок шесть лет, минус шесть лет, которые я служил на кладбище настоятелем. И здесь же, в этом храме Иоанна Златоуста, я настоятелем более тридцати лет и благочинным округа.

Гонения на верующих

На богослужение пробирались исключительно семьи верующих. Особенно бабушки приводили своих внуков. А семнадцатилетних – двадцатилетних тогда в храме не было. Не было венчаний. Крещения совершали тайно, открыто было опасно. Уполномоченные специально разработали бланки для Крещения – голубые для города и розовые для сельской местности. В них требовалось указать ф. и. о. родителей, место их работы, место работы крестных, и все эти сведения в конце месяца передавались уполномоченному по делам религии, который их рассортировывал по районам и посылал в партком. А

коммунисты вызывали этих людей на ковер – лишали работы или еще как-то наказывали.

Протоиерей Виктор Гнатенко

Очень тогда духовенству было напряженно. Соборование разрешали совершать, но чтобы присутствовал при болящем только один человек. Если два человека присутствуют – это считалось уже молитвенной организацией. Тогда обвиняли священника в том, что он устроил молитвенный дом и в присутствии многих совершает богослужение. Причащения совершались часто, напутствие болящих, ибо много было верующих. Отпевание на дому и освящение квартир строго-настрого запрещались. И если уполномоченный узнавал, что где-то священник освятил квартиру или отпел, то лишал его регистрации. А лишенный регистрации священник лишался права служить и быть материально обеспеченным.

Как мешали верующим праздновать Рождество и Пасху

В советское время на Пасху и Рождество специально организовывали группы комсомольцев, которые нарушали благолепие и порядок в храме. То есть, во-первых, не пускали никого из молодежи. Ныне здравствующий старейший протодиакон Виктор Буряков тогда не носил бороду, ему было лет тридцать пять. Он пришел под Пасху в десять часов вечера на

службу, а его милиция не пропускает как молодого человека. Он начал объяснять, что он протодиакон, но никто ему не верил, пока не вышли настоятель и священники и не засвидетельствовали, что это действительно протодиакон. Только тогда его пропустили.

А так устраивали площадки, кино показывали около храма. Вот здесь у нас пожарные были напротив за пятьдесят метров, даже за тридцать метров. И здесь специально в пасхальную ночь показывали бесплатное кино для того, чтобы молодежь отвлечь от храма и поглумиться – помешать богослужению. Включали громкоговорители.

Пускали в храм на праздники пьяную молодежь, чтобы они выкрикивали в церкви какие-нибудь скверные слова или мешали совершению богослужения. В Покровском соборе тогда служил архиепископ Михаил (Мудьюгин). И вот во время службы стали уносить плащаницу. А плащаница стояла на подставке из кирпичей, и комсомольцы начали бросать эти кирпичи над головами людей – так они их «убирали». Страх был, что кого-то могут убить или покалечить. Архиепископ побелел тогда просто.

Верный непоколебимый пастырь

От Горького до Астрахани не было ни одной открытой церкви, действовал только Покровский кафедральный собор. В этом соборе служил митрофорный протоиерей Павел Нечаев, единственный священник с 1937 года, который был стойкий в вере. Затем во время войны собор закрывали на полгода, чтобы сделать там хранилище зерна.

А отец Павел служил на кладбище на улице Софьи Перовской, где тогда не было храма, а одна маленькая часовня человек на десять. Он совершал там богослужения, а тысячи людей стояли на морозе, на ветру и молились. Это был подвиг старца, который прожил долгую жизнь, девяносто лет, и оставил глубокую память о себе среди народа как верный непоколебимый пастырь Русской Православной Церкви.

Время отречения людей малодушных

Время было сложное. В Астрахани была единственная епархия, в которой не прекращался колокольный звон. Не препятствовали, боясь архиепископа, что он разнесет по миру – во Франции и везде. Церквей было мало. В городе – шесть, а в огромной епархии всего четырнадцать, считая сельские. Духовенства не хватало. Некоторые храмы по селам были

закрыты, пока подбирали кадры для духовенства.

Это было время отречения людей малодушных; нестойкие в своих религиозных убеждениях, даже духовенство, оставляли свою деятельность, шли в атеисты. Первым был Осипов, преподаватель Ленинградской духовной семинарии. Местный протоиерей Иоанн Кубин отрекся. Они потом стали делать пакости Церкви, высмеивать веру и так далее.

Ты руками машешь и заставляешь их петь

Уполномоченный строго следил за тем, чтобы молодежь не допускали в храмы, не причащали, не помазывали освященным елеем, и стояли комсомольские пикеты, не пускавшие молодых на службу. Но люди стойкие все-таки побеждали их своими убеждениями и водили молодых в храм.

В то время нельзя было петь Символ веры с народом. Как-то раз на праздник в наш храм пришел уполномоченный, и я, как диакон, обернувшись к народу, начал петь «Верую», руками махал. Он увидел это. На другой день вызвал меня на ковер и обвинил:

– Ты нарушаешь закон «О религии»: обучаешь людей религии, что запрещено законом!

– Ну как же я обучаю?

– А ты руками машешь и заставляешь их петь.

Потом архиепископом был Михаил (Мудьюгин). Он поговорил с уполномоченным и убедил, что диаконы могут петь Символ веры, обратившись к народу, только не управляя рукой. А народ знал Символ веры, и таким образом пели.

Храмы тогда имели очень неопрятный вид, все делалось, чтобы показать: религия в СССР умирает. Если какой-то маленький ремонт сделаешь, даже побелку наружную, то вызывали на комиссию в райисполком и райсовет, и там комиссия старосту или активистов штрафовала. Крыши текли, штукатурка обвисшая в храме Иоанна Златоуста была, но не давали никакого ремонта сделать.

Протоиерей Виктор Гнатенко

Первые шаги

А потом стала проясняться на горизонте погода для Русской Православной Церкви. После празднования 1000-летия Крещения Руси совершенно изменилось отношение к Церкви и ее служителям. Духовенство стало первые интервью давать. Я впервые давал интервью на телевидении, выступал по благословению епископа с рождественским поздравлением. Это были первые шаги, когда духовенство входило в общественную жизнь и несло слово Божие людям.

Начали давать разрешение на ремонт церквей. Появились молодые послушники, ребята в храмах, в алтарях. Молодые заочно оканчивали духовную семинарию. И я также заочно окончил духовную семинарию.

Время было тяжелое, сложное, и сейчас духовенство, которое служит, не может себе и представить, в каких тисках, в каких рамках мы находились, но следует отметить: те, кто остался при Церкви, были людьми мужественными, преданными Церкви и готовыми ради нее даже пострадать.

Люди благодарили за все Бога и довольствовались тем, что имели

Раньше контингент верующих был совершенно иной. Люди во время гонений на свой страх и риск крестили детей, за что их

снимали с работы. Тогда верующие, особенно бабушки, наполняли храмы и горячо молились. Какие песнопения пели общим хором! Сейчас этого нигде и не услышишь. И как справедливо сказал покойный Святейший Патриарх Алексий II, белые платочки спасли Церковь. Несмотря ни на что, наши благочестивые бабушки ходили в церковь, отстаивали даже во время безбожия свою веру и сохранили, и передали, и привили ее своим детям и внукам.

Сейчас радостно служить. Радостно исполнять свои обязанности. Никто тебя не укоряет, никто не притесняет. Но такой ревностной веры и заботы о Церкви, которая была в советские времена у духовенства, современное духовенство не имеет. Оно немножко страдает светским укладом, что немного пагубно отражается на Церкви.

Мне запомнилось духовенство тех лет, еще старой закалки. От настоятелей, которым я прислуживал еще в детстве, я очень многое почерпнул, и это мне пригодилось. Тогда это были горячие молитвенники, особенно старые священнослужители, которые с ревностью, с горением в сердце совершали богослужение, любили паству свою и служили, невзирая на свои немощи, на свои недуги, каждый день без всяких выходных.

Христиане того периода были более воцерковленными, более духовно и нравственно устойчивыми. А сейчас христиане многие торгуются с Богом. Приходят в церковь свечку поставить: я тебе, Господи, – свечку, а Ты мне – работу хорошую, квартиру и т. д. А тогда такого не было. Тогда люди благодарили за все Бога и довольствовались тем, что имели. Война оставила на нравственном, моральном поведении людей отпечаток. А скорбь и страдание всегда объединяют. И тогда люди были более милостивые, жалостливые и приветливые, нежели сейчас.

Промысл Божий всегда действует над человеком и над Церковью

Промысл Божий всегда действует над человеком и над Церковью. «Врата адова Церковь не одолеют» (см. Мф. 16, 18), – сказал Христос. И это подпитывало людей, утешало, обнадеживало, что гонения все временные, они уже были в истории Церкви, есть и будут. И наши бабушки простаивали и раннюю, и позднюю литургию. Литургию позднюю окончишь – они из храма не расходились, оставались до самой вечерни. Безвозмездно убирали храм, приводили в порядок. Благолепие. А сейчас, наоборот, люди охладели, и никого, кроме наемных уборщиц, не найдешь.

О воспитании детей

Воспитание дети получают только в семье. Школа не воспитывает, школа дает образование. Учитель следит за дисциплиной в классе. А как себя ведет ребенок на улице, дома – его не касается. Нравственная обстановка в семье отражается на детях. Яблоко от яблоньки далеко не падает. Если в семье родители нравственно устойчивы, если при детях не ссорятся, не сквернословят, то в таких семьях и дети благополучны. А если мать начинает с соседкой кого-то обсуждать, или придет соседка к ней, она с ней по-дружески, а только вышла та за порог, мать начинает ее критиковать, разные остроты отпускать, то детский ум очень быстро это схватывает. И эта раздвоенность личности, лицемерие, которое мать проявляет, отражается на детях. Где хорошая обстановка, там и дети вырастают благополучные.

Сейчас молодежь избалованна, они потребители. Родители стараются приобрести детям все материальное с ранних лет, а это уже немножко человека развращает, делает пассивным. И ему неинтересно в жизни. Он не старается добывать хлеб насущный своими руками, а пытается где-то схитрить, словчить. Поэтому воспитание все только от родителей.

Первая воскресная школа в епархии

В 1989 году я открыл при храме Иоанна Златоуста воскресную детскую школу. Это была первая школа в епархии. А затем уже стали и другие приходы открывать воскресные школы и для детей, и для взрослых. И из нашей воскресной школы вышли достойные воспитанники: сейчас шесть человек из них служат на крупных приходах настоятелями.

Душа, которая с малых лет вкусила благодать, вернется в Церковь

Воскресные школы воспитывают детей в положительном духе. Ученики воскресных школ отличаются и в средних школах своим поведением. Правда, иногда бывает так: исполняется подростку четырнадцать лет, и он бросает воскресную школу и становится каким-то далеким от Церкви. По этому поводу я часто вспоминаю слова архимандрита Ефрема, игумена Ватопедского монастыря на Афоне, который привозил пояс Пресвятой Богородицы в Россию.

Его спрашивают:

– Если дети, ходившие в храм и в воскресную школу, став юношами, отказываются посещать храм, что посоветуете?

И он отвечает спросившему:

– Не переживай! Душа, которая с малых лет вкусила благодать, вернется. Не бойся! Ты им о Боге вообще не говори. Много будешь о Боге говорить – им это надоест. А говори о них много Богу.

Когда родители молятся о своих чадах Богу, это помогает им воспитывать своих детей. И Господь тогда вразумляет ребенка Своей благодатью.

Главное в жизни – вера и спасение души, а остальное на этом фоне ничтожно

Рассказывает протоиерей Георгий Втюрин, клирик собора Вознесения Господня города Йошкар-Олы

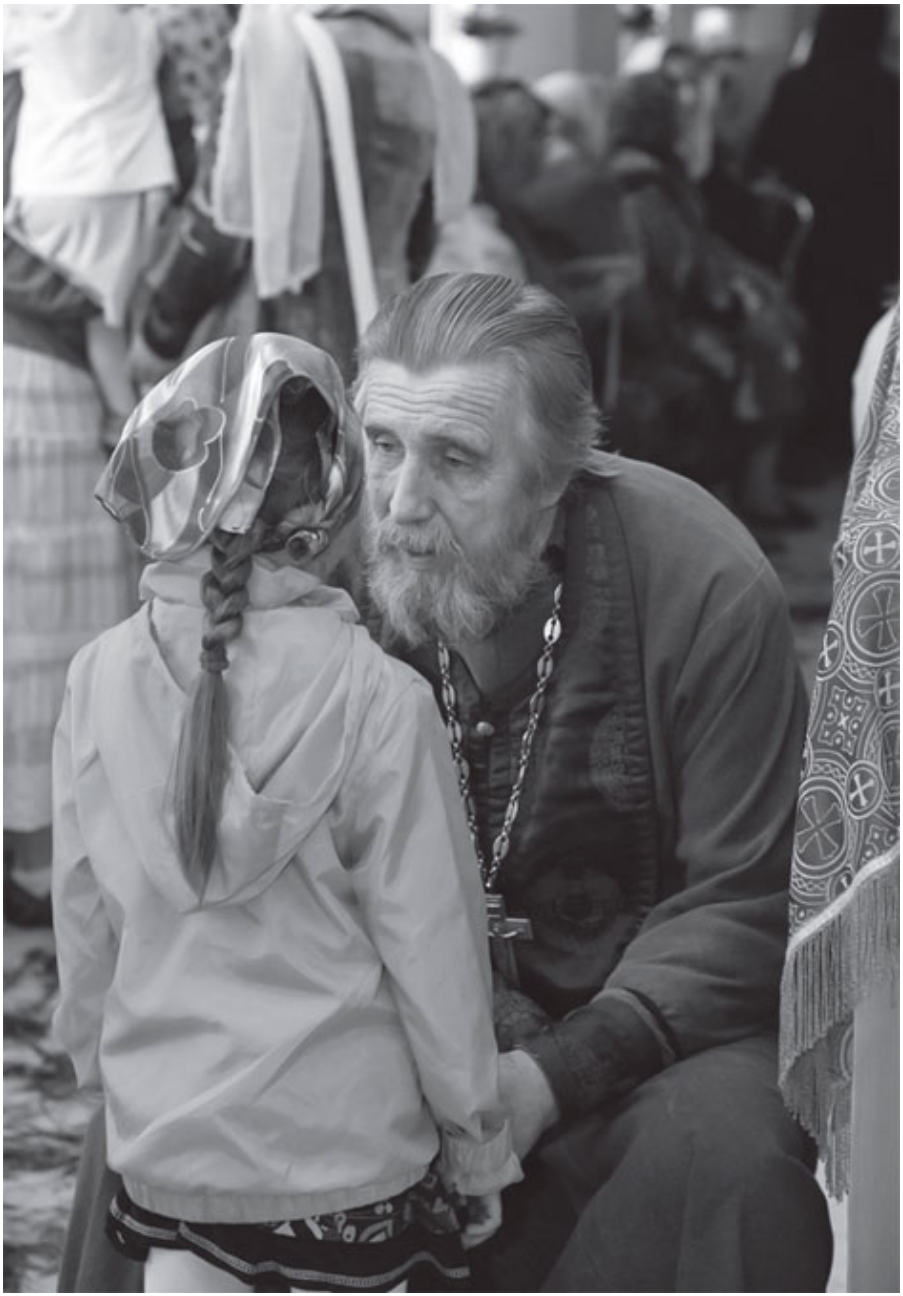
Веру не принято было выставлять напоказ в то время

Родился и рос я в семье верующих людей. По крайней мере, был крещен, церковь посещал, но нечасто. Крестик носил, но о вере разговоров не было. Специально не скрывал, конспирацией не занимался, но и не афишировал. Не принято было говорить об этом.

Среди моих сверстников тоже были верующие. Я был знаком с внуком священника, служившего до революции в нашем Вознесенском соборе. Но, как я уже говорил, веру не принято было выставлять напоказ в то время. Люди оставались верующими, как-то старались посещать храмы, детей крестили. Но все как можно тише.

У нас во всем городе оставался один-единственный действующий храм, и тот на самой окраине. По всей республике еще оставались, но немного, думаю, и десяти не наберется.

Очень верующей у меня оказалась теща. Мы с женой сразу повенчались. Венчание наше состоялось в 1975 году. Никаких сомнений на этот счет не было, но венчаться пришлось ночью в Яранске (небольшой провинциальный город недалеко от Йошкар-Олы). Заранее договорились со священником и поехали. В своем городе так бы не получилось – сразу бы повели разбираться по госучреждениям, ведь я тогда работал на режимном заводе, жена тоже, сразу бы доложили куда нужно.



Протоиерей Георгий Втюрин. Фото В. Кузьминых

Как в советское время праздновали православные праздники

Православные праздники, конечно, все отмечали, практически в каждой семье. Даже те люди, которые в храм не

ходили, все равно праздновали. Обязательно яички красили на Пасху, куличи пекли.

А в наш единственный Семеновский храм народу столько набивалось под большие праздники, что, если уж ты зашел в церковь, обратно не выйдешь до конца службы. А если как-нибудь протолкнешься к выходу, то обратно точно не влезешь.

Милиция приезжала, следила за порядком, конечно, без особого одобрения, но ведь люди все равно по-доброму к ним относились. На Пасху прихожане им целую мотоциклетную коляску крашеных яиц надарят, так их потом все УВД месяц ест…

А вот, например, когда служили водосвятие, то делали следующее: для того чтобы толпа народа не задавила священников, вносили в церковь большую клетку, в ней ставили столик с водой да аналой, и мы заходили в эту клетку и в ней служили. Храм нагревался моментально, стены в нем были расписаны старой масляной краской, и от дыхания множества людей вся влага конденсировалась по стенам и непрерывной капелью проливалась на молящихся прихожан. А с места не сойти, так что если капает тебе на лоб, то и будет капать всю службу.

Как мы строили наш храм

Немало времени проработал я на заводе. Все это время регулярно посещал храм. Видимо, Бог меня берег – меня ни разу не замечал уполномоченный в церкви, что повлекло бы за собой проблемы. Ведь был у нас товарищ Исаков, уполномоченный по делам религии, который ходил и все высматривал. Мог спокойно зайти на клирос, вышибить дверь ногой и торжественно изгнать оттуда всю молодежь.

Потом верующие начали строить маленький храм, официально оформленный у властей как молельный дом. Точнее, его перестраивали из старого, ветхого здания, до революции принадлежавшего церкви. Ранее в нем жили священники, служившие в Вознесенском соборе. Изношено строение было процентов на восемьдесят, и отдали его за ненадобностью. Во время войны в нем делали взрыватели для снарядов, и при стройке там нашлось немалое их количество.

Строили этот маленький храм с огромным воодушевлением. Каждое утро огромное количество добровольцев собиралось у нашего домика-храма, были и старички, и старушки, и люди помоложе. Все верующие готовы были помогать строительству храма, которого не было долгие десятилетия.

Но не хватало человека, который бы занял должность

снабженца на этой стройке. Я тогда ушел с завода и стал этим заниматься. Хоть и не очень у меня получалось. Для этого в советское время определенные качества требовались. Нужно было уметь все доставать, тем более для церкви, что вдвойне сложнее.

Например, единственную нашу церковь в Семеновке топили углем, который приносили сами прихожане, потому что для храма нигде нельзя было уголь достать.

Недостойным и помрешь

После окончания работ в храме, который был освящен в честь Воскресения Христова, я вернулся обратно на завод и проработал там еще несколько лет. Потом наш настоятель предложил мне стать священником, ведь служить было почти некому. Священники старого поколения все умерли, а новых появлялось мало.

Я сначала отказался, сказал, что недостоин. На что последовал строгий ответ: «Ну, недостойным и помрешь». Тогда я уже перестал сопротивляться, и вскоре меня рукоположили. Хиротонию совершил митрополит Казанский и Татарстанский Анастасий в Казани, естественно, так как отдельной Марийской епархии, как сейчас, тогда не существовало.

Первую Библию привезли мне из Троице-Сергиевой лавры

Духовную литературу в годы советской власти достать было очень трудно, особенно в нашей глубинке. Доставали в основном в Москве, перекупали на толкучке, у фарцовщиков. Первую Библию привезла мне супруга из Троице-Сергиевой лавры – радость неописуемая была! Хотя шрифт мелкий, плохочитаемый, напечатана на папиросной бумаге где-то в Финляндии, а другой просто было не найти.

В лавках церковных не продавалось никакой литературы, кроме молитвословов. Если удавалось найти прихожанам какой-нибудь акафист, его текст переписывался от руки в тетрадки, перепечатывался на печатных машинках. Иногда при этом в тексте появлялись разные искажения.

Икон тоже не было, особенно именных. Образ моего святого, преподобного Георгия Владимирского, я получил вообще удивительным способом. Мои знакомые ездили в паломничество во Владимир и там сфотографировали фреску с его изображением, фотографию потом распечатали, и вот так у меня появилась икона моего небесного покровителя.

Так и выжили с работы совсем

Меня, да и моих близких, Бог уберег, но был покойный отец Геннадий, по которому немного проехалась советская государственная машина. Работал он старшим инженером в ЖЭУ, а человеком был верующим, храм регулярно посещал. Был еще бесхитростным, добрым, простым, ни от кого не скрывался. Пришел однажды уполномоченный в храм, заметил его там, сообщил на место работы. Перевели тогда Гену в мастера, потом в слесари, так и выжили с работы совсем.

А когда начали понемногу храмы открывать, он решил вернуться в родное село, церковь там восстанавливать. И восстановил, поехал к архиерею, чтобы священника дали, а кадров не было, так владыка и сказал будущему отцу Геннадию, чтобы учился да служил потом. Так и вышло: послужил он в родном своем селе, правда, умер рано, от болезни.

Вызывают отца Леонида в НКВД

Еще случай помню. Другой священник, тоже ныне покойный, еще старшего поколения, потерял в армии сына. Как он погиб, точно непонятно, время невоенное было, что-то на срочной службе случилось. И тогда же вызывают отца Леонида в НКВД и приглашают к сотрудничеству. Долго убеждали, батюшка отказывался, естественно, но люди упорные были.

Вдруг пришла его матушка. Она женщина сильная, бойкая была, сказала сотрудникам, что и так сын погиб у них, а они от их семьи еще чего-то требуют. В общем, встала грудью за мужа, такой устроила разнос во всем учреждении, что после этого батюшку уже никто не трогал.

Просили у Бога не хорошей жизни, а спасения души

Трудно было с кадрами в те годы. Даже когда меня рукоположили, первый вопрос почти у всех моих друзей был одинаковый: «Ты что, с ума сошел?» А ведь люди эти не очень далекими были от Церкви. Но никогда у меня, у тех священников, которые одной «волны» со мной, с кем мы примерно в одно время рукополагались, не вставал вопрос о деньгах, о зарплате. Он, к сожалению, встает сейчас у некоторых людей, готовящихся к принятию священного сана. А ведь мы почти все уходили с крупных должностей. Вопрос был уже духовного плана.

Мне кажется, что раньше люди имели гораздо меньше корысти. Просили у Бога не хорошей жизни, а спасения души. А

сейчас тенденция к обратному.

Главное в жизни – вера

С годами понимаешь, что главное в жизни – вера и спасение души своей, а остальное на этом фоне ничтожно. Деньги, слава, благосостояние не значат ничего.

Иногда меня спрашивают:

– Как нужно относиться к тому негативному, что мы можем встретить в церкви?

И тогда я отвечаю так:

– Нужно уметь терпеть и понимать, что в церковь мы приходим для общения с Богом. И когда ты стоишь и Ему молишься, то не видишь, что происходит вокруг, тебя это не тревожит.

Раз Господь призывает, надо становиться священником

Рассказывает протоиерей Анатолий Зубрий (в схиме Василий; служил в Одесской области, отошел ко Господу в мае 2016 года)

Люди в те годы жили очень тяжело

Я родился в семье верующих. До тринадцати лет жил на Украине, в Хмельницкой области. Мать трудилась в колхозе. В семье у нас было четверо детей. Отец погиб на фронте.

Люди в те годы жили очень тяжело. Голод был страшный. Что во время войны, что после. Помню, мой отец перед тем, как уйти на фронт, закопал картошку в землю, чтобы потом, на следующий год, посадить ее. Когда он ушел на фронт, то о картошке забыли. И уже после войны вспомнили и откопали, а там кисель из картошки. Мы брали эту жижу и делали из нее лепешки.

Еще как-то дедушка нашел кукурузную муку и смешал ее с опилками, из нее варили кашу. Было очень холодно, не было ни дров, ни угля, ничего. Приносили с фермы отходы от животных. Этим и топили, но тепла особого не было, только запах неприятный. Друг к другу просто прижимались, так и грелись.

Мы жили в колхозе. Люди были дружные, простые. И верующие, почти все ходили в храм. И даже руководители не очень мешали. Очень почитали воскресный день. Были богобоязненными. Всегда старались в воскресный день посетить храм. Некоторые люди даже старались не работать в этот день.

Я с малых лет был на попечении у своего дедушки

Так как мама много работала, я с малых лет был на попечении у своего дедушки. Он был очень верующим человеком. Окончил три класса церковно-приходской школы и был очень деятельным, даже организовал общество садоводов во время НЭПа.

Дедушка всегда помогал в храме и имел послушание псаломщика. Он немного болел, у него были проблемы с дыхательными путями, но, несмотря на это, он всегда старался исполнить все обязанности, возложенные на него как на псаломщика. И нас, детей, дед приучал к чтению в храме.

На Пасху вокруг нашей церкви дежурили дружинники и пускали туда только стареньких бабушек и дедушек. Но все равно каким-то образом все желающие попадали в храм. Во время крестного хода нас слепили прожекторами. Тогда взрослые успокаивали детей, объясняя, что яркий свет – это вспышка, как будто делается фотография для Царствия Небесного.

Как директор школы ругал меня за чтение в храме

Помню случай, как я помогал дедушке читать на Пасху пасхальное послание. Я учился тогда в четвертом классе. Дедушка, будучи псаломщиком, не всегда имел возможность по состоянию здоровья читать. И вот на Пасху ему сделалось плохо прямо посреди храма. Я подошел к нему и стал читать вместо него. Все тогда начали дивиться и между собой перешептываться.

На следующий день я, как обычно, пошел в школу. А директора моей школы звали Анатолий Иванович Грих. Преподавал он историю. И вот прихожу я на занятия, а первым уроком была история. И Анатолий Иванович начал меня всячески ругать и высмеивать перед всем классом. А я был маленький и не понимал, почему он на меня кричит, и вообще, что он от меня хочет. Он вызвал маму в школу, но пришел в школу дедушка.

В учительской состоялся разговор. И директор начал ругать моего дедушку, говорить, что нельзя было давать мне читать в храме. А дедушка отвечал, что это самое полезное чтение. Анатолий Иванович все не унимался и сказал, что я уже в четвертом классе учусь, уже взрослый, и могу не слушать того, что мне говорит дед. А дедушка ответил, что если я не буду слушаться близких, то как я буду слушать учителей в школе? Как я научусь грамоте? Дети должны слушаться старших.

Спустя много лет, когда я уже был священником, встретил директора. Он меня не узнал, и я подошел первым. И когда сказал, что стал священником, то он, к моему удивлению, меня похвалил. Хотелось как-то с ним поговорить, но по молодости, из-за недостатка опыта у меня не получилось. Никакой обиды на него не было.

Как из меня псаломщик не получился

Но в детские годы не получилось у меня прилепиться к храму. С улицы кричали: «Толя, Толя, иди к нам, иди играть!» То одни игры, то другие… Хоть местный батюшка отец Евгений и старался меня сделать псаломщиком, но как-то я уклонился немного. Так из меня псаломщик и не получился.

И вот пришел подростковый возраст, мне исполнилось тринадцать лет. К нам в Хмельницкую область приехал дядя, близкий мне человек, и взял меня к себе на воспитание в Вырицу – сам он работал в Питере, а домик его был в Вырице. Я там пошел в школу. И запомнилось мне время в школе тем, что очень доброжелательно относились к моему говору. Я говорил на украинском и даже на русской литературе продолжал говорить на родном мне языке.

О моем дяде

Расскажу немного о своем дяде. Его звали Василий Федосеевич Швец, потом он стал священником, отцом Василием. Он был близко знаком с преподобным Серафимом Вырицким. Хочется сказать, что когда издавалась книга о преподобном Серафиме, то мой дядя, будущий священник, внес большой вклад в ее издание.

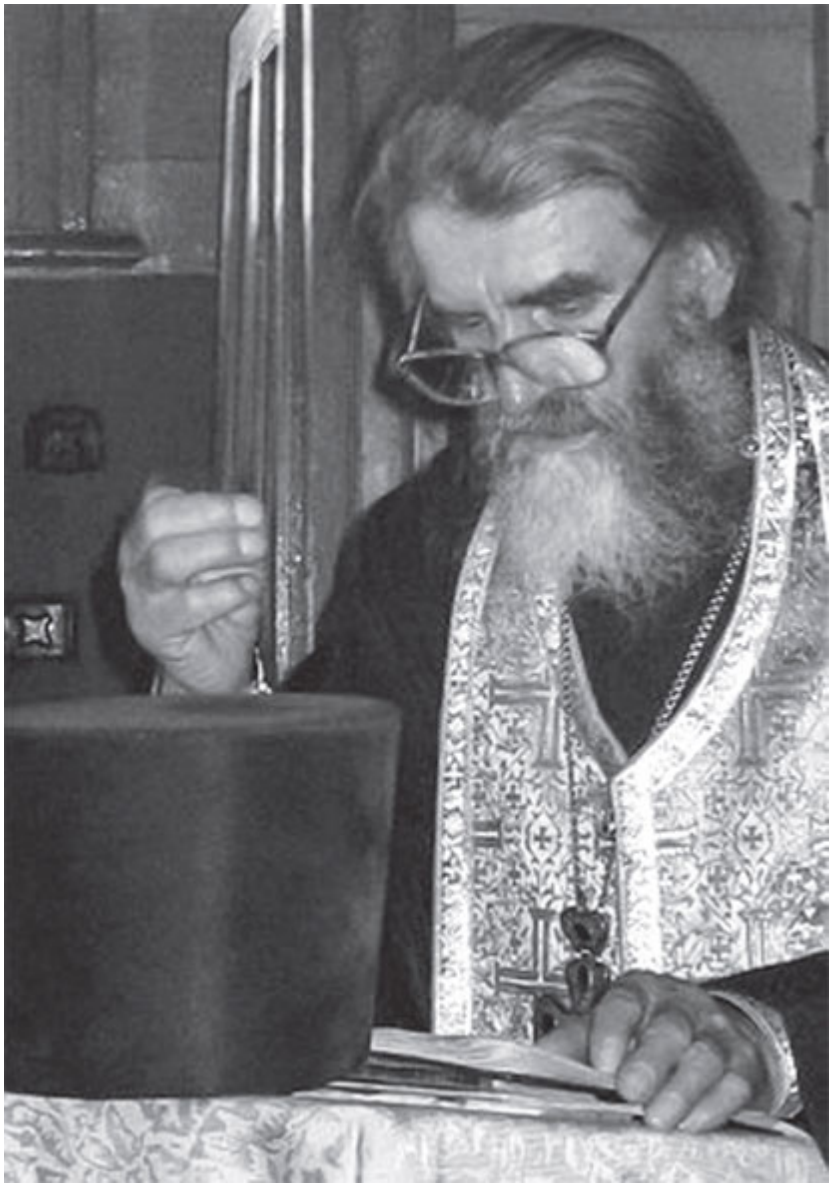
А забрал он меня, потому что маме было трудно одной растить детей. Но пробыл я в Вырице всего лишь один год. У моей мамы случилась скорбь: умерла у нее дочка, моя шестнадцатилетняя сестра. И она потребовала сына назад, домой. Я вернулся обратно в Хмельницкую область, там окончил седьмой и восьмой классы, а девятый и десятый учился уже в вечерней школе заочно.

В селах было как будто крепостное право

Потом я работал в колхозе. Хочу сказать, что время тогда было такое, что не могли парни и девушки выехать из села, было как будто крепостное право. И поэтому мне пришлось поехать на целину. Тогда был ажиотаж. Один парень меня убедил поехать, говорил, что потом можно будет получить паспорт. Так я попал на север Казахстана, в Костанайскую область.

Через некоторое время возвращаюсь, а меня уже военком ждет. Отслужил три года в армии и вернулся домой.

Вернулся в семью как чужой



Протоиерей Анатолий Зубрий

Все эти годы у меня не было никакой духовной жизни, я не ходил в храм. Целина, армия – шесть лет. Вернулся в семью как чужой. Мне говорят дома:

– Толик, иди в храм, ты же с бабушкой ходил в церковь.

А я отвечаю:

– Да я дома молитвы почитаю.

Мне исполнилось двадцать шесть лет, и я как-то стыдился в церковь идти. Был такой ложный стыд. Лучше дома помолюсь. Акафисты я помнил наизусть.

Но тут приехал мой дядя – отец Василий. Раньше был Василий Федосеевич, а теперь стал священником. Он был после аварии – повредил ногу и ходил с костылем. Отец Василий начал меня упрекать, что я как неприкаянный – ни туда ни сюда. А я отнекиваюсь: мол, я после армии. И он сказал, чтобы я как-то определялся, потому что иначе прекратится с ним связь. Он приезжал раньше к дедушке, но дедушка умер, и ехать уже не к кому. И я согласился его сопровождать в поездке в Одессу.

Ты хочешь быть священником?

Мы с дядей собираем вещи и доезжаем до Бендер в Молдавии. Там жили наши близкие родственники. Как раз в это время случается эпидемия холеры, и город оказывается закрытым.

Там я встретил свою матушку, мы полюбили друг друга и поженились.

И после всех этих событий мы выехали из Бендер и отправились с отцом Василием в деревню Каменный Конец Псковской области. Там некоторое время жили, я трудился псаломщиком. И у меня не было особого желания стать священником, но отец Василий настаивал на моем рукоположении. Священников-то тогда было очень мало.

В это время владыкой в Одесской епархии был митрополит Сергий. И меня послали на собеседование к нему, а я, хоть и прошел армию, все равно оставался сельским парнишкой и не знал, как правильно общаться с владыкой. Были некоторые накладки. Владыка спросил: «Ты хочешь быть священником?» А я тогда был уже семейным. У меня уже родился сын. И я сказал, что поговорю с домашними, посоветуюсь с женой.

Про Симеона Лукича

И мы поехали к родственникам в Тирасполь. Там жил Симеон Лукич. Об этом человеке можно рассказать многое. Он окончил в Питере и духовную семинарию, и Духовную академию, но священником не стал. Симеона Лукича мы называли ходячей энциклопедией, по любому вопросу к нему обращались. Он был на фронте, воевал. Попал туда из ссылки. Тогда на фронт пошли и заключенные, кого обвиняли в выступлениях против советской власти и сажали за антисоветскую деятельность.

Симеон Лукич познакомился с отцом Василием на фронте. Они стали как родные братья. Еще Симеон Лукич на фронте познакомился с медсестрой, очень красивой. Они поженились. После войны в Питере жили двумя семьями: отец Василий со

своей матушкой Ольгой и Симеон Лукич с Полиной. И ютились они в одной комнате примерно восемь лет.

Оба были врачами. Симеон Лукич работал в онкологическом институте, а отец Василий – в больнице. Симеон Лукич очень любил книги, но не всегда были деньги, чтобы их купить. Как только появлялась такая возможность, он сразу же покупал их на базаре. Вокруг этих семей было всегда много молодежи из священников. Они между собой были большими спорщиками. Постоянно спорили на религиозные темы.

Симеон Лукич мне и сказал, что раз Господь призывает, надо становиться священником. Так что мои близкие меня подтолкнули к этому пути. И по сути, я через себя переступил, пошел против себя, но об этом никогда не пожалел.

Как к нам милиционеры прибежали

Как-то, когда у меня уже была семья и детки в школу ходили, к нам во двор вбежали милиционеры, директор школы, в которой учились дети, и понятые. Мы все жили в одной комнате. Еще одна комната была нежилая, холодная, а в третьей стоял большой немецкий печатный станок, на котором мы печатали акафисты.

А пришли они посмотреть, как мы живем, оценить обстановку в доме, потому что у нас была многодетная семья. Один милиционер увидел чан со святой водой, и его это заинтересовало. Был такой курьез. Он думал, что там водка. Когда я предложил попробовать, он отказался.

Благодарю Бога за своих наставников

Особенно я почитал одного архимандрита, отца Пимена, который жил в Одесской области. Я всегда к нему обращался за помощью. Мы с ним часто общались по телефону. А так мне редко доводилось покидать свой приход.

Отец Пимен был знаком с преподобным Амфилохием Почаевским, окормлялся у него. У отца Пимена была нелегкая судьба. Он очень долго не мог получить приход. Из-за преследований от властей односельчане даже прятали его детей. Но потом все устроилось. Его сын стал насельником Троице-Сергиевой лавры, сейчас он настоятель храма в деревне Деулино.

Я воздаю благодарение Богу за то, что Он призвал меня на служение в храм. Благодарю Бога за своих наставников. Мне радостно, что я был с ними знаком. Всегда молюсь об их упокоении.

Свет старой усадьбы горит сквозь годы…

Рассказывает священник Евгений Мягков, настоятель Никольского храма села Березичи Козельского района

Для каждого священника его храм самый особенный

Знаете, для каждого священника его храм самый особенный. Для меня чудесность этого храма святителя Николая Чудотворца началась с приказа о моем назначении сюда. Этот приказ вышел 19 декабря 2008 года – в праздник великого святого. Святитель Николай Чудотворец как бы благословил меня на труды в своем храме, и я чувствую его благословение и его святую помощь.

Я тогда учился в Калужской духовной семинарии, еще год оставался до окончания, и я этот год ездил в Березичи из Калуги. В Калуге до этого служил в храме Иоанна Предтечи, а там народу всегда очень много. Поэтому, когда впервые сюда приехал, был, честно говоря, шокирован. Возвышается храм вдалеке от города и даже далековато от села – в чистом поле. Приехал в декабре: мороз, сугробы, грунтовая дорога, занесенная снегом. На службу пришли десять бабушек. Храм старинный, красивый, но полуразрушенный.

Шок при первом знакомстве

Шок – это то, что я испытал при первом знакомстве. Также очень переживал, как меня здесь примут. В храме до меня служили два опытных священника: отец Сергий Мишуков и отец Павел Морозов. Люди очень привыкают к своему батюшке и даже, бывает, уходят за ним в другой храм. А тут я – молодой, не слишком опытный, живущий за тридевять земель. Нужно церковь восстанавливать, а у меня ни денег, ни помощи…

Я понял, что храм во многом необычный

Я огляделся, поразмыслил. Понял, что храм во многом необычный. Во-первых, посмотрите, как тесно граничит он с миром природы. И этот мир природный так и норовит в нашу церковь забраться. Когда я приехал сюда восемь лет назад, со всех сторон к храму подступал борщевик. Огромный, просто

чудовищно огромный, этот борщевик врастал в стены, корнями под фундамент норовил пробраться. Когда-то его завезли из-за границы для здешнего колхоза-миллионера. Предполагалось, что пойдет он на корм коровушкам, но в первый же год многие доярки попали в больницу с ожогами.

Давно нет колхоза-миллионера, да и от коровьего стада почти ничего не осталось, а борщевик прижился, расползся по окрестностям, как отголосок советского прошлого. Прихожане косу мне подарили – откашиваем, не даем ему разгуляться. Даже косарь чуть в больницу не попал: ожог дыхательных путей.

На колокольне птицы гнезда вили – стрижи, ласточки. Птенцов семенами кормили; семена, не съеденные птенчиками, прорастали – вот и деревца появились на колокольне. Пришлось их с крыши удалять, кровлю местами восстанавливать.

Муравьи через храм дорожку прокладывают, птички как к себе домой залетают. Таракашки-букашки ползут. Мышки-полевки на зиму прибегают, пробки в бутылках грызут – за вином охотятся.

По нашему храму можно историю страны изучать

По нашему храму и его строителям-благотворителям можно историю страны изучать. В здешних местах жили Чичерины – представители старинного дворянского рода, среди них были даже родственники А. С. Пушкина. Позже сюда приехали князья Оболенские. Очень давно здесь стоял деревянный храм, а как давно – мы даже и не знаем. Не сохранились, к сожалению, сведения. Видимо, в XVIII веке. В 1845-м князь Александр Петрович Оболенский, герой войны 1812 года, на месте деревянного храма вот этот каменный поставил.

Семейство Оболенских очень много для этих мест сделало доброго. Стараниями Александра Петровича здесь были построены писчебумажная фабрика и сахарный завод, а в его прекрасное имение близ села Березичи на реке Жиздре за честь для себя почитали приехать видные государственные мужи, художники и писатели, выдающиеся полководцы… Лев Толстой с супругой приезжал. Николай Рубинштейн, пианист-виртуоз, основатель и первый директор Московской консерватории, гостил.

Оглядитесь по сторонам. Красотища! Обрывистый берег Жиздры, откуда открывается даль неизмеримая… А в усадьбе Оболенских как красиво было! Тенистая аллея из лип и лиственниц, величавый дом розового цвета с башенками, чудесный благоухающий розарий. Вокруг дома – экзотические

деревья в кадках: летом их выставляли из оранжереи. На месте усадьбы чего только потом не было: дом отдыха, госпиталь, детский дом, интернат…

Свет старой усадьбы горит сквозь годы…

И сейчас княжеский дом стоит. За ним никто не присматривает, а он все никак разрушаться не хочет – крепко был построен, для многих поколений… Все надеется дом на лучшую жизнь – ведь это памятник культуры нашей… Свет старой усадьбы пока еще горит сквозь годы…

Оболенские не бездельничали в своем райском уголке – принимали самое живое участие в жизни крестьян: помогали им скотинку приобрести, зерно для посева, крестьянских детей в школу устраивали.

Следующий князь Оболенский, Алексей Дмитриевич, основал Березичский стекольный завод с земской больницей и школой. Завод делал аптечную и парфюмерную посуду, а еще редкостные по красоте художественные изделия из стекла. Своих мастеров Оболенский в Италии обучал. Один из них, Михаил Бодунов, верный и преданный своим благодетелям, помог им в декабре 1917 года скрытно выехать из усадьбы и спастись от преследования красных. Так и оказались князья на чужбине.

А их завод остался. И храм поныне действует. Посмотрите, какой он огромный! Тысячу человек вместит запросто, а высота колокольни тридцать метров. Зачем такой большой храм среди полей и лесов возведен?! А ответ прост. Раньше население села больше было, и все как один в храм ходили. Вот они – вокруг покоятся, на здешнем кладбище – все, кто в этом храме крестился. Вся их жизнь была с церковью связана – от крещения, венчания, крещения детей и до отпевания.

У Начальника нашей жизни все рассчитано по секундам!

Последний князь Оболенский, Алексей Николаевич, уже в наше время дважды в год сюда из Америки приезжал. Тянуло его на родину. Тут его корни. И не просто приезжал, а всегда привозил подарки для местного интерната: мебель, одежду, спортивный инвентарь, сладости для воспитанников. Даже грузовую машину подарил.

Жизнь у Оболенских, скитальцев на чужой земле, была не из легких. Дядя Алексея Николаевича, князь Дмитрий Алексеевич (в Первую мировую – кавалерийский офицер), был замучен

фашистами в Дрездене. Сам Алексей Николаевич в годы Второй мировой оказался среди пленных, которых везли на поезде в лагерь смерти – Освенцим. Концлагерь был уже недалеко, но поезд попал под бомбежку – и все пленники разбежались. С тех пор Алексей Николаевич часто повторял: «У Начальника нашей жизни все рассчитано по секундам!» Он был глубоко верующим человеком.

Как-то директор стекольного завода предложил приехавшему в Березичи Оболенскому одну из икон, которые после закрытия храма и разгрома дворянской усадьбы разбирали все желающие:

– Купите у меня свою икону!

На что остроумный Оболенский ответил:

– Я свое не покупаю!

Князь мечтал быть похороненным на своей русской родине

Он мечтал быть похороненным здесь – среди своих предков, на своей русской родине. И Господь знал о его мечте и исполнил ее. В 2006 году князь приехал сюда в последний раз. Он был уже маститым восьмидесятисемилетним старцем, но пребывал в полном здравии. В день своих именин, 25 февраля, память святителя Алексия, митрополита Московского и всея России чудотворца, занедужил, слег, а утром в воскресенье упокоился. Был отпет в храме, тесно связанном с судьбами нескольких поколений его предков, и похоронен возле него.

Я хотел бы уйти бабьим летом…
Как листок, незаметный и тихий,
Отрывается с мокрых веток
И уносится сильным ветром.

Я хотел бы уйти бабьим летом,
Как от жизни уставшая птица,
В день, наполненный ярким светом,
С пожелтевшей травою слиться.

Все сказавший и все пропетый,
Одеялом земли согретый,
В деревенской церкви отпетый,
Я хотел бы уйти бабьим летом…

Это стихи оптинского игумена Тихона. Рядом Оптина –

отсюда видно – на другом берегу Жиздры белеет, за изгибами да протоками. Наш храм с оптинскими перекликается… Раньше колоколами перезванивались.

Как жил храм после революции

В 1931 году наш храм закрыли. Превратили его в МТС. Рядом колхоз-миллионер, и было очень удобно сюда комбайны загонять: своды-то вон какие высокие! Был здесь и склад химических удобрений.

Но разрушить храм не смогли – построен на совесть. Скажем, вот на полу плитка лежит. Она изготовлена в 1845 году. Когда храм закрыли, кое-кто из местных пытался этой плиткой поживиться, но она только кололась. Так прочно была соединена с цементом, что даже в костре не разделялась. Тогда эту затею бросили, и, как видите, плитка уцелела.

Стены храма хранят следы от пуль – боевые ранения Великой Отечественной. Напоминают о прошедшей войне…

Глаза страшатся, а руки делают

Когда я сюда только приехал, первое время унывал – такой огромный объем работ, а средств никаких… Ждал помощи, ждал, что появятся благодетели, но никакой помощи не было. Тогда я сказал себе: «Глаза страшатся, а руки делают». Пошел, купил банку краски, покрасил двери. Это была такая малость на фоне всего, что нужно было сделать… Господь учил терпению…

Но после этого помощь пошла: по саморезу, по гвоздику. Отделили полуразрушенный главный придел от того, где сейчас молимся, потому что зимой невозможно обогреть весь храм.

Я сам месил цемент, белил, красил. Помогает очень староста Александр Куреленок, он тут при храме с 2006 года. Он и электрик, и плотник, и сварщик, и пономарит, и на клиросе поет. Штукатур Женя помогает. Иногда прихожане приходят.

Мы с матушкой уговорились молиться каждую ночь, акафист читали святителю Николаю за наш храм. Ложились спать, будильник ставили на два часа ночи и вставали на акафист. Сейчас с двумя маленькими детьми матушка очень устает, я целый день в храме. Ночью нам стало тяжело вставать, так мы перенесли эту молитву на вечер. Прихожане молятся по соглашению. По четвергам служим молебен с акафистом святителю Николаю Чудотворцу.

Чувствуется, что помощь идет свыше…

И вот – чудо! С большими средствами любой может храм восстановить, а вот так, как мы, с малыми… Сейчас у нас работы выполнены на миллион, а я этих денег и в руках не держал, все по рублю собиралось. Чувствовалось, что помощь идет свыше… Вечером приуныл, а утром приходят: «Батюшка, вам доски нужны? А кирпич вам нужен?»

Священник Евгений Мягков у иконы святителя Николая

И мы всегда молились, помня слова Спасителя: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6, 33). Господь знает, в чем мы нуждаемся, прежде нашего прошения… Поначалу даже икон было совсем мало. Потом стали приходить и иконы, и церковная утварь, и даже старинное Евангелие. Когда храм закрывали, народ иконы разбирал, и кто-то в избе в передний угол ставил, а кто-то боялся гонений и опускал иконы в реку. И вот приходит ко мне человек:

– Батюшка, эти иконы моя бабушка в реке выловила.

Так вернулись в храм Казанская икона Пресвятой Богородицы, «Взыскание погибших», Трех святителей. Из Москвы приехал гость, сам родом отсюда:

– Вот вам, батюшка, лампадка. Она из вашего храма.

И правда, старинная лампадка, сейчас таких не делают.

Из Калуги приехал мужчина:

– Это Евангелие из вашего храма.

Еще меня всегда огорчает дорога к нам, точнее, ее отсутствие. Полевая дорожка весной и осенью становится

непроходимой, машины могут застрять, поэтому и люди часто не едут. И вот Господь послал нам человека. Он приходит и говорит:

– Я вам привезу щебень, песок, старый асфальт – дешево и в долг.

Вот так потихоньку мы и восстанавливаем наш любимый храм святителя Николая Чудотворца.

В краях Евфросинии неведомой

Рассказывает отец Андрей Демин, священник Казанской женской обители села Колюпанова Алексинского района Тульской области

Господь призвал – и душа ответила на призыв

На месте нашего монастыря когда-то был обычный сельский приходской храм. Тут подвизалась блаженная Евфросиния Колюпановская, которая и предсказала основание монастыря. Она прожила долгую жизнь – девяносто семь лет (1758–1855), большую часть жизни юродствовала.

Много блаженных было на Руси. Почему они избирали такой трудный подвиг? Почему княжна Евдокия из именитой семьи Вяземских, окончившая Смольный институт и пожалованная во фрейлины Екатерины II, решила вдруг полностью изменить свою жизнь? Оставить пышные наряды и вкусные яства, комфорт и увеселения и стать нищей бездомной скиталицей? Сие – тайна между блаженной и Господом. Он призвал – и ее душа ответила на призыв. Видимо, жить во дворце и подвизаться, танцевать на балах и после них молиться представлялось ей невозможным.

Изящными руками придворной дамы блаженная доила коров на монастырском скотном дворе. Вместо сладкой музыки – чтение Псалтири. Вместо изысканных блюд – кусок хлеба: единственное, что она брала из монастырской трапезной. Вместо нарядных платьев и украшений – вериги (под одеждой она носила железную цепь с большим медным крестом). Всегда ходила босиком, даже зимой.

Бывшая княжна Вяземская теперь «дура Евфросинья»

Жизнь – молитва. Душа и Бог. Молитвенный подвиг надежно прикрывался смирением юродства, бывшая княжна Вяземская теперь «дура Евфросинья». Под этим вымышленным именем отрекомендовал ее митрополит Платон (Левшин) в сопроводительном письме игумении Серпуховского Владычного Введенского монастыря.

Юродствуя, держала прямо в келье кошек и собак: Милку, Розку, Барбоску, выпроваживая их на улицу только в день

Причастия. Из рук кормила огромного ворона. От животных в келье стоял тяжелый запах. Когда блаженную спросили, как она это терпит, ответила: «Это мне заменяет духи, которых так много я употребляла при дворе».

Как-то озорники кинули блаженной в окно пучок зажженной соломы. Она тушила пожар и получила сильные ожоги. Лежала больная, не в силах подняться с убогой постели. И тогда ворон спас жизнь хозяйке, принося ей в клюве ягоды и крошки пищи.

Священник Андрей Демин и О. Л. Рожнева

Жила в монастырях, испытала гонения – не всегда подвиг блаженных понятен окружающим. В село Колюпаново Евфросиния переселилась по приглашению одной из своих почитательниц – помещицы Натальи Алексеевны Протопоповой – и прожила в нем последние десять лет своей жизни.

Все окрестности Алексинского уезда помнят святые молитвы блаженной. Особенно много она молилась в безлюдном овраге рядом с Колюпаново, где собственными руками выкопала колодец и умоляла Господа благословить его воду даром исцеления душ и телес страждущих.

Тело блаженной погребли под полом трапезной деревянной Казанской церкви. Над могилой поставили гробницу с чугунной надгробной плитой. На плите по благословению митрополита Филарета (Дроздова) были выбиты слова: «Евфросиния неведомая. Буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит».

Мощи блаженной Евфросинии сейчас почивают в храме, а паломники, поклонившись блаженной, обычно купаются в святом источнике, где и по сей день совершаются многочисленные исцеления.

Я же сам сюда приехал – это меня и спасает

До меня в этом отдаленном сельском монастыре постоянного священника не было. А вот я служу здесь уже одиннадцать лет.

Сам сюда приехал – это меня и спасает. И еще: рукоположили-то меня в диаконы на блаженную Евфросинию. А в иереи – на Казанскую. Вот и служу. С 1807 года и до революции здесь служили всего четыре священника. Думаю, это правильно. Была такая традиция: где рукоположили – там и помереть должен. Самый первый батюшка, отец Павел Просперов, духовник блаженной, служил здесь сорок пять лет. Ему мать Евфросиния ключ от своих вериг отдала перед смертью.

Когда я только пришел в храм, все иконы благоухали

Когда ты новоначальный – Господь очень близок. Все желания исполняет. Помню, только начинал в храм ходить, стою и мечтаю: вот бы в алтарь заглянуть. Выходит диакон и просит меня записки в алтаре почитать.

Еще вспоминается: когда я только пришел в храм – все иконы благоухали. Я даже и не удивлялся – думал, что так и должно быть. Как иначе? Наверняка свечницы их натирают какой-то ароматной мазью. Один раз специально подождал, пока протрут, – и сразу нюхать. А от стекла – запах тряпки прелой.

Только тогда понял, что не в мази ароматной дело…

Так вот, когда я был новоначальным, жил в Москве. Окончил вуз, работал в фирме, работал администратором на телевидении. А потом вся мирская суета осталась позади. И случилось это благодаря двум людям, которые оказали на меня самое большое влияние. Это архимандрит Даниил (Сарычев) и старица схимонахиня Феодосия (Косоротихина).

Зима, пурга, ветер, а свечка горит, не гаснет

Архимандрит Даниил был человеком удивительным. Прожил почти сто лет. В юности был иподиаконом у патриарха Тихона, а в старости принимал участие в обретении его мощей. Все эпохи соединил. По его молитвам многие находили себя в жизни, исцелялись от болезней… Уже став священником, я поехал как-то к нему на могилку. Хотел панихиду послужить. Спички забыл. Думаю: как буду кадило разжигать? Зима, пурга, ветер. Подхожу к могиле – все заметено снегом. И свечка горит. Кто ее мог зажечь? Следов никаких нет. И ветер эту свечу не задувает. Разжег кадило, отслужил панихиду… Такое чудо на могилке у старца.

Схимонахиня Феодосия жила в поселке Октябрьском, рядом с городом Скопин. Из-за производственной травмы она впала в кому и пробыла в таком состоянии двадцать лет. Выйдя из комы, жила только молитвой и стяжала многочисленные дары. К ней многие ездили за советом, даже епископы. Всегда вспоминаю ее с теплотой. Она благословила мне поехать из Москвы в Тулу учиться в духовной семинарии.

Нужно просто делать свое дело, а Господь даст силы

Самое трудное для меня в служении – борьба с самим собой. Царство Божие нудится. Искушений везде много. Я дважды хотел уйти из женского монастыря. Первый раз плечо выбил, второй – руку сломал. Больше попыток не допускаю. Нужно просто делать свое дело, а Господь даст силы. Если сам себя трясти не будешь – Господь это сделает! У кого-то ноги болят, у меня вот спина болит – слава Богу!

«Что за чудеса у вас творятся?!»

Здешний источник славится многочисленными исцелениями… Я еще не был рукоположен, книжки в храме продавал. Приехали люди с больной девушкой. Зима, на инвалидной коляске не проедешь, и родственники внесли ее в

храм на стульчике. Она до восемнадцати лет ходить не могла. Помолились, ушли на источник, унесли больную на стуле. Я стою с книжками. Через некоторое время вся родня вбегает в притвор, начинают по храму бегать и кричать: «Что нам сделать?! Что мы должны теперь для монастыря сделать?!» А следом девушка в храм заходит. На своих ногах.

Был еще такой случай. У женщины опухоль мозга. Неоперабельная. Ей врачи давали жизни не больше двух месяцев. Приехали, помолились, в источнике искупались. Она даже не смогла погрузиться полностью по своей болезни – умылась только. Назад поехали – машина перевернулась. Как оказалось позднее, это было промыслительно. Все живы-здоровы, ни у кого никаких ушибов особенных, а больная ударилась сильно головой. Гематома. Испугались, тут же повезли ее в больницу, сделали снимок, а она здорова. Никакой опухоли нет. Врачи эти к нам тут же приехали: «Что за чудеса у вас творятся?!»

Святая блаженная мати Евфросиние, моли Бога о нас!

Господь знает, как Своих спасти

Рассказывает монахиня Лидия (Державина), вдова протоиерея Иоанна Державина, мать одиннадцати детей. Все ее дети связали свою жизнь с Церковью: трое сыновей – священники, все дочери – матушки

Война послужила очищением для народа

Войну Господь дал, чтобы люди вернулись к Богу. И на самом деле оно так и произошло. Когда началась война, Сталин вспомнил, что народ силен именно в вере, и обратился к народу «братья и сестры», как раньше, а не «товарищи», как было принято у коммунистов.

Война послужила очищением для народа. Конечно, потери большие были, но все-таки Господь даровал нам победу. Потому что война началась в день памяти всех русских святых, а русских святых у нас к тому времени было уже очень, очень много, хотя многих еще не прославили. Ведь сколько новомучеников было до войны! И они не оставили молитвами свою Родину, молились за нее. Они молились на небе, а тут на земле стали открываться храмы, и они были наполнены людьми. Все молились о победе. Церковь сыграла большую роль в объединении народа и вдохновлении его на молитву о победе.

Могли расстрелять прямо на месте, но Господь хранил

Победу-то одержали, но все равно продолжались гонения на Церковь, особенно при Хрущеве в шестидесятые годы. Например, храм, где нас крестили, где я венчалась, при Хрущеве разобрали на дрова, сожгли, фундамент один остался. Очень сильная была богоборческая кампания.

Многим священникам предлагали отречься. И к моему мужу тоже приезжал из Самары кагэбэшник, он на уазике был, а у моего мужа, отца Иоанна, – мотоцикл. Это было, когда мы служили в Ташле. Он сказал отцу Иоанну: «Следуй за мной», – и поехали они в лес. Мой муж, так как сам служил в органах МВД (проходил срочную службу), хорошо знал политику советского правительства. Он понял, что его зовут туда не просто так.

Там отцу Иоанну сотрудник КГБ стал предлагать оставить сан. Говорил, что он человек эрудированный, может институт окончить, может быть на руководящей должности, что проповеди говорить умеет, способности у него такие большие. Отец Иоанн, конечно, отказался. Он потом рассказывал, что не был уверен, что вернется домой из этого леса, – тогда могли расстрелять прямо на месте, но Господь хранил.

Протоиерей Иоанн Державин и матушка Лидия с детьми

Были священники, очень мало, конечно, таких, но были единицы, которые отказывались от сана. Такую кампанию проводили, чтобы соблазнить тем самым верующих, сказать: вот, смотрите, и священники отказываются от сана. Говорят, что они обманывали, но люди верующие не поддавались – это действовало только на маловерных. Господь же сказал, что Церковь «не одолеют врата адовы», а богоборческие кампании всю историю ведутся, с первых веков до нынешнего дня.

Все равно в сердце люди веровали

В Ленинграде после войны очень трудно жили люди, были очереди за сахаром, мукой, в 1946-м, 1948-м, 1950-м. Жили тогда в коммунальных квартирах. Так вот, политика государства была такова – одному соседу говорили: ты следи вон за тем соседом, он что-то ненадежный, мало ли что скажет, все нам докладывай. «Ненадежному» говорили: следи за тем (которому сказали

следить), говоря подобные же обвинения в его адрес.

Было развито доносительство и шпионство друг за другом, поэтому даже в очереди боялись что-либо сказать, шепотом все говорили. Или во сне что-то про Сталина плохое приснилось, и, если это доносилось до властей, могли посадить. Люди знали это, поэтому боялись и говорить.

Но в сердце людей вера была, веру русский народ сохранил, как говорили: белые платочки спасли Церковь. Мужчины боялись церковный порог переступить, потому что была слежка; если крестился сам или крестил детей, могли уволить с работы или выгнать из партии. Люди крестились по ночам, приезжали к священнику домой и крестились. У нас был знакомый священник, который крестил детей секретаря обкома партии. Все равно в сердце люди веровали, но не все решались на исповедование своей веры.

Как праздновали церковные праздники при советской власти

Яйца красили дома все. В основном все. Куличи пекли. В Питере, например, в магазинах продавали кексы «Весенние» – куличи, только с другим названием. На Пасху молодежь не пускали в храм, кордоны комсомольцев ставили и не пускали.

Монахиня Лидия (Державина)

Когда нужно было провести выборы, советское руководство

устраивало их или на первой неделе Великого поста, в Неделю Торжества Православия, или на Троицу.

Однажды выборы случились на Троицу. Моего мужа вызвали в сельский совет и говорят:

– Вы на Троицу не служите.

– Почему?

– Потому что выборы, иначе народ весь в церковь пойдет, на выборы не пойдут.

– Я не могу не служить, потому что я присягу давал служить, я обязан служить.

– А вот не служите.

– Ну, если вы мне напишете письменное указание о том, что вы запрещаете мне служить на Троицу, я тогда не буду служить, поеду с вашим документом в Москву к уполномоченному Куроедову.

– Мы не можем такое указание написать.

– Тогда и я не могу не служить.

– Ну, вы тогда к шести утра закончите службу.

А отец Иоанн не боялся их совсем, говорит им: «Его высокопреподобие изволит вставать только в восемь часов утра».

В общем, ничего они не добились.

Коровы в Церковь не ходят

В советское время были большие налоги у Церкви, по-моему, даже до восьмидесяти процентов. Конечно, многие сельские священнослужители держали скотину, особенно те, у кого семьи большие. Но при советской власти много скотины и нельзя было держать. После войны было время, когда брали налоги молоком, маслом, яйцами. Всю скотину переписывали и потом брали в соответствии с тем, сколько у тебя скотины. Вот так и отучили от труда, сейчас можно сколько хочешь скота держать, но уже никто и не хочет… Хотя сейчас особенно важно все свое в пищу употреблять, химии много…

Однажды, когда в селе началась болезнь скота, ящур, были приняты меры по ограничению распространения болезни, карантин. Это коснулось и Церкви. Правящий архиерей под давлением властей запретил священникам давать прихожанам целовать крест, запретил причащать из одной лжицы верующих, было предписано также запретить целовать иконы – чтобы не разносился ящур.

Протоиерей Иоанн получил это распоряжение и сжег его в печке и как служил, так и служил. Говорит: коровы в Церковь не ходят.

Владыка потом приехал к нему и спросил:
– Как ты мое указание выполнил?
– Да я его в печку бросил.
– Правильно сделал.
В общем, сложные были времена, очень сложные…

Как за ночь дежурства милиционер поседел

Приехали мы в 1959 году в Самару, до того в Самаре «стояние Зои» было. Это же явное чудо, оно укрепило веру людей, а власти запрещали даже говорить об этом чуде. У нас в деревне бабушка жила, у нее племянник в милиции тогда работал, и его послали охранять этот дом. Его, конечно, спрашивали об этом, но он дал подписку о неразглашении, с них со всех требовали. Перед матерью он снял фуражку и сказал: вот, смотри, что со мной за ночь дежурства стало. За ночь он поседел.

Семьдесят лет пропаганды безбожия стерли ориентиры

После празднования 1000-летия Крещения Руси стало постепенно происходить возвращение к вере. Люди пошли в храм, даже члены правительства стали посещать пасхальные и рождественские богослужения. Но, конечно, семьдесят лет пропаганды безбожия стерли ориентиры, люди не знали, на что равняться, до того им обещали и обещали светлое будущее, коммунизм. Получилась пустота, молодежи стало трудно найти ориентиры. По сути, до сих пор эта проблема существует. Сейчас еще появились и распространились всякие секты со своими лекциями, экстрасенсы, колдуны, и поэтому люди, конечно, очень многие абсолютно дезориентированы.

У Достоевского есть такая мысль: если Бога нет, то делай все что хочешь. Но в СССР нравственность была. Например, могли выгнать из партии за измену жене и женитьбу на другой. А сейчас такого нет.

Я всегда говорила, что нашим детям было легче, они точно знали: вот это Церковь, а вот это коммунизм, то есть безбожие. А сейчас все перемешали – и добро и зло, границы все стираются в сознании: что грешно, а что нет, что было плохим, сейчас считают хорошим. Сейчас очень сложно…

Господь знает, как Своих спасти

У многих современных русских людей среди их

родственников есть священномученики, которые пострадали за веру. Бывает, человек вырос в безбожной семье, но Господь как-то обратил, и вот человек верующим стал, а потом оказывается, у него в роду есть священномученик. Церковь земная и небесная молитвенно связаны.

Матушка Лидия у могилы мужа, протоиерея Иоанна Державина

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) говорил: «Ничего не бойтесь, кроме греха, а Господь знает, как Своих спасти».

Рядом всегда есть Господь, Который помогает

Рассказывает клирик храма Архистратига Божия Михаила города Воркуты священник Вадим Маринич, капитан СОБРа в отставке, ветеран двух чеченских войн

С самого раннего детства моя бабушка начала водить меня в храм

Я родился на Украине, в районном центре недалеко от Одессы. Жил там лет до шести, после чего мы с родителями переехали в Воркуту, где я и живу до сих пор.

С самого раннего детства моя бабушка начала водить меня в храм. Это даже был не храм, а часовня на кладбище. Потому что все большие соборы в то время гонений были закрыты, и священству, и простым мирянам – всем, кто верил в Господа нашего Иисуса Христа, – было тяжело выживать.

Это заслуга моей бабушки – она меня приучила молиться, не стесняться перекреститься там, где тебе подсказывает сердце. Я видел, как она творила молитвы утром и вечером возле икон. Они и сейчас находятся у меня дома, а самой бабушки уже давно с нами нет. Я очень ярко запомнил день, когда бабушка отвела меня в храм, где я исповедался и впервые причастился.

Священник Вадим Маринич

Ни одного храма в городе не было

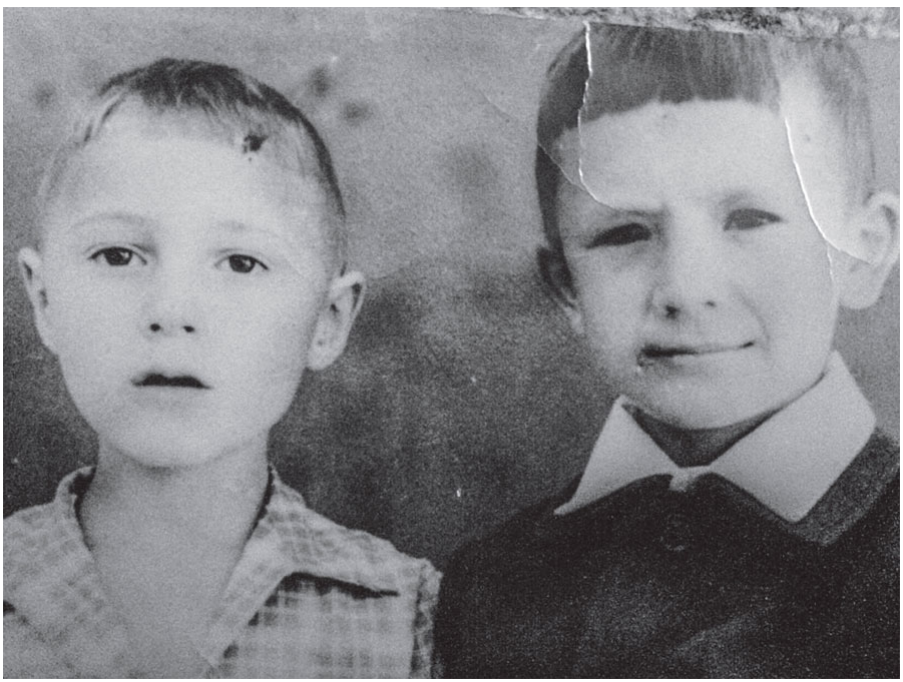
Когда мы переехали в Воркуту, то здесь возникли с этим небольшие трудности, потому что ни одного храма в городе не было. Поэтому мой учебный год проходил по-другому. Не могу сказать, что я прямо молился все время. Но я по-своему, как мог… о Господе думал.

Летом, когда мы приезжали в отпуск к бабушке, мы с ней по обыкновению ходили в тот же самый храм. Было очень здорово, когда мы попадали на Пасху! Я помню, как учителя записывали, кто посещал храм в праздники, как ходили комсомольские патрули, как все это жестко было.

Как без Николая Чудотворца в море ходить?!

В то время, я помню, храм был полон людей! Я садился рядом с бабушкой на солее, потому что не хватало места, и там сидел всю службу. А сегодня вроде все нормально: и гонений нет, и храмы стоят. Приходи да молись, но людей гораздо меньше. В то время люди боялись в храм ходить, за это можно было и по шапке получить.

У меня дядька был коммунист, когда его дочку крестили, он даже в храм не заходил, на улице ждал. Хотя сам был моряк, очень верующий человек. Как это вообще: в море без Господа ходить?! Как без Николая Чудотворца в море ходить?! У всех были иконы Николая Чудотворца. То есть приходилось жить такой двойной жизнью в то время. А сейчас все дозволено, но никого нет. Детей нет, молодежи мало. Кто будет за нас молиться, когда мы уйдем?



Друзья Василий Чайкун и Вадим Маринич (справа)

Мы жили в этой реальности, и она на нас неизбежно влияла

Не могу сказать, что у меня в то время вера была как-то ярко выражена. Я обычным образом общался со сверстниками. Мы гуляли, шутили, дрались, даже, бывало, курили в пятом-шестом классах. Вот сектанты рядом с нами жили, штундисты, у них строго было. Они отказывались, когда их приглашали в пионерию

или в комсомол, жили довольно обособленно. Меня удивлял их образ жизни.

Так они и жили, в отличие от меня, для которого Павка Корчагин был авторитетом в молодости. Я уже потом узнал, что это был воинствующий безбожник. Меня вдохновляли его самоотверженность и самоотдача. У нас тогда у всех мозги были сильно забиты коммунизмом. Или даже не коммунизмом, а социализмом. Мы жили в этой реальности, и она на нас неизбежно влияла. К примеру, из класса я был первым, кто вступил в комсомол, но это не мешало мне ходить вместе с бабушкой в храм, когда я к ней приезжал.

Все это шло параллельно одно с другим. Не могу объяснить, почему так происходило. Не могу сказать, что я был до фанатизма комсомольцем. Мне просто нравилось, что надо всего себя отдавать Родине, как Павка Корчагин, работать для людей, стараться что-то доброе сделать. Вот это меня больше всего привлекало. Я и в армии так старался жить.

Защитник Отечества – это всегда для меня было священно

У меня в семье были и военные, и моряки, и гражданские моряки. Защитник Отечества – это всегда для меня было священно. Я даже поначалу хотел связать свою жизнь именно с флотом. Три раза поступал в мореходку в Одессе. После армии у меня все же получилось поступить в высшую мореходку, но некоторые обстоятельства подвигли меня бросить ее через неделю. Так моя морская карьера закончилась, но я не мыслил своей жизни без погон. В скором времени, женившись, я поступил в милицию.

Меня так поразили эти непонятные церковнославянские буквы!

Библию или какую-нибудь духовную литературу в те годы нигде нельзя было достать. Я помню, как у соседей, у этих же сектантов, брал Ветхий и Новый Завет, читал немного, но далеко не смог уйти. Как-то раз я помогал своей православной соседке по дому, она уже старенькая была, и увидел у нее древнюю красивую Псалтирь, когда она ее читала. Меня тогда так поразили эти интересные, тогда еще непонятные церковнославянские буквы! Мне это очень понравилось, зацепило. Так что какой-то духовной литературы было не достать. Все познавалось из разговоров с дедушкой и бабушкой.

О чудесных случаях проявления Промысла Божия в моей жизни

У меня вся жизнь из чудесных случаев проявления Промысла Божия состоит! Вся моя жизнь – экстрим. Все потому, что у меня в жизни были две чеченские кампании. Постоянные выезды на спецоперации и прочее. Подрыв у меня был в Грозном, где меня контузило. Это меня очень отрезвило – я понял, что есть жизнь, смерть и все остальное.

И только благодаря Господу я сейчас живу. Только Он мог все таким образом управить. Видимо, я Ему нужен для чего-то… Возможно, для того, чтобы я смог стать священником два года назад и стоять у престола, хотя я понимаю, что, может быть, недостоин этого.

В окопах атеистов нет

Перед тем как поехать в Чечню, я уже достаточное время отработал в милиции. Когда началась война, прямо под Новый год смотрел репортажи и думал: туда мой товарищ поехал из ОМОНа, а я здесь сижу. Я уже мог уйти на пенсию, но сказал себе, что должен служить там, в спецотряде быстрого реагирования, в отделе по борьбе с организованной преступностью.

Начал учиться всему, что требовалось. Есть специальный перечень нормативов, которые должен выполнять офицер спецназа: это и спортзал, и рукопашный бой, и стрельба. Я все эти нормативы сдал. Так и получилось, что из простого милиционера я превратился в офицера СОБРа.

Потом, когда уже приехал в Чечню и начал понимать, что это такое, мне стало не по себе. Вот вроде шел, шел к этому, а когда дошел, то представление обо всем поменялось. Для меня это был шок: а смогу ли я, а справлюсь ли? Ну и с другой стороны, конечно, семья – я оставил дома и жену и сына.

Вадим Маринич – капитан СОБРа, участник двух чеченских войн

Говорят, что в окопах атеистов нет. Да, это действительно так. Тех людей, с которыми я ездил в Чечню из Воркуты, я все время водил в храм, даже когда уже был офицером СОБРа. Никогда никто не отказывался, вообще никогда никаких проблем с этим не было. Все относились с пониманием, осознавали, что все мы смертны. Всем нам было страшно, что нас вот-вот не станет, и это заставляло как-то по-другому оценивать жизнь.

Патриотизм и вера

У меня есть опыт воспитания детей, и не только семейный. Уже после выхода на пенсию я занимался воспитанием нашего воркутинского казачества. У меня было около пятидесяти человек молодежи. Мы ходили с ними в спортзал, в православный храм, потихоньку изучали Евангелие и историю казачества. Со временем, когда уже стал священником, я понял: очень важно для молодежи, чтобы был человек, за которым они могли бы пойти.

Многие из них уже имеют свои семьи, строят свою жизнь, но все равно они мне звонят, навещают. Это очень хорошо и здорово! Молодым необходимо патриотическое и особенно религиозное воспитание. Это две вещи, которые по отдельности не могут существовать. Патриотизм и вера – это все наше! Православие –

это наши предки, наши деды и прадеды. Это самое главное, чем мы можем гордиться.

Любовь, уважение и терпение

Во взаимоотношениях мужа и жены должна быть любовь. Даже если это чувство в какие-то моменты оскудевает, надо его подогревать друг в друге. Надо с уважением друг к другу относиться и воспитывать в себе терпение. Мало ли что тебе может не понравиться в другом человеке, ты должен его любить таким, какой он есть, а не искать себе каждый день новых партнеров. Я прожил со своей женой тридцать лет. Возникало много разных трудностей, можно было уже сто раз разойтись, разбежаться, как это сейчас все так легко делают, но любовь, уважение и терпение, и только они, не давали нам сделать этого. Я имею право об этом говорить, потому что у меня есть жизненный опыт. Не так давно жена ушла от нас…

Храм Архистратига Божия Михаила, где служит отец Вадим. Воркута

Узнал, что рядом всегда есть Господь

Что самое главное я смог вынести из своей жизни? Какой урок? Даже не знаю… Пятьдесят лет прожил, а как будто только школу окончил. Я недавно виделся с одноклассниками и почувствовал, что все эти тридцать лет просто стерлись из моей

жизни, как будто бы их не было. И у меня такое сейчас чувство, что я только что окончил школу, у меня целая жизнь впереди и еще очень многое можно сделать. Может быть, итог подводить еще рано, может быть, все самое важное еще впереди.

Самым важным этапом в жизни для меня стала, конечно же, война. Я бы поставил его во главу угла, что называется. Если бы я всего этого не прожил, то не стал бы тем, кем являюсь сейчас. Я начал ценить жизнь, ценить людей, как они есть, верить… Узнал, что рядом всегда есть Господь, Который помогает и к Которому можно и нужно обращаться за помощью.

А что будет дальше? Может быть, еще настанут те времена, когда я смогу сделать еще больше. Я не знаю. Вся моя жизнь состоит из крайностей. Я спокойно не живу, у меня так не получается. Видимо, это Господь сподобляет меня принимать такие кардинальные решения, что-то менять в одну секунду… Жизнь такая вещь – мы думаем, что мы что-то сделали, а, оказывается, нет.

Господь сохраняет всех нас!

Рассказывает монахиня Амвросия (в миру Раиса Сергеевна Горбунова), насельница подворья Пюхтицкого монастыря в Москве, ранее многие годы трудившаяся в Сретенском монастыре

С Богом все вырастут!

В тридцатые годы мои родители приехали из Тамбовской губернии в Москву строить метро. За Преображенкой через Черкизово был метрогородок, там построили двухэтажные дома, где жили метростроевцы. У моих родителей, Сергия и Анны, родилось девять детей, трое умерли. Я была в семье самой младшей.

Началась война, в 1942 году отца забрали на фронт, мама осталась одна с шестью детьми. За полгода она получила от отца только одно письмо, а потом пришла похоронка.

Жили мы очень бедно и постоянно хотели есть. Я ходила в детсад до восьми лет, так как там кормили бесплатно. Мама порой ставила нас на колени, и мы все просили Бога и святителя Николая Чудотворца о помощи. Очень хорошо помню, как через некоторое время после нашей молитвы раздался стук в дверь: «Нюра (так звали соседи маму), вот очистки от картошки». Мама тут же их, конечно, сварила, и мы с рыбьим жиром ели и благодарили Бога и святителя Николая.

Мама была строгая и благочестивая. Многие ей говорили: «Отдала бы двух малышей в детдом, все легче будет». Но она отвечала: «С Богом все вырастут!»

Мама ходила в церковь и нас приучала

Пришло время, и я пошла в школу. Школьная форма досталась мне от старших сестер, она была мне велика и вся в заплатках. Я росла робкой девочкой и очень стеснялась своей одежды. Меня все избегали и говорили, что я глупая, темная и отсталая, потому что в нашей семье мама ходила в церковь и нас приучала. Но все же как праздник какой церковный, так к маме всегда шли женщины из нашего дома и просили ее тайно подать записки – все боялись за своих мужей.

Паломничество в монастыри

Мама часто ездила в Троице-Сергиеву лавру. У нас дома нередко бывали странники, особенно из Почаева. У мамы имелся бесплатный железнодорожный билет от Метростроя, и она ездила туда каждый свой отпуск и нас возила, особенно меня.

В Почаевской лавре было очень много нищих, раненых и тех, кто после войны остался без крова над головой. Мне в монастыре нравилось – там никто не смеялся надо мной. Всех мне было жалко.

Мария бежала с двумя детьми от немцев, а они стреляли

Там была одна женщина, ее звали Марией (она была еще молодая, но мне казалась в возрасте), у нее щека была прострелена, из-за этого она плохо говорила. Так я ее полюбила, что понимала ее речь. Она рассказывала, как бежала с двумя детьми от немцев, а они стреляли и у нее на руках убили младенца, а другого мальчика она вела за руку. Когда выстрелом ей попали в ногу, она упала, а потом пришла в себя и увидела, что младенцы ее убиты. Ее увезли в госпиталь. Вскоре погиб и ее муж. Вся ее деревня сгорела. Так она, одинокая, жила в Почаеве на лестнице – там таких было много.

Мы с ней побирались и набрали на дорогу до Москвы. Так мы с мамой привезли Марию к нам. Она нас выручала: когда нечего было есть, мы с ней шли к булочной и просили довески от хлеба (тогда хлеб резали и взвешивали). Она была в фуфайке с ремнем, в сапогах – так ходили военные вдовы. Старшие сестры стеснялись побираться, а я смирялась – есть-то хочется! Многие одноклассники обзывали меня побирушкой.

Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) за проповедью в московском храме Преображения Господня

Ну ладно, дочка, ведь за Христа пострадала!

В большие церковные праздники в церковь заходили дружинники с красными повязками на рукавах и, увидев в храме школьника, записывали, в какой школе и в каком классе он учится. И меня записали. После этого на линейке в актовом зале меня ставили посреди зала и стыдили, что я хожу в церковь. Мама вздохнет и скажет на это: «Ну ладно, дочка, ведь за Христа пострадала!»

Меня ни в пионеры, ни в комсомол не принимали за плохое поведение и за церковь: говорили мне, что я недостойна такого звания.

Как ночью взорвали храм

Хорошо помню времена безбожника Хрущева, что он начал творить. У нас на Преображенке был храм Преображения Господня, где часто служил и произносил проповеди митрополит Николай (Ярушевич). Я в церковь не ходила, а мама и многие прихожане дежурили по очереди и не давали взрывать храм. Так

они дежурили три месяца, но все же их обманули: показали документ с печатью, что храм взрывать не будут, а ночью взорвали.

Вот и монашка наша пришла

К нам часто приезжали монахини из Сибири, из города Омска, их монастырь закрыли и всех насельниц разогнали. В нашем доме для них всегда дверь была открыта, спали они на полу.

Мне было уже четырнадцать лет, когда жила у нас монахиня Степанида (я ее звала тетя Стеша, Царствие ей Небесное!). Я приду из школы, а она говорит: «Вот и монашка наша пришла». – «Еще чего придумали!» – возмущалась я, бросала портфель и убегала на улицу. А мама горевала: «Да какая там монашка, это горе мое, крест мой, только и вызывают в школу за плохие поведение и учебу!»

Надо мной все смеются, все отталкивают

Так я прожила голодное и холодное время до шестнадцати лет. Мне нужно было идти в восьмой класс, но это стоило двести рублей в год – по тем временам очень дорого для нас с мамой, и я пошла работать.

Почувствовав себя взрослой девушкой, я сняла с себя крестик и сказала: «Мама, я больше не могу, надо мной все смеются, все отталкивают. А я хочу быть со всеми». Мать со слезами взяла крестик и горько заплакала.

Там обойдутся без тебя!

Почувствовав себя взрослой, я решила поехать по комсомольской путевке на строительство железной дороги Абакан – Тайшет. Тогда много молодежи туда ехало. Комсомолкой я не была, но комсомольского билета никто не спрашивал, надо было больше молодежи. Мама плачет и говорит: «Ну куда тебя все несет?» – «А я патриотка, Родине надо помогать». Да еще и из дома хотелось уехать и почувствовать себя взрослой, самостоятельной. Пришло время забирать комсомольскую путевку, и там вместе с путевкой обычно давали билет на поезд…

Я отправилась в комитет комсомола, и, когда вошла в кабинет, за столом вдалеке сидел референт, он любезно попросил меня подойти ближе, предложил сесть и стал смотреть мои

справки. Затем спросил: «А ты комсомолка?» – «Нет», – испуганно ответила я. Меня душили слезы. «А хочешь ехать по комсомольской путевке?» – «Да». – «Ну-ну», – сказал он и все чего-то пишет. Затем спрашивает: «Знаешь, где станция метро “Сокол”»? – «Да», – удивленно ответила я. «Так вот, завтра поедешь туда, а потом на трамвае до Коптевского рынка, там найдешь строительство дома и начальника». И дает комсомольскую путевку. Я в недоумении: «А как же Абакан?» – «Там обойдутся без тебя!» И пожал мне руку.

Я вышла и не могу понять, почему меня задержали. Что будет дальше?

Дома ни с кем не разговаривала, сразу легла спать, а наутро поехала на эту стройку. Там меня встретил прораб и поставил работать кладовщицей, я выдавала инструмент и прочее.

Вот тебе на память

Проработала там два года по договору. Когда мне дали отпуск, я поехала в Почаев. Там мне очень нравилось. Жила у маминых знакомых, ходила в храм, но искренне молиться еще не умела. Просто нравился красивый храм, хорошо поют, все добрые, по средам читали акафист Матери Божией. Было много батюшек и семинаристов, они читали по очереди, а хор пел. Я любовалась ими.

Однажды семинарист подарил мне большой красный цветок, пион: «Вот тебе на память». Он сохранился у мамы, и уже в 1980 году, когда мама умерла, старшая сестра дала мне большой конверт. Когда я его открыла, почувствовала приятный запах – это был тот самый пион.

Мама эту парчу отправляла на облачения священникам

Я пошла учиться в техникум и работать в столовую, но все мечтала куда-то поехать. Потом вышла замуж. Сбылась моя мечта – мужа послали на два года в командировку в Турцию. Там все покупали парчу, она была дешевой. В Москве в комиссионке ее прилично оценивали, так я, если удавалось, посылала ее маме, чтобы она продала и могла себе что-то купить, те же продукты, ведь пенсия была мизерная. Как я потом узнала, мама эту парчу отвозила в Троице-Сергиеву лавру и отправляла в Почаев на облачения священникам.

Я была в шоке – церковь показали по телевидению!

Пришел 1990 год. Настала «новая эра» моей жизни – все изменилось в ней. Как и многие другие, я увидела по телевизору службу из Троице-Сергиевой лавры. Я была в шоке – церковь показали по телевидению! Это невероятно!

Из нашего окна была видна церковь, в большие праздники я видела крестные ходы, но это не трогало моего сердца.

Так я осталась одна

На работе начальник сказал: «До апреля доработаете, и несколько человек из вас сократят». Так и получилось. Беда не приходит одна: деньги, отложенные в сберкассе на трудные дни, заморозили; муж решил меня бросить. Так я осталась одна. По вечерам дома тоска, плачу. Звоню сестре: «Что делать?» Она говорит: «Иди в церковь!» А я ей выдала: «Ничем не можете помочь, так в церковь предлагаете идти!» – «Ну, как хочешь». Сестра тогда была на пенсии и работала в Елоховском храме, в просфорне, во славу Божию.

Но шли дни, и как-то вечером я все же отправилась в церковь. Там что-то пели, народу было мало. Я стою, скучаю и плачу от обиды. Подходит ко мне женщина и говорит: «Ты что, на танцплощадку пришла? Чего притоптываешь?» Я ушла, сказав ей: «У вас здесь все злые!»

Образ святителя Николая – родной с детства

Однажды вечером я все-таки снова пошла в церковь, спрашиваю: «У вас есть икона святителя Николая?» – «Да», – отвечают и указывают, куда пройти. Я направилась туда и увидела образ святителя Николая – родной с детства. Он так смотрел на меня, что я расплакалась и стала шепотом рассказывать ему, как мне тяжело. Так я начала приходить к нему.

Одна женщина как-то говорит мне: «Смотрю я на вас, вы ходите в церковь и не исповедуетесь». – «А что надо для этого?» Она объяснила: «Вот видите, народ стоит, сейчас придет батюшка и будет исповедовать». Я пошла и примкнула к народу, но тут же мне говорят: «Тебя не примет». – «Это почему же?» – возмутилась я. «Он принимает только своих духовных чад». – «Вот тебе раз! А я чье чадо?» – «Ну, не знаю, надо искать». Так я ушла из церкви огорченная.

Через тридцать лет крестик вернулся ко мне!

Стала я думать, как это: искать духовного отца. И вдруг понимаю, что у меня дома ни одной иконочки нет. Тогда вспомнила: когда я уезжала в командировку с мужем (он был ярым противником Церкви), мама благословила меня совсем маленькой иконочкой и сказала: «Положи в сумку, ее никто не увидит». Я сразу стала искать и нашла маленькую, как фото на паспорт, Владимирскую иконочку Божией Матери.

Я прижала ее к груди, и вдруг меня осенило, что на мне и крестика нет. «Как же я так хожу? Может, и к священнику меня не пустили поэтому?» – подумала я. Меня охватил страх. В воскресенье пошла в церковь, купила обычный крестик за три рубля с веревочкой и тут же его надела. Слезы лились сами по себе – я их не могла остановить.

Я вышла из церкви и долго ходила по улицам, вспоминала, как сама по молодости сняла с себя крестик и отдала маме. Каково ей было? Как она страдала за меня! И вот через тридцать лет крестик вернулся ко мне! Какое счастье, как с ним хорошо!

Вижу перед собой Господа, озаренного белым светом

9 марта 1992 года был понедельник, я это очень хорошо запомнила. Все, как всегда, после работы разошлись по домам, а я думаю: поеду в Елоховский храм. Подхожу к храму и вижу много машин и машину Святейшего, много народу. Думаю: «Праздник, что ли, какой? А я пропустила». На улице было холодно, и я попыталась пройти с левой стороны, где мощи Николая Угодника. Стою, слушаю, свет погашен, только кое-где горят свечи.

Поворачиваю голову – и вижу перед собой Господа, озаренного белым светом. Я не поверила, обернулась еще раз и увидела то же самое. Я не могла сдержаться и громко сказала: «Боже, прости меня!» – и расплакалась. Это мгновение осталось у меня в памяти на всю жизнь. На следующий день на работе я узнала, что начался Великий пост. Так я стала ходить в храм, надела юбку, начала воцерковляться.

Он хороший батюшка – только что приехал из Печор

Отца Тихона (Шевкунова), ныне епископа Егорьевского, я узнала еще до восстановления Сретенского монастыря. Это было в начале 1990-х годов. Одна знакомая как-то мне сказала: «Поехали в Донской монастырь, я тебя с батюшкой познакомлю». Приехали, батюшка пришел, и я шепчу ей: «Он такой молодой, мне даже стыдно ему говорить о том, что моих грехов так много».

А она мне: «Ничего-ничего, он хороший батюшка – только что приехал из Печор». А я-то была тогда накрашена, в брюках. Думаю: «Кто меня такую примет?»

Народа около батюшки много было, я стою в растерянности и всё думаю, что все нормальные женщины в платочках, а на меня и смотреть страшно. А отец Тихон меня подзывает – он, видно, заметил, что я стесняюсь. Подошла я, говорю ему, что живу в грехах. Он спрашивает: «Молитвы читаешь?» – «Нет», – отвечаю я. Он мне все рассказал, с чего начать, что сделать.

Может, тот батюшка будет моим духовным отцом?

Вскоре меня уволили с работы, и я осталась вообще никому не нужная. Сын есть, но он живет со своей семьей, и муж меня бросил – так остался один Бог передо мной.

«Поеду, – думаю я, – в Донской… Может, отец Тихон будет моим духовным отцом?» И отправилась туда. Приехала, женщины там посмотрели на меня и спрашивают: «Ты свободна?» – «Свободна». – «Можешь нам помочь?» – «Конечно». Дали мне тряпку, щетку, и с того дня я там два года во славу Божию трудилась. Счастливая, вся такая радостная, про все свои горести забыла. И исповедовалась только у отца Тихона.

Первая служба в Сретенском монастыре

Пару лет я в Донском монастыре проработала, и вот как-то слышу: стали поговаривать женщины, которым я помогала, что скоро, мол, отец Тихон перейдет отсюда. «Ой, – думаю, – Боже мой, куда же его переводят?»

И вот 14 февраля 1994 года я утром собралась выходить из дома, уже и пальто надела, вдруг раздается звонок телефона. Я стою в дверях и думаю: взять трубку или нет? И вспомнила, как отец Даниил (Сарычев) всегда говорил: «Вы к телефону подходите, а то вы строите из себя таких благодатных, а человеку, может, плохо, ему нужна помощь, вы же боитесь трубку взять. Если пустой разговор, скажите, что так и так, – и положите трубку; а если серьезный – помогите».

В тот раз знакомая мне звонила: «Поедем на “Тургеневскую”, там будет отец Тихон служить». Приехали. В тот день мороз был приличный – градусов двадцать с лишним. Идем по улице, заворачиваем за серый дом, смотрю – храм стоит. А я столько раз здесь была, а храма и не замечала! Подошли мы к храму, а там уже и женщины из Донского, и ребята, которые пели в Донском, – они поначалу и в Сретенском пели.

У меня тогда такое было чувство радости – никакой мороз не страшен

Слышу возглас батюшки: он начинает всенощную. И небо помню: сначала просто голубое, а потом уже, позднее, черное со звездами, и луна светит. Я тогда записала: «Праздник Сретения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Нас не пускают в храм кочетковцы[8]. В этот чудный морозный вечер мы у храма на всенощной стоим. Луна, как свеча, освещала, и мороз был нам в радость тогда. А батюшка цветком гвоздички красной помазывал нас елеем». Так встречали мы праздник. У меня тогда такое было чувство радости – никакой мороз не страшен.

Первая служба за стенами храма. Сретение Господне. 1994 г.

Батюшка нас помазал, сказал, чтобы завтра утром мы оделись потеплее, потому что, если нас кочетковцы опять не пустят, надо быть подготовленными. Вернулась я домой и стала звонить тем, кого в Донском видела и знала. «Так и так… – говорю. – Давайте батюшку поддерживать».

Какую тогда службу отслужили!

А когда утром 15 февраля мы приехали, нас пустили в храм. А мы-то тепло одеты, нам и душно, и жарко, и так много колясок с детьми… Женщины, которые вместе со мной приехали, говорят: «Ты куда нас привела?» И правда, какой-то батюшка ходит в белом подряснике… Должен отец Тихон служить, а мы его и не слышим.

Сгруппировались мы с правой стороны, вдруг – возглас отца Тихона. И у нас у всех улыбки на лицах. Но вот служба закончилась, вышел отец Тихон. А нас народу много собралось, и такие все радостные и счастливые. Батюшка всем объявил: «Мы сегодня разойдемся на неделю, а 25 февраля приходите все на всенощную. Приедут из Печор, и мы все вместе будем служить».

Тогда приехали отец Стефан, отцы Кирилл и Мефодий, отец Иоасаф. Какую тогда службу отслужили! У нас даже кочетковцы спрашивали: «Это вы так молитесь?» – «Да, мы вот так молимся». Отец Тихон на весь храм тогда сказал: «Отныне и до скончания века в этом храме будут службы и утренние, и вечерние».

Служба вечерняя закончилась, а никто не уходит домой

Мы стали в храм ходить и утром и вечером. И все тогда трудились в храме, потому что у нас не было больше ничего. Как-то отец Тихон говорит: «Надо нам комнату одну, мне уже Святейший благословил». Святейший-то благословил, а кочетковцы не отдают эту комнату. И вот в один день – и ведь не договаривались между собой – служба вечерняя закончилась, а никто не уходит домой. Вдруг батюшка вышел и спрашивает: «А вы что здесь все сидите?» Отвечаем: «Батюшка, мы видим, что вы здесь неустроены. Как вас бросить на них-то?» – «Да, вы правы», – говорит. А потом каждому: «Ты читай Евангелие, ты – Псалтирь, ты – Иисусову молитву». А сам ушел.

Иеромонах Тихон (Шевкунов) служит молебен в соборе Сретенского монастыря. 1994 г.

Отец Тихон, оказывается, позвонил тогда Святейшему, а Святейший ему говорит: «Оставайся ночевать. Занимай ту комнату. Надо с чего-то начинать». Вот так мы начали.

Кочетковцы давай звонить в милицию: мол, народ не уходит. А мы все в храме стоим и молимся. Борьба тогда шла чуть ли не до двенадцати ночи. Потом батюшка вошел в храм и сказал: «Комнату мне освободили, дали мне ключи. Идите все домой, я вас благословляю, а я буду здесь ночевать».

Разошлись мы тогда, а утром все опять пришли к храму. Батюшка говорит: «Я переночевал, всё хорошо, теперь у меня есть комнатка». Он в этой комнатке прожил неделю, а потом ему дали и другую… И батюшка наш вскоре стал игуменом Тихоном.

Как к нам привозили Владимирскую икону Божией Матери

В сентябре 1995 года нам собирались привезти Владимирскую икону Божией Матери[9]. До приезда иконы специалисты должны были создать для нее запасник (киот) – такой же, как тот, где хранится образ в Третьяковской галерее. Икона древняя-предревняя, и ей нужен микроклимат такой же,

как там. Делали установку четыре месяца, а потом приехали еще специалисты и привезли много-много цветов – лилий. Постамент для иконы был примерно три-четыре метра в высоту, и все поручни были в цветах до самого верха.

Строительство стены. 1995 г.

В один день прибыло много высокопоставленных людей. Отец Тихон рассказывал: «Я им говорю: “Вы стоите перед Матерью Божией, вы можете о своем попросить, помолиться”». Но тогда был еще 1995 год, и люди эти не решались перекреститься. Видя это, отец Тихон им сказал, что можно просто попросить Матерь Божию – Она сейчас как никогда слышит всех. И спустя некоторое время один из этих людей рассказал отцу Тихону, что у него была жена при смерти, и он попросил у Матери Божией: «Помоги моей жене, она от рака умирает!» И потом доктора были в изумлении, потому что рак отошел от нее, она осталась жива. Они, может быть, еще и сейчас живут и здравствуют!

Получилось так, что все те, кто мне помогал, стояли рядом со мной

Вспоминается молебен Владимирской иконе Пресвятой Богородицы со Святейшим Патриархом. Мы долго готовились, убирали храм, украшали. Но на молебен собралось так много народу, что сначала я в храм не могла пройти. И тут выходит Иван Сирота, который сейчас служит на Красной площади, он

тогда был диаконом. И вот выходит он и глазами кого-то ищет, а найдя меня, кричит: «Раиса, иди сюда!» А я не могу: столько народу собралось! Тогда он сам пошел ко мне. Народ расступается. Он берет меня за руку и говорит: «Ты же так много работала! Пойдем, ты должна одна из первых приложиться!» А я отвечаю: «Но я не одна работала, мне помогали!» – «Кто помогал?» И, представляете, получилось так, что все те, кто мне помогал, стояли рядом со мной. Это было чудо! А я-то думала: «Где их буду искать?» И всех нас тогда, человек шесть-семь, провели в храм.

А потом уже и служба началась вечерняя, а народ все шел прикладываться к иконе. И такой сильный дождь лил – он начался еще до молебна. У меня и фотография есть, как все с зонтами идут прикладываться через главный вход. И это было до двенадцати ночи. А потом батюшка говорит: «Надо бы закрыть храм!» И правда, ночь уже. А очередь-то шла от «Детского мира», и все под зонтами – дождь проливной, и мокрые уже все, и все равно идут. И все прикладывались.

Раиса Сергеевна Горбунова в храме Сретенского монастыря. Справа архимандрит Кирилл (Павлов). 1995 г.

«Матерь Божия, Ты же с нами…»

Утром мне отец Тихон говорит: «Приедет Святейший, отслужит литургию, и сразу же все уедут и икону увезут!» Так и увезли ее. И когда машина уехала, то я в дверях встала, и вдруг со стороны, там, где придел святого Иоанна Предтечи, буквально

влетела толпа народа. Я говорю: «Куда вы? Куда вы? Матерь Божию увезли», – но меня никто не слушает, все поднимаются на эти ступеньки, кладут по три поклона и прикладываются.

Знаете, я когда все это увидела, то просто разрыдалась, и говорю: «Матерь Божия, Ты же с нами…» Ведь не может человек целовать стекло, не может, а люди с таким благоговением подходят, поклоны кладут, целуют это место.

Тут был один священник, я к нему подбегаю и говорю: «Батюшка, благословите людям хотя бы по цветочку давать – на память». Он отвечает: «Конечно». Я к людям возвращаюсь и говорю: «Матерь Божия вас благословляет. Всем по цветочку». Подходят, каждому даю по цветочку. Отрываю и даю. А люди шли, и шли, и шли. Уже одну половину раздала, вторую раздала, а народ все идет и идет. До шести вечера народ шел. Потом батюшка сказал погодить пока, потому что вечерняя служба в шесть часов: «Когда служба закончится, ты продол-жишь».

Служба была простая, закончилась скоро, и снова народ пошел. Я давай опять цветы раздавать. И раздавала я их ровно до двенадцати ночи. В двенадцать ночи даже наверху цветов не осталось, остались только от хвои лапочки. Тут приходит молодой человек и говорит: «А мне можно хоть какую-нибудь веточку?» А я ему отвечаю: «Если вы достанете там, наверху, то мы с вами поделимся». Он достал веточку. Весь постамент остался просто оголенный – ни одного цветочка: всё люди разобрали. Это было просто чудо какое-то. Многие тогда говорили, что получали исцеление.

Когда отец Тихон начал служить, наш храм стал просветляться

В первые годы храм был очень запущенный, даже какой-то черный стоял. Мы, помню, с Тихоном Ивановичем, сторожем, лестницу принесли, начали паутину снимать. Я говорю: «И как кочетковцы вообще могли молиться в храме с паутиной?!» Все фрески были черными. Когда отец Тихон начал служить, с февраля месяца, к Троице наш храм стал просветляться. Я еще очень хорошо запомнила, когда к нам из Печор привезли много икон. Это и Николай Угодник, и Матерь Божия, потом Троица Святая – они все сейчас на колоннах висят. И привезли еще мученика Корнилия из Печор – такая длинная икона, во весь рост.

И Пасха первая была, конечно, незабываемая, потому что для всех это было все по-новому. Вот и тогда сделали маленькие такие сэндвичи на палочках, какао, чай и кофе. И все выходят из храма, и у всех глаза горят, удивляются: «Как? Так нас к столу

приглашают?» Столько радости, столько счастья было у людей, когда они этот глоток горячего кофе или чая выпивали и этот маленький сэндвич брали.

Пасху встретили? А теперь встречайте Троицу!

И вот наступает Троица. Батюшка из Рязани привез березок, травки. Мы все по храму расставили, расстелили, все очень хорошо устроили. Вечером закончилась служба, а утром один из недоброжелателей выходит с подушкой и огромным ножом и говорит: «Ну что, Пасху встретили? А теперь встречайте Троицу!» И в подушку втыкает этот нож: раз, два, три – пух полетел по всему храму, и все березки стали белыми. Я побежала: «Батюшка, посмотрите, что они творят!»

А он, как всегда, в дверях встал, скрепился так и говорит: «Разве бес потерпит праздник?! Не переживай. Давай, кто у тебя там есть в помощниках, быстренько все собирайте и на улицу выносите. Без шума, потихонечку уберем всё». А сам уже дал команду в Рязань, чтобы к вечеру привезли все свежее. Когда машина приехала, мы опять березки поставили, положили травку, как будто вообще ничего и не случилось.

А времени уже было два часа ночи. Мы с помощницей легли на улице – забора у нас тогда еще не было, и там бездомные иногда у нас ночевали, ложились на травку. Так и мы с ней тогда прилегли и хорошо поспали. Частенько теперь вспоминаем, как же было хорошо!

Монахиня Амвросия (справа) с сотрудниками Сретенского монастыря М. Ю. Мыскиным и Л. А. Пилипчук в паломнической поездке в Бари. 2003 г.

Потихонечку благоустраивались

Батюшка трапезную небольшую сделал и кельи. Приехал отец Макарий, Царствие ему Небесное. Потом приехали к нам Лука с Клеопой, два мальчика – Саша и Роман, еще приехал отец Аркадий. Вскоре появился отец Гавриил, наверное, в 1996 году, в цветной рубашечке, такой симпатичный парнишечка, здоровенький такой, крепенький. Батюшка ему и говорит: «У меня дворника нет, мети двор». Он взял метлу и давай мести. И всё у нас было чистенько, всё было ухожено, и все при деле. Потихонечку благоустраивались.

Батюшка благословил меня в монастырь

Спустя несколько лет батюшка Тихон благословил меня в монастырь – на московское подворье Пюхтицкого монастыря, и здесь меня постригли с именем Амвросия. Как трудно и благодатно быть монахиней! «Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом Владычним утверди мя» (Пс. 50, 13–14). Стараюсь чаще читать Псалтирь и эти строки.

Вспоминаю те тридцать лет, когда я с двадцати до пятидесяти жила без Бога, – очень тяжело, но все-таки материнская молитва оказалась такой сильной – вымолила меня.

Господь сохраняет всех нас! И мы бы давно уже не жили, если бы Господь нас не сохранял во всей нашей жизни.

Часть II. Воспоминания мирян

Имея такого любящего отца, как мой, мне было легко найти Небесного Отца

Рассказывает Мария Георгиевна Жукова, член Союза писателей России, младшая дочь маршала Г. К. Жукова, редактор издательства Сретенского монастыря

Мостик из земной жизни в жизнь вечную

Моему приходу к вере предшествовало горе – я осталась без родителей в 17 лет. Незадолго до смерти отец посадил меня рядом с собой и сказал: «Скоро я умру, но с того света я буду наблюдать за тобой и в трудную минуту к тебе приду». Много раз я вспоминала этот разговор, размышляла над его словами – именно ими он перекинул для меня мостик из земной жизни в жизнь вечную.

Истоки моей веры

Бабушка моя Клавдия Евгеньевна, мамина мама, училась в Казани, в гимназии Котовой, и вспоминала молитву «Отче наш», правда, произносила только первую строку, но даже эти обрывочные слова из молитвы Господней отложились в моей детской памяти. В гимназии, конечно, преподавался Закон Божий, было три законоучителя. Еще она говорила: «Чти отца и мать, и благо тебе будет, и долголетен будешь на земле». Это Божия заповедь, и, как я теперь знаю, огромной важности!

Помню, что родители не раз повторяли: «Относись к людям так, как ты хотела бы, чтобы относились к тебе». А ведь это тоже заповедь…

Недавно стала вспоминать истоки своей веры. В школе на уроках я молилась своими словами, про себя, Божией Матери: «О Пресвятая Богородица, прошу Тебя, помоги мне!»… Откуда я про Нее знала? Из классической литературы? Из живописи?.. А причина была в следующем: когда у отца случился обширный инсульт, я пришла к нему в Кремлевскую больницу проведать – его вид меня тогда потряс, я испугалась, что он умрет… Он сказал шепотом: «Машенька, учись хорошо. Если ты будешь хорошо учиться, я скоро поправлюсь!» Вот я и просила Божию

Матерь, чтобы мне пятерки получать.

Благословение Святейшего Патриарха Пимена

В 1971 году была интронизация Святейшего Патриарха Пимена. Это произошло 3 июня, в праздник Владимирской иконы Божией Матери. По этому случаю в консерватории состоялся концерт духовной музыки. Отец не смог принять приглашение на концерт по причине болезни, и пошли только мы с мамой. Неожиданно, в антракте, мы были приглашены к Святейшему. Мама просила Патриарха помолиться о здравии мужа. Святейший пообещал и, как мне рассказывали, на следующее утро поминал воина Георгия на литургии. Не так давно побывала на месте, где похоронен патриарх Пимен, в крипте Успенского собора Троице-Сергиевой лавры. Поклонилась патриарху Пимену и вдруг поняла, что путь моей жизни во многом сложился по его благословению.

Приход к вере

После смерти родителей меня мучили тяжелые сны – мама и отец снились мне очень и очень больными. Однажды поделилась с бабушкой, и она посоветовала поставить в храме свечку за упокой их душ. Я послушалась, пошла в ближайший храм и поставила свечку. После этого тяжкие сны прекратились! Мне стало проще заходить в храм – ведь теперь у меня было важное дело: молиться за упокой родителей. Но еще несколько лет я думала о том, что должна принять крещение, осознанно к этому шла. Имея такого любящего отца, как мой, мне было легко найти Небесного Отца, понять, как это может быть вообще…

В институте многие студенты подавали заявление на вступление в КПСС, писали: «Хотим быть в первых рядах строителей коммунизма», – но у меня с комсомолом не очень складывалось, а уж в партию не стала вступать сознательно: не хотела лукавить про «первые ряды». Душа просила чего-то другого. Не потому ли, окончив с отличием МГИМО и проучившись год в аспирантуре, все бросила, написав заявление по собственному желанию? В те годы мы узнавали о Христе из книги М. Булгакова «Мастер и Маргарита», еще я слушала рок-оперу «Иисус Христос Суперзвезда» и оттуда узнавала о евангельских событиях…

В конце 1980-х – начале 1990-х мы наблюдали развал страны, рушилось все кругом, и душа особенно просила молитвы. Помню, как кто-то будто говорил мне иногда: «Пора спасать свою душу!»

Я не понимала, откуда это наставление звучит в моей душе, но знала, что это все очень серьезно!

Крестил меня отец Сергий Суздальцев в храме Живоначальной Троицы в день великомученицы Варвары, 17 декабря. Накануне мы с подругой заглянули в церковный календарь, прочли, что празднуется память великомученицы, она мне и говорит: «Плохо это, мучиться не надо», – и предложила договориться с батюшкой на другой день. Но я ничего переносить не стала. Потом очень полюбила эту замечательную святую.

Теперь, по прошествии лет, вижу, что Господь все устраивал по моим чаяниям. Конечно, путь был непростым, извилистым, но Промысл Божий теперь виден четко.

Всякое дело надо начинать с молитвы

Я была рада знакомству с митрополитом Питиримом (Нечаевым), который очень уважал моего отца. Владыка был прекрасен – и своей величественной красотой, и умом, и манерами, и эрудицией, и неподражаемым юмором. На память он подарил мне свою фотографию с очень теплой надписью. Мне казалось тогда самым важным найти духовника, и я задала владыке вопрос: «Как же его найти?» Он ответил: «Надо молиться, чтобы Бог послал». Но тогда я еще не понимала, что всякое дело надо начинать с молитвы.

Знакомство с отцом Тихоном

В 1992 году, на праздник Крещения, попив крещенской воды, мы отправились с мужем и сыном в Третьяковку на выставку икон (до этого галерея была много лет закрыта). Перед Владимирской иконой я задержалась надолго и про себя рассказывала Божией Матери о своих неразрешимых проблемах в жизни. Необыкновенный взгляд Божией Матери так взял меня за душу… А потом мы были приглашены в гости к скульптору В. М. Клыкову (это неподалеку, на Ордынке) и там познакомились с молодым иеромонахом Тихоном (Шевкуновым).

Архимандрит Тихон (Шевкунов) награждает М. Г. Жукову медалью прп. Евфросинии. 2009 г.

Много лет я вынашивала в себе два вопроса, на которые у меня не было ответов. Во-первых, отца кремировали вопреки его воле, а я от кого-то услышала, что душа от этого мучается, и мне хотелось выяснить, правда ли это. Второй вопрос, который беспокоил меня, – что означают слова отца «я буду наблюдать за тобой с того света»? Но я робела запросто подойти в церкви к священнику и поговорить об этом. А тут такая возможность – отец Тихон сразу расположил к искреннему разговору.

Я спросила его о словах отца, он ответил: «Они говорят о том, что он, как православный христианин, верил в бессмертие души, а вы должны о нем молиться». На это я сказала, что давно молюсь о нем.

На мой наивный вопрос, страдает ли душа отца от того, что его сожгли (а он хотел быть похоронен в земле, по-христиански), отец Тихон ответил отрицательно, указав на множество христианских мучеников, которых тоже сжигали.

Другой мир

Позже отец Тихон пригласил меня и мою семью в Донской монастырь. Никогда не забуду тех дней – мне открывался новый мир, во многом отличный от того, в котором я жила до тех пор, но очень родной. Хорошо запомнила день обретения мощей Святейшего Патриарха Тихона – мы стояли в длинной очереди, шел небольшой снег, я еще толком не знала, как и что делать в

храме, и внимательно следила за тем, как прикладываются к мощам другие. Приложилась к раке с мощами, а голову оторвать не могу – как магнитом притянуло! Это было для меня потрясением – весь день я ходила и думала, что за сила мне открылась… С тех пор очень почитаю Святейшего Патриарха Тихона!

Под покровом Владимирской

В Сретенском монастыре я оказалась в январе 1995 года. А 8 сентября был большой праздник – 600-летие Сретения Владимирской иконы. Из Третьяковской галереи привезли этот древний чудотворный образ. Незадолго до праздника отец Тихон благословил меня стать членом комиссии, которая вела переговоры с Третьяковкой, они шли непросто – икону отдавать в храм на службу нам не хотели. Потом все-таки был достигнут компромисс и была изготовлена специальная капсула для иконы. На всенощную пришло огромное количество народу, кажется, тысяч двадцать пять, очередь растянулась по всей улице Большая Лубянка, и священники уже после окончания службы пошли вдоль по улице помазывать всех елеем. Это продолжалось чуть ли не до часу ночи. Мы чувствовали, что Царица Небесная согревает нас всех Своею благодатью и Материнской любовью.

Более двадцати лет я тружусь в монастыре, под покровом Владимирской иконы, и не устаю благодарить Божию Матерь за чудо, явленное в моей жизни.

Святитель Николай своих не оставляет

Рассказывает Анна Ивановна Казенкова, певчая клироса Никольского храма села Березичи Козельского района

Храм наш старинный

Я прихожанка Никольского храма со дня его открытия в 1992 году. Храм наш старинный. Здесь с незапамятных времен стояла деревянная церковь. В 1845 году князь Александр Петрович Оболенский на месте деревянного храма каменный поставил.

Храм в 1930-е годы закрыли, а открыли только в 1992-м. На Вербное воскресенье здесь была первая служба. Окна выбиты, купол снарядом поврежден – в войну бои здесь шли. Мусор убрали, удобрения (в храме размещался склад минеральных удобрений) и служили первую службу. Как наш храм радовался! И мы вместе с ним…

Вот уже двадцать три года, как пою я на клиросе. Мне семьдесят девять лет. Скоро, Бог даст, восемьдесят стукнет.

Первые детские воспоминания

Родом я из деревни Жуковка Калужской области. Первые детские воспоминания у всех разные. У меня перед глазами – маленькая избушка: коридор, сенцы, комнатка, что и кухней, и спальней, и гостиной служила, печка, лежанка, стол большой обеденный, лавки. Мама моя, Серафима, работала на торфянике. Машины доставали торф, его резали на кирпичики, сушили на поддонах, отвозили на предприятия и топили им промышленные печи. Маму за ударную работу наградили швейной машинкой, и она обшивала всю деревню. Папа был сиротой, но не пропал, сумел выучиться, работал в колхозе счетоводом.

Как я в пять лет оказалась в плену

Помню, как в нашей избушке во время войны стояли кавалеристы. В 1942 году мне исполнилось пять лет, и я оказалась в плену.

Кавалеристы сказали нам: «Эвакуируйтесь, мы вынуждены отступать». А мы и не знаем, куда идти. В соседней деревушке

Ожигово (сейчас ее больше нет) жили наши дедушка с бабушкой и невестка с пятью детишками. Дядья воевали. А других родственников нет. К кому ехать? Долго нам раздумывать не пришлось – на следующий же день началась стрельба. Попрятались мы по погребам. Кто остался жив, а кого так и засыпало в этих погребах… Вышли – деревня горит, танки, немцы с автоматами через плечо. «Шинель, шинель!» – кричат. Я только много дней спустя поняла, что это они не шинель просят им дать, а приказывают «шнель» – «быстрее».

Анна Ивановна Казенкова на клиросе Никольского храма

Больше мы никогда нашего дедушку не видели

Дедушка в своей деревне нашел лошадку, отправил на ней невестку с детьми, так они немцев даже и не увидели, спаслись. А бабушку за нами послал, она прибежала, хотела нас увести в Ожигово, но было уже поздно. Дедушка не выдержал, пришел сам за нами. Так бабушка и дедушка вместе с нами оказались в плену. Деда очень быстро увели от нас – один предатель донес, что его сыновья воюют. Больше мы никогда нашего дедушку не видели. О его судьбе мы узнали только после войны: его расстреляли.

Дед был высокий, сильный, умный. Работал лесником. Если в деревне начиналась драка, сразу звали: «Семен!» Он приходил и быстро разнимал драчунов. Мог спастись от немцев – до Ожигово они не дошли, но его большое доброе сердце не позволило ему одному спасаться, без детей и внуков.

Немцы в нашей деревне были недолго, неделю примерно. А потом всех деревенских, кто остался в живых, погнали за собой. Кто идти не мог, стреляли на месте. Скотину деревенскую тоже всю забрали. И гнали ту скотину впереди нас.

По всей Белоруссии стояли виселицы с повешенными

И шли мы вместе с немцами до самой Белоруссии. Сквозь войну, сквозь бомбежки. Старых, слабых убивали. Помню, после бомбежки на кустарнике одеяльце детское и тельце младенца на нем. Как летело от взрыва, так и осталось. По всей Белоруссии стояли виселицы с повешенными, их не давали снимать.

В одну из бомбежек мне осколком задело бедро. Я истекала кровью, немец-врач меня перевязал.

Нас ничем не кормили. Что найдешь, то и твое. У младшей сестренки от цинги в щеке дыра образовалась насквозь. Помню, лошадь лежит убитая. Съели мы эту лошадь. Каски солдатские, что вокруг валялись, подбирали, в них и варили. Где картошку найдем, где свеклу. В одном озере раки просто кишели, так много их было. Тоже их варили.

Сима, там твою дочку убили у столовой!

В одной из белорусских деревень остановились надолго. Мы, дети, ходили с котелками побираться в школу, где немцы сделали свою столовую. Я была самая маленькая и щупленькая. Увидят меня: «Киндер, ком!» Давали шоколад, хлеб, наливали в наши каски суп, кашу.

Налили мне как-то в каску суп. Понюхала – аж голова закружилась от голода. Одна не стала есть. Несу каску бережно маме с сестренкой. Вдруг вижу: сидит громадный рыжий немец. Манит меня, хлеб протягивает. Как же я обрадовалась! Подошла, а он внезапно на меня автомат наставил и холостыми очередь как даст. Я упала и потеряла сознание. Весь суп на себя опрокинула. Успела только услышать грубый мужской гогот.

К маме прибежали: «Сима, там твою дочку убили у столовой!» Мама бросилась к столовой, меня на руках в избушку принесла, я только там в себя и пришла. Больше мама не пускала меня побираться. Весной 1944 года нас освободили.

В школе ни одной Пасхи не пропустила – всегда ходила куличи святить

Нас привезли в поселок Стекольный Завод Козельского

района. А наша Жуковка вся была заминирована, нельзя было шагу ступить. Даже когда все разминировали, сколько там трактористов взрывалось! Едет он, пашет, а на глубине мина…

Поселили нас в бараках. Комнаты по девять квадратных метров. Печечки топили. Карточки дали. По триста грамм хлеба на человека. Отоваривали в магазине.

Я пошла в школу. Учась в школе, ни одной Пасхи не пропустила – всегда ходила куличи святить. Никольский храм, ближайший к нам, закрыт был, так мы ходили в единственный открытый во всем районе Благовещенский храм в Козельске. Шли десять километров туда и десять обратно. Пешком.

Ходили обычно босиком – берегли обувь. А что там было беречь?! Тапочки парусиновые летом и валенки зимой. Тапочки мелом натирали, чтобы белые были. Идем пешком, как станем к Козельску подходить, а там речка Орденка, так мы ноги помоем, носочки, тапочки свои парусиновые наденем. И уже идем в тапочках в храм.

В 1961 году мост сделали. А то был деревянный, так его весной смывало, и рабочие из деревень, чтобы на завод попасть, переплывали речку на лодках. Потом, в 1970-е, уже босиком не ходили, уже обувка была у людей.

И что интересно, меня никогда не ругали в школе за мои походы в храм. Других и к директору вызывали, и ругали, а меня никогда. Будто меня закрывал кто-то.

Чудное дело: два года в плену, и живы остались. Под пулями и бомбежками. Назад везли в открытых вагонах, и никто не простыл, не заболел. Господь хранил, видимо, за молитвы святителя Николая Чудотворца, – мама всегда его очень почитала. Вся ее жизнь с этим святым была связана: и замуж она под Николу вешнего (22 мая) вышла, и стол всегда собирала праздничный на его день – 19 декабря. И я вот в Никольском храме.

Как маме перед смертью Никола Угодник явился

И перед смертью Никола Угодник маме явился – святитель Николай своих не оставляет…

Все мы в семье были крещеные, а вот в церковь редко ходили – далеко очень было ходить, двадцать километров пешком. Даже икон у нас в доме не имелось, нигде было не достать в то время иконы. У кого-то со старых времен сохранялись, а мы в свой барак вселились – голые стены, ничего от прошлой жизни не осталось.

Мама моя – труженица, всю жизнь работала на совесть, людей

любила, нестяжательная была. В 1974 году ей исполнилось пятьдесят восемь лет. И как-то внезапно она заболела, слегла. Поставили диагноз – рак пищевода. Приходили ее навестить бабушки:

– Сима, ты ведь тяжело заболела… Причаститься бы тебе.

– Да я с детства не причащалась. На мне и креста нет.

Я в те годы уже жила отдельно, своей семьей, растили с мужем троих детей. Провожу старших в школу, младшего в садик – и к маме бегу проведать. После работы детей обихожу, и снова к маме. И вот как-то, в декабре месяце, за несколько дней до праздника святителя Николая Чудотворца, я все с утра у мамы перебрала, перемыла, генеральную уборку сделала. Вечером опять к ней прихожу, покушать принесла. Она по-прежнему в бараке жила: кухня крохотная и комнатушка. Прихожу, у нее как обычно: темно, свет не горит, сама лежит в постели. А уже сумерки.

И мама меня так взволнованно спрашивает:

– Аня, ты по дороге кого-нибудь встретила?

– Нет, мам, никого…

– Быть не может! Ко мне только что приходил старичок!

А у них в бараке семь квартир, и у каждой свой вход и свой порожек. Вот я и говорю маме:

– Какой старичок, мам?! Да и следа никакого нет, все снегом занесено!

– Да ты послушай, не спорь! Выслушай меня…

И рассказала мама о том, что произошло прямо перед моим приходом. Она лежала в постели, не спала, и вдруг дверь из кухни стала открываться. На кухне, как и в комнате, темно, и кто в проеме стоит – не видно. Мама спросила:

– Кто там?

И слышит в ответ старческий такой голос. Непонятно, что он отвечает, но ясно слышно, что это старичок. Мама его попросила:

– Дедушка, включите, пожалуйста, свет!

А нужно сказать, что у мамы выключатель в комнате с первого раза часто не срабатывал, все никак не могли собраться его починить. И вот старичок выключателем щелкнул, а он, как обычно, с первого раза не включился. Тогда этот старичок зашел в комнату, раздвинул шторки на двери, и все в комнате вдруг озарилось ярким светом! Свет этот был совсем не электрический.

И мама увидела старичка – он был весь белый-белый и весь сиял, был весь просто наполнен светом. У мамы перехватило дыхание. Она лежала и ничего не могла сказать, просто любовалась. И думала только одно: «Так ведь это Николай Угодник!»

А старичок посмотрел вокруг и вдруг сказал печально:

– Как у тебя, Серафима, нечисто…

– Нет-нет, чисто – дочка только что все перемыла!

– Не та чистота, Серафима! Нет духовной чистоты…

Мама головой поникла. А он ей говорит:

– Не волнуйся. К тебе сейчас придут люди и все что нужно принесут. И все у тебя будет очень хорошо.

Ушел старичок, и свет вместе с ним исчез.

Сидим мы с мамой после этого ее рассказа и обе рыдаем. И страх, и милость от Бога, и молитвенное предстательство Николы Угодника…

Вдруг в дверь стучат. Заходит одна очень верующая старушка, бабушка Нюша, и приносит нам… иконочку Спасителя, свечи церковные и крестик нательный. И говорит нам, что попросили священника, и он обещал навестить маму.

И в самом деле, как раз накануне праздника Николы Угодника пришел к нам старенький батюшка Мелентий из Благовещенского храма. Очень долго он исповедовал мою маму, а потом причастил ее. И после этого она быстро, буквально через несколько дней, умерла.

Умирала при мне. Сколько болела, никогда не разрешала с ней оставаться, всегда скажет: «Беги к детишкам!» А тут сама попросила: «Останься сегодня со мной…» Я осталась. Сижу, и вдруг меня словно кто под руку толкнул – я икону Спасителя прямо перед мамой поставила и перед иконой свечку зажгла. Мама словно только этого и ждала. Глянула на икону, тихонько вздохнула – и отошла ко Господу…

Вот уже сорок два года после ее смерти прошло…

Я каждый день ощущаю помощь Божию и молитвенное заступничество Николы Угодника

Я училась в Москве в индустриальном техникуме на технолога стекольного производства, чтобы работать на своем родном стекольном заводе. Никогда не хотела отсюда уехать. Люблю простор, свободу, леса, поля… Когда училась в Москве, не могла дождаться, пока домой вернусь.

Занимались мы в здании по адресу улица Таганская, 58, где сейчас монастырь и мощи Матронушки. Мы даже и не знали тогда, что это храм… Он был полуразрушенный, подвалы, склады, лаборатории. Когда я узнала, что блаженную Матронушку канонизировали, сразу поехала туда, очередь отстояла, чтобы поклониться ее мощам.

Прошла я на своем заводе путь от рабочего до инженера-

технолога, а потом и до начальника машинно-ванного цеха – самого трудного по производству. В цеху трудилось около двухсот пятидесяти человек, изготавливали аптекарскую посуду.

Дети выросли, все выучились, внуки уже взрослые. Правнучка есть, Аленушка. Я каждый день ощущаю помощь Божию и молитвенное заступничество Николы Угодника. Слава Богу, и дети, и внуки ходят в храм.

Сама все пою на клиросе. Вот сегодня бы не пришла, некому бы и петь было: будний день. Молодые на работе, а старые почти все ушли уже ко Господу. И я болею сильно, но стараюсь о болезнях не думать. Болею, не болею – все в любимый храм плетусь. Повалюсь, так на клиросе.

Помощи Божией на трудном жизненном пути всем, кто захочет мою историю выслушать. Святителю отче Николае, моли Бога о нас!

Ты хочешь познать солнце, а не хочешь ли ты познать Того, Кто создал солнце?

Рассказывает Леонид Александрович Михайлов, генеральный секретарь Российского медицинского общества

Поиск истины в юности

В детстве и юности мне очень хотелось понять смысл жизни. У нас была хорошая школа, прекрасный Дворец пионеров с огромным количеством кружков, где можно было реализовывать любые свои способности. Я занимался в трех, четырех, пяти кружках. Но, несмотря на это, я испытывал неудовлетворенность, потому что очень хотелось понять, где мое место на Земле и в чем смысл моей жизни.

Мои дедушка и бабушка с одной и с другой стороны очень активно подогревали во мне это желание, говорили, что необходимо искать истину. Я также занимался самыми различными видами спорта: легкой атлетикой, борьбой, конькобежным спортом, хоккеем, футболом, баскетболом, гандболом. Но я понимал, что в спорте человек реализует себя только физически, а этого недостаточно, чтобы ответить на вопрос о смысле жизни.

Ответ на этот вопрос начал появляться с того момента, как я заинтересовался физикой, математикой и астрономией. Посещение астрономического кружка и возможность глядеть в небо эмоционально очень поразили меня. Открывался огромный мир, и ты начинал казаться себе очень маленьким, ничтожным. И снова возникал вопрос: если ты такой маленький в этом мире, то кому ты нужен и для чего появился?

Я стал читать огромное количество популярных книг по ядерной физике. Там открывался совершенно другой мир, не менее интересный, чем космический. Конечно, поражал и мир математики – огромный внутренний порядок, который существует во вселенной. Кто создал этот порядок? В чем вообще предназначение человека, если он такой маленький, так сказать, вообще никакой?

Поэтому в юности для меня самым главным был, конечно, поиск истины.

Неожиданный переворот

Я первый раз столкнулся с христианством, когда мне было шестнадцать. Это произошло очень просто: я тогда увлекался йогой, и человек, который мне давал книги по йоге, сказал, что у его приятеля тоже есть очень хорошие книги. Он скупщик этих книг, делец, он их где-то собирает и перепродает. Я тогда спросил, можно ли где-то с этим человеком познакомиться. Попросил его телефон. Мне все-таки было интересно, что это за книги.

Мне дали телефон, я позвонил по нему, но этот скупщик книг не всегда брал трубку. Потом однажды он все-таки подошел к телефону, и я сказал ему: «Знаете, мне сказали, что у вас есть такие-то книги, а меня они интересуют с точки зрения познания мира». Он долго меня расспрашивал, откуда у меня его номер, но когда узнал, что я занимаюсь в кружке астрономии во Дворце пионеров, то успокоился, сказал, что знает руководителя моего кружка. Каким-то образом он согласился со мной встретиться.

Леонид Александрович Михайлов

Он играл в карты на эти книги, на иконы, безумно пьянствовал, проматывал деньги, по тем временам очень большие деньги. У него был период, когда ему эти книги привозили, они какое-то время находились у него дома, а потом куда-то продавались либо проигрывались.

Мне тогда было всего шестнадцать лет. И он согласился на то, чтобы я читал эти книги у него на кухне, пока он в другой комнате играет в карты с друзьями, но за это я должен был регулярно сдавать бутылки, огромное количество бутылок, которые они выпивали. И каждый раз я должен был убирать после них, учитывая, что все они там были обкуренные, но зато мне

удавалось читать.

И когда я стал выбирать книги по йоге, по древнеиндийской философии, то этот скупщик книг сказал: «Что ты занимаешься такой ерундой?» Зашел такой в нетрезвом виде и говорит: «Занимайся православием». Я спрашиваю: «А где взять православие?» А он отвечает: «Вон там куча православных книг, выбирай любую». И когда я начал читать православную литературу, святых отцов, во мне произошел неожиданный переворот.

Моя бабушка жила рядом с церковью святого Иоанна Предтечи, и я раньше часто проходил мимо, мог зайти. Заходил и думал: надо же, какие несчастные люди эти верующие. Я занимаюсь системой формирования галактик: тонковолокнистые туманности, потом формировались галактики, такие миры, такие планеты. Они тут на коленях и кому-то молятся, а я развиваюсь.

Тогда вышла книжка Иосифа Шкловского «Вселенная. Жизнь. Разум», а также «Звезды: их рождение, жизнь и смерть», «Как работает солнце», и казалось, что мы так близки, что только руку протяни – и галактики у тебя уже в кармане. А тут стоят, бедные, на коленях, кому-то молятся: православные воспринимались больше как туземцы.

И вдруг, когда ты сталкиваешься с книгами Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Григория Паламы, начинаешь открывать Антония Великого, Макария Великого, Исаака Сирина, ты начинаешь понимать, что целый космос в самом человеке заключен. И думаешь: ну и пускай там висят звезды на небе, хорошо, – тут не до них, тут дело в тебе, какое ты имеешь отношение к этим звездам.

Как сказал Симеон Афонский: «Ты хочешь познать солнце, а не хочешь ли ты познать Того, Кто создал солнце, может быть, если ты начнешь познавать Того, Кто создал солнце, отпадет необходимость познавать само солнце?»

Ты помнишь, как ты нас тогда мучил вопросами?

И вот тогда начались мои встречи с отцом Георгием. Правда, первая встреча была с другим священником. Я к нему подошел, сказал: «Вот, у меня есть вопросы, связанные с религией». Он спрашивает: «Какие?» Я отвечаю: «Ну, вот есть индийское учение, есть греческое учение, есть египетское учение». А он: «Молодой человек, что вы мне тут пришли морочить голову? Какие-то учения там есть… А у меня вот конкретно: пришла женщина, у нее сын повесился, понимаете? Мне нужно сейчас с ней беседовать, а вы мне тут о каких-то учениях пришли голову

морочить?» Я ушел и понял, что меня, мои проблемы тут не услышат.

Леонид Александрович Михайлов на заседании Попечительского совета Московской консерватории

А когда я пришел к отцу Георгию, он стал внимательно меня слушать. Отец Георгий был знаком с Севой Семенцовым, а Всеволод Сергеевич Семенцов знал три древних языка: латынь, древнегреческий, санскрит (он был востоковед) и порядка двадцати – двадцати пяти современных иностранных языков, в том числе английский, французский, немецкий, испанский, польский, венгерский, чешский. Поэтому отец Георгий понимал некоторые вопросы индийской культуры. Он стал мне все объяснять: аргумент, контраргумент. И вот так три года.

В девятнадцать лет я крестился. И три года были мучительными для моего будущего крестного отца, потому что по несколько раз в неделю я брал список вопросов, привозил к нему, и мы с ним эти вопросы обсуждали. Причем не только с ним, но и с другим священником, с настоятелем, который служил тогда у нас на Красной Пресне, с отцом Николаем. И когда потом я, уже будучи взрослым человеком, приезжал в церковь, настоятель говорил: «Ты помнишь, как ты нас тогда мучил вопросами, помнишь? Ты же нас всех тогда просто выпотрошил…»

Но надо сказать, что путь к христианству у всех разный. И чем человек менее высокоумный, а простой и чистый, тем эти христианские истины ему даются легче. Чем больше у человека

знаний, тем ему труднее: нужно все время сопоставлять знания, которые он получает в христианстве, с тем большим информационным мусором, которым было ранее заполнено его сознание. Поэтому доступ людей, отягощенных знаниями, к пониманию христианских истин очень труден. Простые вещи такие люди часто постигают, к сожалению, только в самом конце жизни.

Мое крещение

Крестился я в строительном вагончике – отец Георгий в нем лето проводил. Стояли два вагончика на одном участке. Вагончик отца Георгия был разделен на две части: в передней части жил он сам со своей семьей, а с другой стороны помещалась скотинка, поросенок. Напротив стоял другой вагончик, где жил знаменитый отец Димитрий Дудко, с которым мы очень много спорили. Я знаю, что его семья претерпела огромные страдания, я был у него дома, знаю, как он страдал, как ему угрожали.

Нам сказали, что наше крещение будет 31 августа, и отец Димитрий подарил мне и жене два крестика с камешками разными. Вагончик состоял из комнаты, метров десять, и небольшой веранды, метров пять, и на этой веранде нас крестили. Стояла ясная погода: солнечный день, чистое небо. И вот как только нас окрестили, вдруг неожиданно, среди ясного неба, при светящем солнце, полил ливень как из ведра. Он шел где-то пять минут, всех окатил, и снова засветило солнце.

Люди постоянно делали выбор

Чем мне дорог этот период? Тем, что в храмах была другая обстановка. Все понимали, что твое хождение в храм может повлиять на твой социальный статус. Конечно, это не те гонения, которые претерпела Церковь в годы революции и сталинских репрессий. В наши времена, времена Брежнева, могли выгнать с работы, из комсомола, института, но это, конечно, несопоставимо с тем, что было в предыдущие годы.

И тем не менее люди постоянно делали выбор между социальным статусом и внутренней потребностью быть с Богом. И поэтому любое движение в сторону храма было в той или иной мере подвигом. Некоторые за этот подвиг страдали. Один из моих друзей серьезно пострадал. Он оказался в психиатрической больнице. Другого посадили в тюрьму. Но обстановка в храме была очень молитвенная.

Чем больше человек страдает, тем глубже он слышит Бога

Большинство людей, которые претерпели какие-то реальные страдания за веру, не захотят об этом рассказывать. Во-первых, во время страданий за веру человек особым образом чувствует Христа. И если потом спросить этого человека, хотел бы он, чтобы этих страданий не было, он ответит: нет. Путь это будет, но это настолько глубоко личное, что делиться этим человек не захочет.

Во-вторых, самое хорошее богословие только во время страданий. Если ты реально физически, морально, душевно страдал за Христа, то из этих скорбей ты выходишь со своим личным богословием. У тебя это твое личное богопознание, ты не сумеешь передать его словами, но забрать его у тебя невозможно.

Если ты идешь за Христом, ты начинаешь страдать. Начинаешь понимать, что невидимый мир гораздо реальней и ближе, чем видимый.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) назвал автобиографию «Я полюбил страдание». Чем больше человек страдает, особенно за Бога, тем глубже он Его слышит. Чем ближе ему Бог, тем меньше человек хочет говорить. Это очень личный опыт.

Оставьте все и идите сторожем в церковь

Расскажу вам историю уже не про себя, а про архиепископа N, моего самого близкого друга. О нем можно очень много историй рассказать.

Владыка окончил Институт международных отношений и занимал довольно высокий пост в светском мире. И вот как-то в четверг он приходит ко мне домой. Он все время советовался, никогда ничего не делал без совета. Приходит ко мне и говорит: «Знаешь, у меня есть проблема: я член партии, а вот недавно принял крещение». А он крестился взрослым, в тридцать лет. Говорит еще: «Я слышал, что есть такой старец в селе Ракитное Белгородской области, который может дать духовный совет. Как ты смотришь на то, что я поеду – к старцу?» Я отвечаю: «Ну поезжай».

И он в пятницу вечером сел в поезд и поехал к известному старцу, архимандриту Серафиму (Тяпочкину), тому самому, который говорил: «Нужно больше доверять Богу, а то все сам да сам. Тяжело ведь самому».

Утром в воскресенье мой друг вернулся обратно, сходил на службу, а после службы он иногда приходил к нам обедать. И в этот раз пришел обедать. Я спрашиваю: «Ты съездил?» Он

отвечает: «Да, все, съездил». – «Как прошел твой разговор со старцем?» – «Ну, я ему рассказал, что у меня есть такое смущение, что я принял православие, крестился, но являюсь партийным человеком, связан с международными отношениями. Получается, я как бы обманываю людей. Старец меня спрашивает: “А что, молодой человек, хотите ли вы, чтобы ваша жизнь сложилась счастливо?” Я на всю жизнь запомнил эти слова. Отвечаю: “Ну, вообще, конечно, хочу”. – “Оставьте все и идите сторожем в церковь”».

Нужно понимать, что значило для человека, окончившего Институт международных отношений, специалиста по Ираку и Ирану, в то время уйти работать сторожем в церковь. Это означало перечеркнуть всю свою карьеру – обратной дороги уже не будет. Он мог так и остаться сторожем в церкви на всю оставшуюся жизнь. Спрашиваю его: «Что ты решил?» Я очень хорошо помню этот разговор, помню очень точно его ответ: «Я решил послушаться».

Вот в этом «я решил послушаться» заключалось его высочайшее смирение и доверие Богу. Он всецело себя доверил Богу, внутренне решил, что как старец скажет, так он все и примет. Он уже доверился Богу, когда поехал к старцу. Ехал узнать волю Божию. Ну кто знал тогда, что он станет архиепископом?

Архиерейские пояс и четки

Приехал я как-то в Пюхтицкий монастырь. Сидим мы с матушкой[10], пьем чай, разговариваем. И я вижу: она думает о чем-то другом. Вроде беседуем на одну тему, а мысли ее где-то там. Она говорит: «Знаете, Леонид Александрович, со мной непонятно что происходит». Я спрашиваю: «В каком смысле?» – «Я хочу вам признаться: у меня есть огромное внутреннее желание подарить вам архиерейские пояс и четки».

Я, конечно, очень хорошо знал, какие красивые пояса вышивают пюхтицкие сестры. Говорю матушке: «Вы не стесняйтесь, если у вас есть, что подарить, вы мне подарите, я с удовольствием приму». Я знаю, что нужно все брать. Она говорит: «Я не могу понять, откуда это желание. И почему я должна дарить вам архиерейские четки и пояс? Я сама себя спрашиваю и чувствую, что должна подарить вам архиерейские пояс и четки. Ну что, дарить?» Я говорю: «Конечно, дарите». Она просит сестер: «Девочки, принесите мне пояс и четки в коробочке». Я приезжаю домой и кладу это все в тумбочку под иконы.

Через какое-то время в Москву приезжает отец N, еще будучи

священником. А он тогда был инспектором духовной семинарии. Звонит мне: «Леонид, тут у меня произошли большие изменения. Меня приглашал к себе Святейший Патриарх, и меня избрали епископом. Но тут есть одна такая трудность. Мне для хиротонии необходимо облачение. Не мог бы ты мне сейчас помочь?» Я отвечаю: «Владыка, я с удовольствием куплю вам все облачения, все что нужно».

Игумения Варвара (Трофимова)

Мы с ним поехали в Софрино, взяли перечень всего необходимого, заказали. Потом приезжаем в пятницу – у них все готово, но нет архиерейских пояса и четок. Нас спрашивают: «Может, вы завтра приедете, в субботу?» Он отвечает: «У меня уже в воскресенье хиротония». А хиротония у него была в Богоявленском соборе.

Тогда нам предлагают: «Вы знаете, подвезут, мы вам сообщим, позвоним». Ну, мы как бы в этом ожидании, что нам позвонят. Пятница проходит, и я вспоминаю, что у меня есть архиерейские пояс и четки из Пюхтицы. Звоню. Владыка спрашивает: «Что, звонили из магазина?» Я отвечаю: «Нет, просто вспомнил, что у меня есть архиерейские пояс и четки».

Я очень хорошо помню, как он с этими янтарными четками и голубым поясом был на хиротонии.

Надо научиться дружить со святыми, а людей надо любить

Помню, еще в самом начале его служения, когда он был священником, я его спросил: «Владыка, у вас есть друзья?» Он мне ответил: «Леонид, в друзья себе надо всегда стараться брать святых и не брать земных людей. Надо научиться дружить со святыми, если они тебя примут, а людей надо любить».

Я бы пожелал всем научиться понимать, что Царствие Божие внутри вас. Всегда следите за тем, чтобы душа была наполнена Божественной благодатью. Для этого ее нужно хранить, нужно очень трепетно относиться к любой святыне. Коснулся святыни, задача дальше одна – хранить то, что получил. Если чувствуешь, что святыня в тебя не проникает, значит в тебе причина, нужно узнать причину, в чем дело. Нужно быть занятым плетением корзин своей души постоянно.

Второе: нужно очень бережно относиться ко времени. Ни о чем так не жалеют перед смертью, как о напрасно потраченном времени.

И третье: нужно спешить творить добрые дела. Ни в коем случае не думать, что ты это сделаешь завтра, послезавтра. Нужно обязательно быть проводником Царствия Божия на Земле и наполнять свою жизнь этой добротой. Тогда корень твоей души, смысл твоей жизни будет уже в горнем месте, а значит, не будет подвержен тлению.

Смерть убежала от человека

Вот если вспомнить кончину игумении Варвары, то на похоронах у всех сестер были радостные лица. Почему? Все ощущали ее присутствие, возможность общения с ней. Хотя вроде стоял гроб. С чем столкнулись в монастыре, с каким потрясающим явлением? Смерть убежала от человека. Она не выдержала.

И еще все чувствовали присутствие ангелов. Они пришли, чтобы забрать праведницу на небо. И все после кончины ее ощущали жизнь. Все говорили одно и то же: матушка в прямом доступе! К ней можно прийти поговорить. Хочешь, пожалуйста, разговаривай, вот она стоит перед тобой. Нужно, чтобы этот прямой доступ начинался здесь, на земле.

С Богом лучше, надежнее, и умирать не так страшно

Рассказывает Анна Карповна Пензина из села Изосимовка Ковылкинского района республики Мордовия

Моя мама и ее сестра Анна остались сиротами

Мой дед погиб в Первую мировую, бабушка умерла молодой от болезни. Моя мама и ее сестра Анна остались сиротами. Двоюродный брат взял девочек-сирот на воспитание. По достижении ими восемнадцати лет он выдал девушек замуж, не спрашивая их согласия. Моя тетя Анна впервые увидела своего будущего супруга, Якова Семеновича Зарубина, в храме на венчании.

Мужа Анны посадили в тюрьму, как сына кулака

Это были тяжелые двадцатые годы. Мужа Анны Якова посадили в тюрьму, как сына кулака, вскоре после свадьбы. Одно событие помогло ему пережить тяготы заключения в Пензенской области. Якова посадили в переполненную заключенными камеру с деревянными нарами и холодным бетонным полом. Но ему нары все-таки достались. А вот мужчине, которого затолкнули в камеру позже, нет.

Анна Карповна Пензина

Яков оказался единственным человеком в камере, который пожалел новенького и потеснился, пустив его на свои нары. Спустя какое-то время его соседа не только оправдали, но и поставили начальником лагеря. Он не забыл добра Якова. Посылал его на более легкие работы, одежду выдавал получше, потеплее.

Супруге его на воле приходилось несладко. В селе был организован комитет бедноты (комбед), члены которого ходили по домам в любое время суток и отбирали все, что попадалось под руки. Комбедовцы вытаскивали даже еду из печки и забирали всю одежду, кроме той, в которую были люди одеты, поэтому все односельчане спали в одежде. Однажды ночью Анне выстрелили в окно, потом пробили окно железным прутом. Слава Богу, никого не зацепило, но страху натерпелись.

Родилась я за неделю до начала Великой Отечественной войны

Моя мама Мария была выдана замуж за Карпа Петровича Ильина. Родилась я в деревне Кичатово за неделю до начала Великой Отечественной войны, третьим ребенком в семье. Отец умер в госпитале от ран в 1942 году, и мама осталась одна с

тремя детьми без помощников.

Мой дядя Яков отсидел свой срок и вернулся в деревню. В 1941-м его, как и моего папу, забрали на фронт. Но, в отличие от отца, дядя Яков вернулся домой живым: в 1943-м после двух ранений его комиссовали. Детей у тети Анны не было. Поэтому они с дядей уговорили мою маму отдать им меня, сказав, что я все равно не выживу, если останусь в родной семье. Мама оставляла нас на целый день одних, сама работала на колхозном поле. Домой возвращалась поздно. Меня находила уснувшей либо под кроватью, либо под столом. Выбора у нее не было.

В возрасте двух лет меня отдали в соседнее село

Так, в возрасте около двух лет, меня отдали в соседнее село Волгапино к моей родной тете Анне. Там я голода не знала. Все-таки мои приемные родители работали вдвоем. Со всей улицы с фронта вернулись двое мужчин. Правда, Якова раны беспокоили очень долго, особенно после летних работ: косьбы и уборки урожая.

Меня также оставляли на весь день одну. Однажды зимой я вышла в коридор, а назад зайти не смогла. На мой плач пришла соседка, но пройти в коридор ей не удалось: дверь на замке. Так она подлезла под сени, выломала доску с пола, забралась ко мне и впустила в избу, иначе бы я замерзла.

Мои приемные родители были очень добрыми

Мои приемные родители были очень добрыми, между собой никогда не ругались. Тетя строго следила за хозяйством, я никогда не смела ее ослушаться или, еще хуже, перечить ей. Потом, после замужества, когда жили со свекровью и свекром в течение девяти лет, тоже не могла и помыслить что-то противное старшим.

Сейчас времена круто изменились: нынешние дети чуть ли не в драку лезут с родителями, если что против их воли.

Пшеничный хлеб в обмен на хлеб из лебеды

Через дом от нас жила многодетная семья, отец погиб на фронте. Я им носила пшеничный хлеб в обмен на хлеб из лебеды, травы-сорняка. Он такой зеленоватый, на вкус сладковатый. Мне он нравился. Еще они ели хлеб из желудей, такой страшный, темный, похожий на глину.

Очень не хватало сладкого. Чай с сахаром пили один раз в

неделю, после бани. Помню, одной из сестер этой семьи сшили платье из мешковины: в мешке проделали дырки для головы и рук. Она так радовалась обнове!

К больному с гостинцем

Дядя Яков был рыбаком. Если узнавал, что кто-то в селе заболел, отправлял меня к больному с гостинцем: свежей рыбкой. Мне кажется, даже одного этого штриха достаточно, чтобы понять характер дяди Якова: добрый, милостивый, жертвенный. Он не ожесточился душой после тюрьмы и лагеря, куда его бросили безвинно. И там Господь хранил его за добрый нрав.

Ну-ка, кто тут воровка?

Однажды со мной произошел такой случай: мы с подругой шли мимо чьего-то сада, и я сорвала несколько вишен (у нас вишни не было). Подруга, увидев хозяйку, съябедничала. Та подошла ко мне с собранной вишней в посуде и строго так говорит: «Ну-ка, кто тут воровка?» Я готова была провалиться сквозь землю, глаза опустила, стою, еле дышу. А она продолжает: «Ну-ка, подставляй подол». И высыпает мне в подол всю свою вишню. Оказалось, что когда-то мы им передавали рыбный гостинец.

Крест с купола не смогли снять никакими усилиями

Тетя Анна, как и моя мама, была неграмотной, но знала много молитв. Читала на ночь, перед едой, в праздничные дни. Храм в селе Волгапино был деревянный, очень красивый. Его переоборудовали под склад. Крест с купола не смогли снять никакими усилиями. Обрывалась железная цепь всякий раз, как тащили его трактором. Так и оставили. Только в конце восьмидесятых храм сожгли, потом построили новый, каменный конечно, не такой красивый, как прежний.

Деревенский быт

Деревенский быт был очень невзрачным, скудным. Однокомнатная изба с низкими, без занавесок окнами. Стены бревенчатые, черные от копоти. По углам плесень. У входа печка, в которой готовилась вся еда. Рядом с ней голландка без дверки, служащая для отопления. Топили хворостом. Угля, торфа не было. Все это появилось с 1962 года.

Рядом с печкой стояли скамья и стол для приготовления еды. В красном углу – иконы. Под ними обеденный стол. Рядом широкая, длинная скамья под окном, которая ночью служила кроватью. В последнем углу, вдоль стены, самодельная деревянная кровать. Постелями служили тулупы и фуфайки. Шкафов не было.

Все самодельное

Летом от зари до зари работали в колхозе, на полях. Зимой тетя Анна целыми днями ткала. Ее ткацкий станок занимал почти все свободное место в избе. Работа эта была очень трудной и нудной. Я ей помогала, у тети очень уставала спина.

Осенью собирали коноплю, которую замачивали в водоемах, затем сушили, били палками. Получалось грубое волокно, которое замачивали в золе в чугунах, ставили в печь, затем толкли в ступе. Готовый холст сушили перед домом на траве. Тогда улицы были чистыми, без стекол, без мусора, без колеи. Трава-мурава росла.

Вручную шили одежду. Дядя Яков выделывал овечьи шкуры, плел корзины, короба, лапти – все самодельное. Освещение в доме было от керосиновой лампы, тусклой и вонючей (электричество провели в шестидесятые годы). Мы ходили в лаптях осенью и зимой. Летом босиком. Помню, однажды купили мне здоровенные мужские ботинки. Других не было. Я в них ходила, уставала, очень было неудобно.

В колхозе работали за палочки (трудодни). За них в конце года выдавали немного продуктов и немного денег. Народ жил очень бедно. У некоторых в избах были земляные полы. Дети рождались часто на полях, во время работы. В те годы в колхозах сажали все: картофель, горох, турнепс, коноплю, табак, рожь, пшеницу, овес. Все обрабатывалось вручную и на лошадях.

Народ отмечал церковные праздники

Народ отмечал церковные праздники: Пасху, Рождество, Успение, Троицу. Советские праздники – Новый год, 7 Ноября, 8 Марта – не признавали, их отмечали в школе учителя с учениками где-то с шестидесятых годов.

Зимой собирались в избах. Мужчины пели «Черный ворон», «Не для меня» и другие песни. Пели красиво, душевно. Очень веселые были свадьбы. На столах блины, деруны из тертой картошки, сырые яйца, самогон. Пили в меру. Алкоголиков не было. Про посты знали, соблюдали их не строго, и так питались

очень скудно. Мои приемные родители только Великий пост соблюдали.

Запомнились слова молитв, которые читала моя неграмотная тетя, не знавшая русского языка. Пасхальный тропарь «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» она читала как «воробей живот даровав». Тропарь Николаю Чудотворцу: «…сего ради стяжал еси смирением высокая, нищетою богатая…» она читала как «стержень Вася смирения высокая». Путая слова, молились! Вот вера! А смысл-то они понимали! А мы понимаем слова, но не молимся. Оскудение веры.

Как-то люди по-доброму веселились

В детстве меня всегда будили рано – в шесть часов. Приходилось носить воду из колодца, из родника, который находился очень далеко от села, сено с лугов таскали вязанками на спине. Белье, помню, полоскать носили на речку Мокша, зимой тоже. Работали все очень много.

Но праздничные и воскресные дни соблюдали, хотя бы до обеда. Было намного веселее, чем сейчас. На Троицу, помню, всюду звук гармошки, песни, пляски. Молодежи было очень много, часто игрались свадьбы. Пьяных нигде не было, драк я не видела. Как-то люди по-доброму веселились.

В школе нательные крестики не разрешали

В школе занятия в основном велись на нашем родном языке, мордовском. В дальнейшем были немалые трудности из-за плохого знания русского. У нас была семилетка, и поэтому восьмой, девятый, десятый классы пришлось заканчивать в другом селе, в районном центре Рыбкино, в девяти километрах от нас. Ходили пешком – осенью и весной ежедневно, а зимой один раз в неделю, но с продуктами на шесть дней. Жили мы в интернате, готовили сами на голландках по очереди, поэтому вставали рано. На школьных праздниках часто показывали номера со спортивными пирамидами.

В школе я училась как все. Была пионеркой, за что тетя Анна меня сильно ругала. Позже комсомолкой. В партию не вступала. Крестик стала носить позже, и то в кармане. В школе нательные крестики не разрешали и снимали.

Молитвенная помощь матери сыну

Многим жителям села Волгапино был известен случай молитвенной помощи матери сыну. Во время войны одна женщина получила с фронта две похоронки подряд: на мужа и старшего сына. У нее оставался единственный, младший сын, тоже на фронте, к тому моменту вестей от него уже не было. Она стала молиться о нем ночами.

Оказывается, сын был в плену и смог сбежать. Ночью бежал, а днем прятался. Однажды залез в стог сена, чтобы отсидеться до темноты. Но в сумерках пришли туда две немецкие парочки и обнаружили его. Парни, военные, хотели его застрелить или сдать, но девушки смогли их отговорить, и его отпустили. Потом он скрывался в колодце, немцы туда приходили за водой, но его не заметили.

Когда он вернулся к своим, его не посадили в сталинский лагерь как изменника, видимо, смогли скрыть от властей, что он был в плену. Таким образом, юноша выжил в самых безвыходных ситуациях, без ран вернулся домой и здравствует по сей день. Это Семен Зарубин, проживает в настоящее время в городе Ковылкино.

«Прозорливый поп»

У сестры Якова муж был священником: Потапкин Дмитрий Данилович из деревни Керетино. У него еще два брата, Никифор и Иван, тоже служили священниками. Отца Дмитрия в тридцатые годы увезли на «черном вороне». С тех пор о нем вестей не было. Отец Никифор служил в селе Каменки Ельниковского района до конца своей жизни. Родная сестра Якова была очень набожной, наизусть знала много молитв и песнопений.

Меня возили крестить к батюшке Якову за девять километров, в село Рыбкино. Отец Яков сейчас прославлен как местночтимый святой. Он много претерпел за веру: местные блюстители порядка часто избивали его за служение священника – он служил молебны, литургию у себя в доме, так как церковь в их селе разобрали. У него окормлялись монахини из окрестных сел, которые ранее подвизались в Кимляйском женском монастыре.

Постройки этого монастыря власти передали сельхозартели села Сутягино, располагавшегося далеко от Кимляя, так как крестьяне Волгапина и Кимляя отказались поднимать руку на обитель, выросшую на их глазах и при их участии. Позже оставшиеся после разрушения корпуса монастыря были приспособлены под детский дом, причем эти корпуса были полностью разграблены.

Отца Якова звали «содай поп», что в переводе с мордовского

означает «прозорливый поп». Он многих обличал за неправедные действия. Усердно, слезно молился. Предсказал свою кончину. Почил в 1953 году. В его доме было множество икон, духовных книг, которые после его смерти разобрали его духовные чада, в частности из села Изосимовка (в пятнадцати километрах от села Рыбкино), где я сейчас и живу. У нас же были только иконы в красном углу.

Тетя Анна тайно организовала нам венчание

Когда я вышла замуж, тетя Анна тайно организовала нам венчание в селе Каменки. Муж мой был партийным. Моих детей, их трое, возили на поезде в соседний район для крещения. Хотя они были все младенцы, в первом храме их не приняли, сказали: «Их пора женить, а вы их крестить собираетесь». Потом пошли в другой, хотя там батюшка куда-то торопился, но нас принял и всех деток наших окрестил. Взял немного денег, сказав, чтобы мы поели сами. А мы, крестная моих детей и я, были действительно очень измученные и голодные.

Правда восторжествовала

Первую свою молитву «Живый в помощи Вышняго» я получила в рукописном виде по почте из Москвы. Моего мужа и двух его братьев оклеветали и обвинили в убийстве. Было заведено судебное дело, которое длилось целый год. Вот тогда родная тетя моей свекрови, которая воспитывалась в Кимляйском женском монастыре, и прислала мне это письмо с молитвой.

Правда восторжествовала. Лжесвидетели были арестованы. Другие участники покинули деревню Бранчеевка из-за стыда.

Благодарили Бога, что все живы

О вере мало чего знали. Больше выполняли обряды. Накануне Пасхи мой муж кадил дом, двор, всех членов семьи. Потом встречали Пасху, зажигали лампадку, три свечки. На стол ставили хлеб, соль и воду. Всей семьей молились: «Господи, помилуй». Это все, что я знала.

Затем перечисляли имена живых. После чего муж посыпал хлеб солью, отрезал кусок, запивал водой, отдавал мне, я – детям по порядку. Потом так же за упокой. Благодарили Бога, что все живы, и просили Его, чтобы также встретить следующую Пасху. Яйца красили всегда. С утра дети приходили христосоваться.

Сильно веровать нужно старым людям, а нам это ни к чему

Недалеко от нас жили две богомольные старушки. Придешь, бывало, к одной, а она плачет и говорит: «Эх, Яковлевна, если бы ты знала, как все было, как Христос за нас страдал…» А я не понимала, думала, что нас это не касается. Что так сильно веровать нужно старым людям, а нам это ни к чему.

И сделалась молитва моим спасением

Потом муж сильно запил. Кто-то подсказал, что надо «Богородицу» по сорок раз читать с земными поклонами. Я стала так делать. А после каждой молитвы просила слезно своими словами. О чудо! Промежутки между запоями увеличились, муж стал менее агрессивный. И сделалась молитва моим спасением. Очень переживала, если мужа долго не было. Просила Богородицу, и муж буквально через несколько минут приходил. Потом вдруг подумала: а что я посты не соблюдаю? Богородицу прошу, а сама не постничаю.

Первый храм открылся в девяностых годах в селе Большая Азясь. Сразу туда поехали. Первые книги – молитвослов, «Люди и демоны» священника Родиона. Сразу после прочтения этой книги я сожгла игральные карты и все гороскопы.

То ли на земле, то ли на небе нахожусь

Первая паломническая поездка была в Дивеево в 1996 году. Так мне там понравилось, что действительно я не понимала: то ли на земле, то ли на небе нахожусь. Потом очень долго вспоминала эту первую поездку. Если что-то случалось неприятное, мысленно переносилась в дивеевский храм Святой Троицы и успокаивалась. И конечно, мечтала попасть туда еще раз. Господь исполнил мое желание. Очень радовалась возможности приобрести духовную литературу, иконки. Глядя на меня, стали втягиваться в духовную жизнь моя близкая подруга, В. И. Артамонова, и моя дочь.

Троицкий собор Серафимо-Дивеевского монастыря

И вдруг почувствовала легкость, боль из сердца исчезла

Однажды Господь посетил меня таким образом. Увидев, что муж вновь пьян (а это означало начало двухнедельного запоя, потом недельного выхода из него, еще более тяжелого, чем сам запой), я сильно заскорбела. Потом вдруг решила: дай-ка помолюсь за себя (обычно за него), чтобы успокоиться. Усердно просила Бога.

И вдруг почувствовала легкость, боль из сердца исчезла, выхожу из комнаты счастливая! Следом выходит из другой

комнаты проспавшийся муж, смотрит на меня и удивляется: что это со мной? А я ему так ласково: «Кушать будешь?» И ему стало радостно, улыбается. Вот она, благодать Божия. Чудеса какие творит.

Трижды была на грани смерти

Слава Богу за все! Господь ведет меня по жизни буквально за руку. А в самые трудные моменты берет на руки. Трижды была на грани смерти. Два раза в детстве и один раз в 2001 году. Выздоравливала без больниц. Сколько раз падала. Бывало, ведешь быка с привязи, а он тебе ноги обмотает и дернет, и со всего роста валишься на землю. Ушибы, боль, а переломов нет. Бывало, картошку копаешь осенью, после родов, и никаких воспалений.

После родов декретный отпуск был около двух месяцев. Помню, во время перемен бегала домой покормить ребенка. У меня трое детей. Пока я на работе, с ними свекровь. Заочно училась, часто приходилось готовиться к сессии ночами: одной рукой качаю зыбку, другой пишу. Днем прилечь не было возможности.

В деревне все держали много скотины – корова одна или две, поросята, куры – и еще летом огромный огород и сенокос. Подъем всегда не позже пяти, а то и в три. На сенокос приходилось ездить очень далеко, рядом травы не было, все съедала домашняя и колхозная скотина, да и власти запрещали косить.

Я крестик носила в кармане, мужу вшила в воротник

Я работала в школе. Помню, как у нас в школе разбирали все случаи появления в урнах крашеной скорлупы от пасхальных яиц. Однажды во время медосмотра увидели крестик на шее у мальчика. Вызывали родителей, беседовали. Все свалили на бабушку, мол, она надела. Я крестик носила в кармане, мужу вшила в воротник. И была уверена, что люди все верующие, только скрывают веру из-за страха перед властями. И детям всегда говорила, что врут те, кто говорит, что Бога нет, – тайно все веруют.

Вот как смалодушничала

Неприятный случай был в моей жизни. В начале восьмидесятых написали в министерство образования жалобу, что у меня в доме есть иконы. Директор школы сообщил мне об этом, велел их убрать. Прибежала вся в слезах, завернула иконы в

чистые полотенца и спрятала. Сама прошу прощения у Бога. Вот как смалодушничала. А проверяющие домой и не приходили.

Директриса школы пришла к вере через великие скорби

В девяностых в журнале «Начальная школа» появились первые коротенькие молитвы. Я рассказала директрисе (на тот момент была уже другая), она выразила категорический протест против обучения детей молитвам, упрекнув меня в том, что посещаю храм. Много позже она тоже пришла к вере через великие скорби.

Я не узнала тех мест

Как все сейчас изменилось, все заросло травой, деревьями, коси сколько хочешь (причем у всех бензокосилки), только некому, и скотину мало кто держит. Мужчин в деревнях по пальцам можно пересчитать, да и те практически все страдают алкоголизмом.

Этим летом съездили в деревню Бранчеевка, где мы прожили девять лет у родителей мужа. Я не узнала тех мест – там дикий лес. В дом с трудом пробрались, жилых домов осталось около десяти. Хотя там сейчас и газ, и водопровод, и асфальтированная дорога до села, и телефонная связь, почва очень плодородная, чернозем. В селе Волгапино чуть побольше жителей, но тоже вымирает потихоньку.

Открыли Кимляйский Александро-Невский монастырь

В 1997 году открыли Кимляйский Александро-Невский монастырь, только он теперь мужской, в пяти километрах от нас. Какой праздник был – день его посещения! Все мои болезни уходили после причастия, на душе радость. В 2004-м построили в нашем селе Изосимовка храм Космы и Дамиана. Бывало, в Кимляй за пять километров пешком ходила, а сейчас в свой, за один километр, порой не дойду.

С Богом лучше, надежнее и умирать не так страшно

Если сравнить две вехи в моей жизни – половину советскую и другую, меньшую половину, церковную, – то могу сказать, что в атеистическое время люди были нравственно выше, намного

чище. Пусть темные, отсталые с их «воробьем», «стержень Васей», но сильные духом, телом.

Сейчас открылся бескрайний мир веры. С Богом лучше, надежнее, и умирать не так страшно. Только очень жаль, что в храме нашем немноголюдно, порой вовсе пусто, мужчин почти нет. Получается, трудности на пользу.

Помоги нам всем, Господи!

Слава Богу! Есть телеканал «Союз». Познакомились с замечательными батюшками. Священники – это особые люди, у них особенные лица, взгляд, речь. Порой смотришь на них как на ангелов, как на Самого Господа Иисуса Христа. Если бы не они, то мы так ничего и не поняли бы в непознанном мире веры. Спаси их всех, Господи! Конечно же, сейчас стали что-то знать, но выполнять не всегда хватает решимости. Помоги нам всем, Господи!

Мы прекрасно понимали, что такое Октябрьская революция, но всегда любили свою Родину

Рассказывает Владимир Владимирович Алилуенко

Мой отец никогда не скрывал свою веру

Я родился и рос на Донбассе, в Харцызске, а отец мой появился на свет в 1934 году на Западной Украине, в селе Шепетовка Хмельницкой области. Звали его Владимир Акимович Алилуенко. Его мать, то есть моя бабушка, была глубоко верующей женщиной. Его отец – советский диссидент – был отправлен в лагерь на север, точно не скажу, куда именно. В семье росли пятеро детей. Отец был вторым по старшинству среди них, но самым старшим из мальчиков, то есть на нем все держалось как на мужчине. Позже, после армии, он переехал в город Харцызск Донецкой области.

Мой отец никогда не скрывал свою веру, но при этом не хвалился ею перед всеми. Когда же дело доходило до разговора, он смело говорил с любым на эту тему. Например, когда он работал на заводе, заводчане собирались и устраивали пьянки, коллеги же, зная его отрицательное отношение к таким мероприятиям, постоянно приглашали его, как бы подтрунивали. Отец говорил так: «Ребята, сколько вы собираете? Вот, возьмите мою долю, но только я не пойду». За его бесконфликтность и мудрость многие его уважали, но были и такие, кто ненавидел его за это еще больше.

Служба была полная, по уставу

Церквей было очень мало и все небольшие. На весь Донецк – два храма, один в Горловке, один, крошечный домовый, в Шахтерске, был еще в Зугрэсе на отшибе. В Харцызске вообще не было храма. Мы на службу ездили в Макеевку. Вставать приходилось в пять утра, а иногда и в четыре. Служили регулярно и долго, не как сейчас – по два-три часа. Бывало, служили и по четыре, и по пять часов. Почти ничего не сокращали, служба была полная, по уставу.

В те годы мой отец был старостой храма

Отец знал почти всех батюшек, которые сейчас служат у нас в городе и в округе. Он их часто консультировал, когда они стояли перед выбором священства, давал им почитать духовную литературу. Владимир Олейник, будучи еще молодым парнем, только-только пришедшим к вере, также был наставляем моим отцом. Папа активно участвовал в строительстве храма Петра и Павла, настоятелем которого и является сейчас отец Владимир.

Донецк. 1962 г.

В те годы мой отец был старостой храма. За строгость и самоотдачу над ним постоянно подтрунивал один диакон, но отец не обижался на него и говорил, что он слишком молод, исправится. Сейчас этот диакон тоже настоятель храма.

Предупреждения отца

Отец мой, когда жил на Западной Украине, рассказывал, что среди молодежи в то время было модно ходить в буденовках, со значками и с армейскими звездочками. Ребята любили так гулять, ходили в лес, разбивали лагерь. Отец с ними дружил, но всячески избегал таких походов. После войны люди узнали, кто такие националисты, и отец всячески уговаривал своих друзей не ходить в лес в таком виде.

Однажды, когда эти юноши пошли в очередной поход, они не вернулись. Их больше никто не видел. Все понимали, что с ними произошло, но молчали. Этот случай настолько запомнился отцу,

что он нам говорил: «Коммунисты – это ангелы Божии по сравнению с националистами».

Также отец предупреждал, что это будет бич в будущем, грядут потрясения на Украине, в которых эти националисты проявят себя. Перед смертью, за полгода до событий на Майдане, он всем нам, родным, раздал редкую абхазскую молитву от обстрелов. Я недоумевал, спрашивал его: «Зачем? Какие обстрелы? Кто нас бомбит?» – а он ничего не объяснял, просто говорил, чтобы далеко не прятал эту молитву, пригодится!

Как моего отца послали на переговоры с баптистами

Была еще одна интересная история. В то время боролись не только с православием, но и со всеми конфессиями, особенно сектантского толка. Если ты член Церкви, то тебя не могли за это посадить, а вот если ты состоишь в подобных организациях, то с тобой могли вообще не церемониться. Секты были запрещены законом.

У нас в Харцызске довольно часто собирались баптисты, они приезжали сюда со всей Украины, их становилось так много, что на фоне небольшого города это было очень заметно. И тем более не стоит забывать, кто такие баптисты: они не служили в армии, не подчинялись советской власти, можно даже сказать, что в какой-то мере вели антисоветскую деятельность.

Отца моего хорошо знали в милиции и потому решили подключить к этому делу. Непонятно, почему они сами не решились всех там наказать, может быть, по гуманности или боялись шума вокруг этого дела. Решили сначала послать отца, чтобы он поговорил с ними. Отец пришел к ним с милиционерами и кротко, без угроз попросил их разъехаться по своим городам.

Милиционеры ничего не предпринимали, говорил только отец, милиционеры были для устрашения, чтобы все понимали, что дело серьезное. Он предупредил, что если баптисты не послушаются, то придут после него те, кто с ними разговаривать не будет, а просто посадят всех в тюрьму. Они его послушались и больше не решались устраивать свои слеты в нашем городе. После этого баптисты стали уважать отца, видя, что он относится к ним по-человечески и заступается за них перед властями.

Как проходили праздники

В дни великих праздников было трудно попасть в храм, особенно для молодежи: мало того, что в эти дни всячески

пытались отвлечь людей телевидением, так еще возле храма активно дежурили специальные патрули милиции и комсомольцев. Мы старались попасть в храм, но на Пасху практически невозможно было даже подойти к церковным воротам. Но мы все равно тихонько подкрадывались и перебирались через ограду.

Отец был против празднования таких праздников, как 1 Мая и 7 Ноября, особенно он был против всяких общественных мероприятий и митингов. Он так говорил: «Если ты идешь на какое-то шествие, то представляй, что красные знамена, которые ты несешь, – это не знамена победы коммунизма, а кровь мучеников и исповедников, пострадавших в те времена». Исключением было 9 Мая – для нас этот день был великой радостью.

Новый год не праздновали, как это было принято в советское время и как принято сейчас. Отец говорил, что ночью не водку пить надо, а в храме стоять на всенощном бдении. Тем более мы всегда постились в это время. Я был маленький, и меня, конечно, это очень расстраивало, но потом, повзрослев, я полностью принял его точку зрения.

Посты мы соблюдали строго, мне даже казалось, что отец постился сверх установленных Церковью постов, даже в воскресные дни. К себе он относился очень строго, к нам помягче.

Книги доставались очень тяжело

Книги доставались очень тяжело. В храме продавали литературу, но это была не Библия и не творения святых отцов, а маленькие брошюрки типа «В помощь кающимся» или «Что такое Евхаристия». Мой отец покупал всю литературу у грузинских монахов, которые постоянно куда-то ездили. Куда именно, я до сих пор не знаю, они особо не говорили об этом. Скорее всего, это было связано именно с книжной деятельностью. Возможно, они печатали книги где-то у себя в монастыре и ездили по Советскому Союзу, распространяли их. У отца они гостили один день, ночевали, а потом уезжали в неизвестном направлении.

Храм Иверской иконы Божией Матери. Харцызск

Отец купил у монахов Библию: очень красивую, в переплете, кожаную. Она до сих пор сохранилась. Отдал за нее около тысячи рублей, когда в то время зарплата была примерно сто пятьдесят рублей. За Толковую Библию он отдал полторы тысячи рублей. Все, что отец откладывал за год, он тратил на православную литературу, и все эти книги у нас сейчас хранятся как семейные святыни.

Я его спрашивал: «Пап, зачем ты тратишь столько денег на книги?» Иногда даже иронизировал на эту тему, как бы намекал на то, что православные продают православным книги за такие большие деньги. Говорил: «Вон у баптистов все бесплатно!» А отец отвечал: «Чем больше заплатишь, тем больше будешь ценить эту вещь». Аналогичная ситуация была с иконами, он также отдавал за них последние деньги.

Подвижники веры

Я знал подвижников веры. Один из них был отец Иоанн. Мой отец дружил с ним. Отец Иоанн был духовником нашей епархии. Он достиг такого духовного уровня, что к нему съезжались за советом и молитвой не только простые люди, но и настоятели храмов, благочинные и даже епископы со всей округи. Жил отец Иоанн в Степановке, возле города Снежного, – это село сейчас

практически уничтожено из-за боев на Саур-Могиле.

Другой был отец Димитрий, к нему также приезжало большое количество людей. Он мне помог с поступлением в мединститут. Я тогда долго не мог поступить, потому что у меня не было хорошей характеристики. Мы с отцом в то время работали на трубном заводе, и меня там хорошо знали. Также все были осведомлены, что мы ходим в храм, и потому начальники сговорились против меня. Отец же мой поехал к отцу Димитрию, который жил за Донецком (хороший батюшка, мы надеемся, что его, возможно, тоже канонизируют, как схимонаха Илию Макеевского), попросил его молитв, и вскоре после этого мне дали хорошую характеристику для поступления.

Как молился мой отец

Сам отец был для меня подвижником. Если бы вы были у нас дома, вы бы увидели вмятину в полу возле красного угла, где отец молился. Молился он очень долго. Почти каждый день вставал в пять утра, чтобы успеть помолиться перед работой. Иногда я видел, как он вставал по ночам. И из-за того, что он так часто и долго стоял у икон, образовалась эта вмятина в полу.

Гонения за веру

Отец рассказывал, что с детства почувствовал на себе, что такое, когда тебя недолюбливают из-за твоей веры. Председатель колхоза люто ненавидел отца и его семью. Жили они бедно, иногда в доме абсолютно не было еды. Отец даже говорил, что в армии он набрал шестнадцать килограммов. Настолько он голодал дома по сравнению с тем, как его кормили в армии.

Отец всегда чувствовал ответственность за близких и как-то набрал немного гороха в поле, чтобы угостить братьев и сестер. В это время проезжал тот самый председатель и, увидев, что мальчишка несет горох, набросился на него и начал избивать. Избил до полусмерти и оставил умирать на дороге. Потом председатель поехал к нам домой, сказал матери, несмотря на то что она сильно болела, чтоб она пошла и забрала сына. Мать попросила соседей о помощи, и избитого мальчика привезли домой. Все думали, что он умрет, но после долгого лечения он выздоровел, и все в семье воспринимали это исцеление как чудо.

Когда отец переехал сюда, в Харцызск, то у него быстро появилось много недоброжелателей из-за того, что он не скрывал свою веру. Он устроился на трубный завод и за усердие дослужился до мастера. Говорил, что за ним следили, был даже

приставлен специальный человек. Отца постоянно вызывали на беседу с главным начальником города, занимающимся подобными вопросами. Отец спрашивал: «Зачем вы тратите свое время на меня? Я люблю свою Родину, свой народ, я патриот своей страны и готов сражаться за нее. Зачем вы ищете во мне врага?» А за ним постоянно следили, думали, что он занимается антисоветской деятельностью.

Отца четыре раза снимали с должностей старшего мастера и начальника цеха и снова возвращали обратно. Конституционно вроде бы разрешалась свобода вероисповедания, но на деле люди даже боялись выставлять иконы на видное место в квартире, чтобы никто не увидел из гостей.

Бесспорно, отец боялся попасть в тюрьму или быть убитым (всякое могло быть), но боялся не за себя, а за нас, детей, за семью.

Были знакомые священники, которых посадили в тюрьму. Разное было! За то, что ты священник, не сажали, пытались всячески обвинить в чем-то скандальном, чтобы не только посадить, но и показать обществу безнравственного попа. Подсылали к священникам специальных людей, которых через какое-то время обвиняли в антисоветской деятельности, или подсылали сомнительных женщин, которые потом заявляли о домогательствах.

У нас в семье особенно почитались члены царской фамилии

У нас в семье особенно почитались члены царской фамилии. Отец в своей библиотеке имел много книжек про священномучеников и простых мирян, стойко защищавших веру в то время. Мы семьей собирались, и отец читал нам про таких людей. Мне больше всего запомнились моменты, где описывали, как предавали таких исповедников. Меня поражало, что чаще всего предателями становились такие же православные христиане, которые во избежание гонений предавали своих братьев и сестер по вере. Сам отец говорил, что встречался с такими людьми, которые были предателями.

Мы всегда любили свою Родину

Мы прекрасно понимали, что такое Октябрьская революция, но всегда любили свою Родину. Отец знал людей, которые пострадали от советской власти, но шли сражаться за Родину во время Великой Отечественной войны.

Мне запомнился один пример. Отец рассказывал про человека, который после войны стал председателем колхоза. Он вел себя как ревностный коммунист и борец против всякого мракобесия, но, как выяснилось позже, во время войны был коллаборационистом. Когда была революция, он расстреливал так называемых врагов социализма, а на самом деле обычных православных людей, а при фашистах расстреливал уже своих товарищей-коммунистов. Все выяснилось, когда он отдыхал на курорте (а он часто ездил отдыхать в самые лучшие места Советского Союза): его кто-то там узнал. Он приехал домой и покончил с собой.

И потому я всегда считал, что истинно верующий православный русский человек, несмотря на власть, действительно любит свою страну больше, чем самый заядлый коммунист-патриот.

Отец всегда говорил, и меня это удивляло, что не должно быть никакой антисоветчины, свержения власти и т. п. Он говорил, что я должен быть патриотом своей страны, должен защищать свою Родину. Но просил меня по возможности воздерживаться от ношения всякой советской атрибутики, особенно с изображением Ленина или Сталина, от пения революционных песен и участия во всякого рода мероприятиях.

В любой сложной ситуации надо быть предельно кротким и смиренным

Главное, что я вынес для себя из прожитых лет, – это то, что в любой сложной ситуации надо стараться быть предельно кротким и смиренным; не кичиться своей принадлежностью к Православной Церкви, но смело отстаивать ее идеалы и истину, которую нам вручил Господь; не осуждать никого, особенно в храме (мол, пришла в джинсах или без платка); стараться быть предельно вежливым и осторожным в общении с людьми, особенно со старшими; ни в коем случае не выслуживаться; не искать панибратства со священнослужителями.

В конце скажу, что я не смогу сделать и малой доли того, что сделал мой отец, и не смогу стать ни на йоту таким, каким был он.

Жизнь с Богом

Рассказывает Василиса Ивановна Шатохина, чтец Покровского собора города Севастополя

В Молдавии народ оставался очень верующим

У нас в Молдавии до сорокового года народ оставался очень верующим. Даже при советской власти хранили веру. На службу каждые субботу и воскресенье ходили в монастырь. Долгое время в советские праздники никто не хотел участвовать в демонстрациях. Гнали, конечно, но все равно мало кто на них ходил.

У нас был очень большой храм в самом центре города, и его только в хрущевские времена закрыли, а сломали уже в восьмидесятые годы. Интересно, что на его месте построили клуб, и, представляете, два раза он полностью разрушался от землетрясения!

Постились мы всегда очень строго

Родилась я в 1940 году в Молдавии десятым ребенком в сугубо христианской семье. Постились мы всегда очень строго, хотя с детства я сильно болела и была хилой. У нас в первые два дня Великого поста не разрешалось ничего вкушать, даже самым маленьким. Помню, мама уговаривала нас с братом хоть чайку вечером попить, но мы сами себе не позволяли. Да и не хотелось. Видимо, Господь помогал. В детстве я и на клиросе пела.

Василиса Ивановна Шатохина

Мой дедушка с папиной стороны больше жил в Иерусалиме, чем в Молдавии. Он в Святую Землю ходил пешком: три месяца – туда, три месяца – обратно. У нас служил очень хороший старенький священник. Служил очень благоговейно и долго. Он приезжал на субботу-воскресенье из Кишинева. Когда отпевал, то всегда провожал гроб в гору до самой могилы, хотя город был большой, а он один.

До прихода советской власти наша семья считалась довольно зажиточной: были и коровы, и лошади, и овцы, и свои поля. Но перед войной все это забрали, и стали мы жить очень бедно. Оставшееся пограбили немцы в 1941 году.

Тяжелое детство

Я дитя войны. Детство было очень тяжелое, даже без слез не могу его вспоминать. Отец воевал, пропал без вести, так и не нашли мы его могилу. Росла я наполовину сиротой. В 1946 году начался голод, от которого умерли двое детей в нашей семье.

От безысходной жизни мама вышла замуж второй раз. Отчим никогда меня не любил и даже бил, издевался, запрещал ходить в школу и читать книги. С четырнадцати лет я круглый год работала в колхозе на полевых работах, а с шестнадцати лет – дояркой. В три часа ночи уже шли на работу, босиком в гору четыре километра. Ели в основном кукурузные лепешки. Сил от них появлялось мало, а работа-то тяжелая, иногда была и не под

силу.

Мои скитания

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, умерла и мама. После этого я осталась, можно сказать, на улице. Принимали меня люди ночевать, но вскоре от истощения я попала в больницу.

А потом мне дали адрес и сказали, что у меня есть дедушка, бабушкин брат, который воевал в Севастополе и после войны остался там, женившись на русской женщине. Ни я его не знала, ни он меня. Но я приехала к нему, и он меня принял.

Благодетели

Жили мы втроем в крошечной комнате на чердаке, и жена дедушки устроила меня в дорожно-ремонтное управление рабочей. Там я копала ямы на дорогах и таскала тяжести, отчего снова начала сильно болеть. Потом умерли дедушка и его жена, а меня, милостью Божией, принял к себе инженер нашего управления Голубенко Анатолий Нестерович. Увидев меня на работе, он сжалился и долго выпытывал, откуда я и как попала в этот город. Я очень доверчивая и рассказала о себе все.

Он же возвратился домой и поведал жене, что у них на работе есть девочка-сирота, очень красивая и похожая на нее (жена его была гречанкой). Они меня в октябре 1962 года взяли к себе, даже хотели удочерить, но не успели, умерли. Анатолий Нестерович и его жена воевали за Севастополь и были все израненные. Они устроили меня в военную часть учиться на радиста. До конца жизни буду до слез благодарна моим благодетелям.

Я проехала с мужем всю Россию

Именно в этой части я познакомилась с будущим мужем, с которым живем рука об руку вот уже пятьдесят третий год. Мой муж – военный, служил на атомных подводных лодках. Вот так я и проехала с ним всю Россию от Прибалтики до Камчатки, от самого юга до полярного севера.

Там, где служил мой муж, не было храмов, и я не могла ходить на службы. Но меня всегда тянуло в церковь. И когда муж в 1982-м вышел в отставку и мы переехали туда, где был храм, я на следующий же день побежала и заказала благодарственный молебен.

Так я и осталась на клиросе

В храме меня заметил священник, который предложил мне петь на клиросе. Сразу я не решилась, потому что там пели одни бабушки, а мне было чуть за сорок. Только с третьей просьбы наконец согласилась. Некоторый опыт у меня был еще с юности, когда в Молдавии я пела в церковном хоре.

Правда, пришлось учить церковнославянский и сам устав, но в этом мне очень помогла матушка Любовь – супруга отца Евгения, нынешнего настоятеля Покровского собора Севастополя. Так и осталась я на клиросе, где пою вот уже тридцать второй год. Теперь я очень хорошо знаю устав, могу пропеть любую службу.

Сначала я только пела, а потом отец Евгений благословил меня быть регентом. Я и монахов учила петь, и псаломщиков заменяла. Все требы, молебны, панихиды. Очень много учеников прошло через меня, всех их учила уставу, чтению: читать четко, внятно, чтобы люди все понимали.

Если люди служили небрежно, то Господь убирал их из храма

Я видела много людей, которые служили в храме и пели на клиросе. И замечала, что если кто-то служил небрежно, быстро-быстро, чтобы поскорее уйти, то Господь убирал такого человека из храма. А так батюшки у нас очень правильно служат, службы не сокращают. Ко мне даже люди подходят и спрашивают: «У вас что-то меняется?» А я им отвечаю: «Если что-то будет меняться, заметите сразу через меня. Я тогда сразу уйду с клироса». У нас ничего не укорачивается, идет так, как всегда служили и как сейчас служат у меня на родине.

Представьте, я была года два назад в Молдавии, там построили большой храм. И я удивилась: простой храм, не монастырь, а читают каноны полностью, очень строго все служится. Мы тоже служим добросовестно. Стараемся никакого святого не обижать, читать не меньше восьми тропарей.

Господи, спаси нас ради той святыни, которую дала Василиса!

У меня муж – потомственный военный, очень сдержанный, спокойный и интеллигентный, но из атеистической семьи. Знаете, как мне страшно было, когда он уходил в поход, а сам без креста! Я ему и пришивала под погоны кресты, чтобы всегда были с ним,

а он и не знал об этом.

Мужа переводили по службе, и мы с ним объехали всю страну. В Ленинграде был всегда более-менее верующий народ. В Прибалтике я как-то особой веры не заметила. На Камчатке мы жили на острове Рыбачий, там был народ со всего мира. Церкви там не было, но я все время молила Бога о ней. И сами люди тянулись к вере.

Однажды ко мне пришла женщина (ее муж тоже плавал) и попросила у меня кусочек просфоры и святой воды. И вот, когда ее муж вернулся из похода, то рассказал удивительную историю: «Вы знаете, вот идет лодка на дно, приборы отказали, а мы ничего сделать не можем. Лодка просто тонет. Я взмолился, стал плакать и кричать: “Господи, спаси нас ради той святыни, которую дала Василиса!” И не поверите – сразу вмиг все заработало, и лодка пошла вверх».

В церковь я ходила и буду ходить!

Когда я начала петь на клиросе в восьмидесятые годы, за мной стали очень строго следить, наблюдать. Были искушения и в семье. Муж сначала был против того, что я хожу в храм, он поставил меня перед выбором: или семья, или вера. Но я была упертая и твердо сказала: «Сначала Бог, а потом семья и дети. В церковь я ходила и буду ходить!»

Слава Богу, как-то Господь все вскоре и разрешил! А некоторых людей действительно власти гнали. Одну женщину из нашего клироса забрали в психиатрическую больницу, полгода держали, и она вышла оттуда очень больная.

Вот какие чудеса бывают у Бога!

А нас с мужем Господь даже сподобил повенчаться. У меня есть крестник в Молдавии, и когда он собрался жениться, то позвал нас с мужем быть свидетелями на его свадьбе. Мы согласились и приехали с Камчатки.

Нас повезли в болгарское село, где есть храм. Но когда местный священник узнал, что мы с мужем невенчанные, то напрочь отказался венчать молодых, пока не обвенчаются свидетели. Вышел к нам с мужем и говорит: «Так, сейчас будем венчать вас».

А я молчу, потому что мы столько лет прожили с мужем, и я неустанно просила обвенчаться, но он всегда решительно отвечал: «Я коммунист, венчаться не буду – не верю». Ну, я поплачу, Богу помолюсь и все. И тут стою, молчу и только

молюсь: «Господи! Вразуми его!»

У меня слезы на глазах, дрожу. И тут муж поворачивается ко мне и спрашивает:

– А ты-то чего молчишь?

Я даже опешила немного, но тут же сказала:

– Я согласна!

– И я согласен. Только крест и руку попу не буду целовать!

Все венчание я стояла в слезах, переживала: как же он не поцелует крест. Но муж поцеловал не только крест, но даже и руку батюшке! И настолько священник моему мужу понравился, что на следующий же день он привез к нему в храм еще одну семью из другого села венчаться. Вот какие чудеса бывают у Бога!

Дом горит, а мы молимся и держим в руках Казанскую икону Божией Матери

Рассказывает Нина Ивановна Иванюшина

Мое детство

Я родилась в 1931 году в Орловской области, в деревне Муравлево. Отец умер в первый год войны, когда мне было десять лет, жила с матерью и пятью братьями. Во время войны приходилось голодать, очень не хватало еды для пропитания. Окончила четыре класса школы и в двенадцать лет пошла работать в колхоз.

В школе мою первую учительницу звали Нина Ивановна, отец у нее был священником, из-за этого к ней относились недоброжелательно, а я ее очень любила и дружила с ней, вот и делилась тайком от всех с ней картошкой и всем, что Бог послал. Да и она меня тоже любила.

Мама у меня была самая младшая в своей семье, она в возрасте четырнадцати лет ходила со своими сестрами молиться пешком в Киев. Несмотря на то что была самая маленькая из сестер, радовалась святыням Киева больше всех.

В те времена были гонения на верующих, но мама носила крестик на груди не снимая. В деревне из местного храма сделали школу, вот и приходилось идти в ближайший храм за семь километров. Мама оставляла нас, маленьких, дома, потому что мы не осилили бы семь километров туда и семь обратно, и одна бегала в церковь на службы.

Однажды на Пасху мама пошла на службу ночью и нас оставила дома. А Павел, мой старший брат, пошел за ней один. Он был еще совсем маленький. Односельчане пришли в церковь, смотрят – мальчик бежит. Все удивились: как ребенок сам, один, бесстрашно преодолел такое расстояние.

В нашей семье строго соблюдали посты, мама у нас по пятницам даже воды в рот не брала. Советские праздники не отмечали. Пасху мы встречали всегда радостно, так как мама нас кормила в пост одной картошкой, а на праздник готовила яйца и пекла пасочки. Для нас, детей, это была большая радость.

Как меня трижды чуть не расстреляли

Во время войны, когда я была ребенком, меня трижды хотели расстрелять, и только Господь уберег меня от смерти. Один случай помню, когда возле дома, в саду, у нас стояла немецкая техника и военное оружие. Немцы ушли вечером на какой-то праздник и оставили караульного. А я увидела, как караульный уснул с непотушенной сигаретой, и начался пожар. Я стала его будить, а он проснулся и закричал: «Партизанка! Это все ты сделала!» И направил на меня ствол автомата. В свое оправдание ему нужно было найти виновного, вот он и хотел меня обвинить. Хорошо, что за меня вступилась моя взрослая двоюродная сестра. Она сказала немцам про меня: «Вы, наоборот, должны девочку похвалить за то, что она не допустила пожара».

Второй случай произошел в школе. Там дежурила моя родная тетка, убирала помещения, я с ней и осталась. В коридоре стоял стол, на котором немцы разместили свои схемы из песка и моделей: паровозы, машины, дороги и все прочее. А мне, одиннадцатилетнему ребенку, было очень интересно поиграть, да и не знала я, для чего нужны были эти схемы, вот и дотронулась до моделей… Как увидела тетка, ее объял страх: «Что же ты сделала, Нинка?!» А в это время заходит немец, тоже заметил, что я все части схемы переставила, и как кинется на меня с громким воплем: «Партизанка!» Тетка заступилась за меня, Бог миловал!

Третий раз, когда немцы отступали от деревни, ходили слухи, что они будут жечь дома, и дедушка сделал убежище для нас. Все взрослые собрали кое-какие пожитки и в панике убежали, а я взяла младшего брата и спряталась с ним в саду. Братику очень хотелось пить, он стал плакать, и я решила принести воды. Смотрю, а в саду немцы. Как увидели меня, кинулись ко мне, стали трясти и кричать, а я ничего не понимала, плакала только. Братик выбежал ко мне, тоже заплакал. Вот и отпустили нас, махнув рукой. Если бы не братик мой, Толик, расстреляли бы меня…

Мама успела вынести с собой Евангелие

Вечером того же дня немцы подожгли наш дом, мама успела вынести Евангелие, икону и все святыни, которые находились внутри. Дом горит, а мы стоим с мамой и молимся, держа в руках Казанскую икону Божией Матери. Было очень страшно, когда жгли дома, обливая бензином. На следующий день в нашу деревню зашли красные. Нам пришлось идти в соседнюю деревню, так как наша превратилась в сплошное пепелище. И мы, шестеро детей, шли за матерью, которая держала в руках икону, завернутую в полотенце, и хлеб.

Вернулся с войны целым и невредимым, Господь его хранил

Мой старший брат был моряком, погиб в Сталинграде, а другой брат, Павел, 1925 года рождения, был разведчиком. Он веровал в Бога, бегал с детства за мамкой в церковь. Когда он уходил на фронт, мама дала ему с собой крестик и ладан. Так он ходил много раз в разведку и остался жив, один раз всего лишь был ранен. Вернулся с войны целым и невредимым, Господь его хранил. Еще он занимался иконописью и за свою жизнь написал много икон.

Казанская икона Божией Матери

Когда мужа постигла болезнь, так и сам выучил молитвы

В 1952 году мы переехали в Донбасс. У меня было трое детей. Муж презирал меня за то, что была набожной, но когда его постигла болезнь, сам выучил молитвы и молился. А спустя некоторое время предложил повенчаться… Спустя четырнадцать лет семейной жизни мы с ним повенчались в церкви.

Обратился к ней и сказал: «Скоро увидимся»

Павел, брат, умер в 1968 году на праздник Николая Угодника. И по прошествии нескольких дней приснился моей дочери Людочке, которая очень его любила. Во сне он был очень довольный, пил молоко. Обратился к ней и сказал: «Скоро увидимся». А дочь проснулась и спрашивает меня: «Как же мы можем с дядей Павлом встретиться, он мертвый, а я живая?»

Я очень радовалась, глядя на дочку: умница, красавица. Она всегда мне говорила, что не выйдет замуж. Говорила: «Я вырасту, возьму девочку из детдома, и будем втроем жить». Я ей обычно отвечала: «Да ты не останешься без мужа, будучи такой красивой».

И вот после неудачной операции аппендицита Людочка не ела четырнадцать дней и скончалась. Я подсчитала – ровно через четыре с половиной месяца после смерти моего брата не стало и дочери. Она училась в восьмом классе, умерла 6 мая 1969 года.

Очень радостно на душе стало после Ее прихода

После смерти дочери я так переживала, что просила себе смерти. Если бы не Псалтирь, умерла бы с тоски. Ходила на кладбище и молилась. Однажды ко мне пришла одна женщина во всем черном и с белым платком. Уж такая меня радость объяла, что я забыла о тоске и, не задумываясь, пригласила ее за стол, но она отказалась.

А я варила варенье вишневое и предложила ей взять с собой варенья, она же ответила: «Буду идти обратно, тогда возьму». Я ее проводила до калитки и оглянулась ей вслед, а ее уж и не видно. И я верю, что это была Божия Матерь, так как очень радостно у меня на душе стало после Ее прихода. Так Она меня утешила, что скорбь меня отпустила, и я обрела душевный покой.

Моя мама сохранила веру и передала ее нам, своим детям

Рассказывает Валентина Ивановна Прозорова (Конарева)

Война коснулась нашей семьи самым прямым образом

Родилась я в 1931 году в семье советского офицера в городе Оренбурге, тогда Чкалове. Отец был офицером, коммунистом, очень порядочным и честным человеком. Моей маме он не разрешил сделать ни одного аборта, говоря, что все дети – наши. Когда мне было шесть лет, моего отца, офицера-железнодорожника, репрессировали как врага народа, и только на XX съезде КПСС его посмертно реабилитировали. Я до сих пор храню клочок той газеты, где был напечатан список реабилитированных людей, среди них и мой отец.

Война коснулась нашей семьи самым прямым образом: все наши мужчины ушли на фронт, нам позволили оставить только одного из братьев для помощи дома. Голодали, переехали в Белоруссию, чтобы была хоть какая-то возможность прокормиться. Я еще училась в школе, помню, меня поразило такое зрелище: ежедневно я видела из окна эшелоны солдат, которые ехали на войну.

Валентина Ивановна Прозорова в молодости

Когда я училась в начальной школе, мы организовывали бригады и ходили по госпиталям, навещали раненых. Старшие давали нам задание разыскивать бездомных собак и приводить их к госпиталю, который располагался в здании нашей школы. Собаки эти были нужны для дрессировки, чтобы они помогали саперам. И, помню, приводим их к школе и плачем, зная, что бедных собачек ожидает такая тяжелая судьба.

Вид Оренбурга. Улица Николаевская. Фото начала XX в.

Вообще война показала такое состояние народа, когда люди объединены общей целью и все, от мала до велика, стараются этой цели достичь. Был страшный голод, у моей мамы росли пятеро детей, однако она не терпела лжи и воровства. Помню, послали меня за хлебом, кушать хочется, я и откусила корочку. Прихожу домой, и брат мне сказал, что я больше за хлебом не пойду: мне нельзя доверять. Порежем хлеб и ждем маму.

Приносит брат один раз домой палку колбасы…

Помню случай. У друга моего брата родители печатали карточки (по которым выдавали хлеб), такая у них была работа. Соответственно, от недостатка хлеба они не страдали. И эти два молодых парня выменивали эти карточки на рынке на мясо и колбасу. И вот приносит брат один раз домой палку колбасы, а мама, зная, откуда взялась эта колбаса и каким образом она добыта, говорит: «Уходи, мне такого сына не нужно». В очередной раз проявились качества, которые воспитывались в людях царской православной России, где основными добродетелями считались честность, доброта, милосердие и забота о ближних.

Все дети были крещены вопреки запретам властей

Моя мама растила нас одна. Так или иначе все дети были

крещены вопреки запретам властей. Причем нас крестили в церкви, а не на дому. В городе Чкалове были очень большие и красивые церкви. Мама рассказывала нам о главных церковных праздниках, поясняла их смысл. По таким дням мы ходили на кладбище, где я впервые увидела, как освящают паски, яйца и куличи. Мама нам что-то готовила на эти праздники. Тогда я этого не понимала, но это были не куличи, потому что готовить их было не из чего.

Как-то на Вербное воскресенье пришла мама из храма с вербочкой. И чтобы ее не увидели, не задали лишних вопросов (в том числе и ее зятья, поскольку они были коммунистами), она поставила вербочку на окошко в загоне у животных. В основном по праздникам ходили на кладбище. Редко-редко мама водила меня в храм. Дело в том, что рядом с нами было много католиков, так как мы жили на границе с Польшей. Там была даже базилика, в которой они молились.

Моя мама сохранила веру и пронесла ее в сердце, передала нам, своим детям. Хоть мы и не вели церковную жизнь, участвуя в таинствах, по понятным причинам, но в душе мы сохраняли этот православный огонек. Мама читала молитвы наизусть. Мне сейчас уже девятый десяток идет, и я бесконечно благодарна своей мамочке.

Вы сначала причаститесь, а потом пусть вас расстреливают!

Рассказывает Анна Матвеевна Грицак

Мои прадедушка и прабабушка

Я родилась в 1964 году, а моя бабушка, Анна Ивановна Камаева, в 1899-м. Она сохранила и поведала мне эти истории.

Родители бабушки жили в Туле. Ее мама, моя прабабушка Елизавета, происходила из дворянского рода Сенявиных – Кобяковых, который известен знаменитыми адмиралами. Ее отец, мой прадед Иван, происходил из дворянского рода Камаевых. Играл на разных музыкальных инструментах, обладал феноменальной музыкальной памятью: прослушав оперу в Дворянском собрании, приходил домой и записывал партитуру по памяти. Руководил церковным хором из пятидесяти певчих. Ездил по деревням, собирал талантливых мужиков с хорошими голосами.

В семье было четырнадцать детей. Все они родились дома. Отец обычно присутствовал при родах: стоял в той же комнате на коленях перед иконами и молился. Он обучил всех детей игре на музыкальных инструментах и с каждым занимался вокалом. Во время поста музыкальные инструменты закрывались, убирались в чехлы. Девочки окончили гимназию. Обучались грамоте, языкам, музыке, танцам, шитью, рукоделию и домоводству.

Моя бабушка Анна была самой младшей из сестер, поэтому ей уделяли меньше внимания. Она всегда уединялась, много молилась, читала акафисты, ее в семье звали монашенкой. Она собиралась в семнадцать лет уйти в монастырь. Но как-то ей приснился сон: она прогуливается в своем саду с красивым высоким мужчиной, на правой руке – обручальное кольцо. Она этому сну удивилась… Вскоре к ним приехала семья из Латвии. И когда молодой человек из этой семьи сделал ей предложение в саду, она вспомнила, что все это уже видела. Это был 1917 год.

В то время в России многие кричали, что религия – обман

Во время революции Анна с мужем приехали в Москву на борьбу с эпидемией тифа. Жили они в гостинице «Метрополь»,

там жили все работники ВЦИКа (высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти Российской Советской Республики в 1917–1918 годах и РСФСР с 1918 по 1937 год).

Бабушка была очень красивой. Как-то в нее влюбился один молодой человек, начал ухаживать, это увидел муж (наш дедушка), выхватил револьвер, после чего они долго бегали по этажам, пока тот юноша не спрятался.

Вскоре дедушку отправили в Туркестан драться с басмачами. По его возвращении, в 1923 году, у бабушки родилась старшая дочь, Любовь, а в 1925-м – вторая дочь, Вера (моя мама).

В то время в России многие кричали, что Бога нет, религия – обман. Под таким влиянием оказалась и бабушка. Потом она рассказывала, что за это всю свою жизнь дорого расплачивалась.

Вставайте на колени и молитесь, чтобы ваша мама поправилась

Бабушка долгое время хранила иконы в шкафу. В 1939 году она заболела: пиелонефрит в тяжелой форме. Совершенно раздутое, стеклянное тело, в больнице врачи уже ничем не могли помочь, оставалось несколько дней жизни. Бабушка решила умереть дома, попросила родных забрать ее домой. Зная, что умирает, она сказала девочкам: «Идите к монахине Марине, спросите, как вам жить дальше».

Они пришли к монахине в храм, рассказали все. Она ответила: «Видите – икона Божией Матери, вставайте на колени и молитесь со слезами, чтобы ваша мама поправилась».

Домой пригласили батюшку пособоровать, поисповедать и причастить умирающую больную. Бабушке тогда было всего сорок лет. Она спросила священника, отца Иоанна, можно ли ей строго поститься (это была первая неделя Великого поста). Он ответил: «Нет, нужно слушаться врачей!»

После его ухода бабушка решила, что она все равно умирает, не будет грешить, а будет поститься. Выдержала весь пост. Отеки сошли, она сильно похудела. На Страстной седмице, в Великий Четверг, сама пошла в церковь. На исповедь подходит к отцу Иоанну, он на нее смотрит и не узнает. А она ему и говорит: «Батюшка, я – Анна, вы ко мне приходили на первой неделе поста. Я грешна перед вами, не послушалась вас. Постилась! Простите меня!»

А он в ответ: «Да ты же сама пришла, живая, а ведь умирала, какой же грех, что постилась?» Анна Ивановна прожила еще сорок два года.

Боязнь доносов не могла заставить забыть о постоянных гостях

Бабушка иконы из шкафа достала и повесила их на стену. А жили они тогда, как и многие, в коммунальной квартире, у них было много соседей. Врачи, которые приходили на вызов в их квартиру, упрекали бабушку: «Детям хоть голову не морочьте вашей религией!» Нужно сказать, что в то время было мужественным поступком иметь в комнате иконы или что-то, напоминающее о вере, о Боге. Соседи только и искали повод, чтобы донести в соответствующие органы.

Анна Ивановна вела весьма аскетичный образ жизни. Утро она начинала с утренних молитв, главы Евангелия, главы Апостола, кафизмы. А дальше – день полный забот. Регулярные уборки. Дубовый паркет всегда блестел – нехитрый результат труда бабушки. Каждую неделю она натирала его воском и мастикой сама. Раз в месяц были генеральные уборки – сдвигалось абсолютно все со своих мест. Чистилось, надраивалось. Посты – время особой аскетичности и в быту, и в еде, и в молитве. Телевизор не включали вовсе. Не ходили на концерты, в театр, не слушали музыку.

Никакая боязнь доносов не могла заставить забыть о постоянных гостях. Бабушка принимала как дорогих гостей всех, кто к ней приходил: от дворян и митрополитов до простых побирушек.

Вы сначала причаститесь, а потом пусть вас расстреливают!

В начале Великой Отечественной войны всех школьников и студентов с Арбата отправили рыть окопы за Дорогомиловскую заставу.

Анна Ивановна двум своим дочерям, Любе и Вере, сказала:

– Завтра к семи утра пойдете на литургию, причаститесь, а потом уже идите рыть окопы.

Девочки в ужасе возразили:

– Мама, ты что? Нас расстреляют!

На что Анна им ответила:

– Вы сначала причаститесь, а потом пусть вас расстреливают!

Дочери всегда слушались маму и с утра отправились в церковь. К одиннадцати часам они, отстояв службу и причастившись, пошли к Киевской, а мост перекрыт. Они объясняют, что им надо пройти – рыть окопы. А их не пропускают, говорят: «Домой идите!» Как выяснилось, был налет

немецких самолетов и с бреющего полета всех расстреляли. Вера и Люба чудом остались живы.

И с того дня налеты прекратились

Другой чудесный случай произошел 25 июля 1943 года. В ту пору каждый вечер начиналась бомбежка, и обычно Анна Ивановна с дочками в десять вечера уходили в бомбоубежище. Но в тот вечер бабушка решила уехать в Дорогомилово к своей знакомой. Уходя из своей квартиры, она посмотрела на иконы, лампада у иконы Божией Матери «Знамение» еле тлела, она решила не гасить, масла уже не было, сама скоро погаснет. И они поехали.

Всю ночь у окна бабушка читала акафист «Знамению», а на следующий день вернулись домой. Дверь опечатана. Что такое? Они пошли к управдому, а там милиционер участковый. Видит бабушка: ее икона на столе управдома.

Она спрашивает:

– Что происходит?

Управдом накинулся на нее:

– Что, знак немцу подавала? Мы с патрулем обходили переулки, головы поднимаем наверх – на пятом этаже два окна залиты светом, как будто огромные люстры горят. Мы кинулись наверх, вбегаем, а вся комната озарена ярким светом. Забрали икону вашу и лампадку.

Бабушка берет в руку фитиль, а он сухой. Говорит управдому:

– Посмотрите, у меня даже рука сухая от фитиля, не может лампада гореть без масла. Потом вы говорите, что ночь была темная, а я всю ночь читала акафист без света у окна. А вы заметили, что не было налета?

На самом деле ночью впервые было тихо, и с того дня налеты прекратились. Участковый, видя, что спорить с бабушкой бесполезно, икону вернул.

В тот самый момент по путям проносится скорый поезд

Анна Ивановна рассказывала случай из жизни своего родного брата Сергея Камаева.

Он всегда с собой носил в кармане рубашки или пиджака иконочку святителя Николая Чудотворца. Так случилось, что он шел по железнодорожным путям. Задумался, поворачивает голову направо и видит свою иконочку в траве. Сошел с путей, чтобы поднять, подходит ближе, смотрит: нет ничего. В тот самый

момент по путям проносится скорый поезд.

Политический анекдот

Другая история из его жизни произошла в тридцатые годы XX века. Сергей стоял в компании двух друзей, один из них начал рассказывать политический анекдот, Сергей никак не отреагировал. На следующий день он пропал без вести. Как выяснилось, он был арестован, репрессирован лишь за то, что никак не отреагировал на тот анекдот.

Его сын, Виктор Камаев, был натурой артистичной, играл в театре. Но несмотря на его таланты, ему не давали главных ролей – он был сыном репрессированного.

Нам в ноги бросили бутылку с зажигательной смесью

На Пасху перед храмами выстраивалось оцепление из милиции, дружинников. Молодежь в храм не пропускали. В 1970 году мы с мамой Верой и бабушкой Анной на пасхальной ночной службе вместе с хором выходили на крестный ход. За оградой храма стояла подвыпившая молодежь, видно было, что она ждала своего часа, и под улюлюканье этой толпы нам в ноги бросили бутылку с зажигательной смесью, мы только успели отскочить. А этих ребят милиция вежливо попросила больше так не делать. Было это во Владыкино, в храме Рождества Богородицы.

Яйцо было совершенно свежее

Больше всего мне запомнилась Пасха. Подготовка, крашение яиц, куличи, пасха. Бабушка Анна все делала сама. Яйца красила пищевой краской. Одно освященное яйцо оставляла на божничке перед иконами на целый год и на следующую Пасху разбивала и съедала. Яйцо было совершенно свежее и хорошее. Так бабушка делала каждый год.

На Пасху все дети старались попасть в храм

Рассказывает Владимир Бокотей

Все очень боялись

В моем детстве в храм мы ходили всей семьей три километра пешком, и шли не прямой дорогой – надо было идти в обход, чтобы никто не видел, и приходилось перебираться через небольшой ручеек в высоких резиновых сапогах. Отец работал в школе, и как только узнавали, что он ходит в церковь, сразу делали замечания и ругались. Один раз моя сестра Мария пошла в храм на Крестопоклонную неделю, и про это узнала учительница в школе. Когда сестра пришла в класс на следующий день, учительница вызвала ее к доске и начала бить об нее головой, приговаривая при этом: «Так ты била поклоны в церкви?»

Очень мало кто из моих одноклассников посещал храм, а так как все учителя в школе знали, что наша семья постоянно туда ходит, то были насмешки со стороны учителей, часто нас отводили к директору в кабинет и там проводили с нами обличительные беседы.

Но вот на Пасху все дети старались попасть в храм, хоть и страшно, но все пытались пойти, и когда мы шли в храм, учителя ловили нас, записывали фамилии и очень ругали потом в школе. Крестики почти никто не носил – все очень боялись, учителя проверяли и тоже отчитывали.

Детей приучали к посту с самого детства

Посты мы соблюдали со всей строгостью. Детей приучали к посту с самого детства и держали не только четыре годовых поста, а и среды и пятницы, в некоторых семьях соблюдали даже понедельники. Например, если женщина во время Великого поста была беременна или рожала, то и она соблюдала пост без каких-либо исключений. Да, это удивительно для современных православных женщин, но так было на самом деле.

Отца чуть не выгнали с работы

Был интересный случай с моим отцом: один священник

попросил отца сделать небольшой ящик для дров. Отец работал в школьной столярке. А школа находилась напротив церкви, через дорогу. И мой отец втайне сделал этот ящик, но когда его переносили из столярки в храм, это заметили противники церкви и доложили в райком. И отца чуть не выгнали с работы из-за этого.

Директора школы вызвали сразу в райком для выяснения сложившейся ситуации, и проблемы были не столько из-за этого ящика, сколько из-за того, что священник оказался на территории школы. А матушка этого священника преподавала в школе в младших классах, и после этого случая ей сказали: «Или ваш муж откажется от священства, и вы продолжите работу, или он останется священником, и тогда вас уволят».

Учителей увольняли с работы

Мы с женой венчались тайно – венчал нас ночью один иеромонах (имени не помню), – но все равно кто-то это узнал, и потом этого иеромонаха вызвали в райком для разбирательства. К сожалению, подробностей этого разбирательства я не знаю. А вот если учителя тайно крестили своих детей и это становилось известно, их сразу увольняли с работы.

Униаты ходили к нам в православный храм

Наш православный храм находился в селе Белки, а неподалеку был униатский храм, но советская власть сделала из него музей атеизма, из-за чего все униаты, которые были в селе, ходили к нам в православный храм. И это все длилось до начала девяностых годов. А после того как пошел распад Советского Союза, униаты начали требовать себе не только свои храмы, а стали претендовать и на православные. В некоторых случаях им удавалось добиться того, что старые православные храмы власть отдавала им, но это всё они получали благодаря коррупции в верхах.

Как раз в то время у нас была только православная церковь, униатов упразднила власть почти полностью, униатские священники переходили в православие, но не все становились православными. Православными они были только на бумаге, а в большинстве своем сразу занимали высокие должности в райкоме и со временем становились атеистами и настоящими коммунистами.

Для покраски храма народ собирал документы около

двух лет

Один случай из истории нашего храма. Как-то раз народ решил сделать новую штукатурку на храме, обновить его чуть-чуть, и, никому не сообщая, потихоньку это сделали. Но как только про это узнал райком, всю церковную двадцатку сняли, поменяли всех кураторов храма. Потребовали все документы на то, откуда взялся материал для штукатурки и тому подобное.

И после этого случая для того, чтобы что-то сделать для благоустройства храма и прилегающей территории, требовали кучу документов. Так, для получения разрешения на внешнюю покраску храма народ собирал документы около двух лет. Все коммунальные услуги для церкви стоили намного дороже: например, в обычном жилом доме платили за свет две копейки, а храм платил двенадцать копеек.

Из истории нашего сельского храма

Так как вся церковная утварь числилась по документам, то часто в храм приходила проверка для пересмотра инвентаря, чтобы не было ничего лишнего или ничего не пропало без ведома вышестоящих органов.

И вот явилась такая проверка из райкома, возглавлял ее уполномоченный по делам религии (имя не помню), и вместе с ним наш сельский голова. И вот этот уполномоченный зашел в алтарь через диаконские двери, а сельский голова открыл себе царские врата и через них зашел, начал всю церковную утварь сам брать и смотреть на ней номера, а вот уполномоченный даже не дотрагивался до церковных вещей. Потом рассказывали, что этот голова и ушел из жизни непонятным образом, и дети его тоже были непутевые. Народ говорит, что это наказание Божие за кощунство над святынями.

Кресты просто вырывали из земли машинами

У нас в селах есть древний обычай ставить возле дома крест, и вот когда началась война против церкви, то эти кресты просто вырывали из земли машинами. Ночью, когда все спят, приедет грузовая машина или трактор, зацепят трос на крест, просто вырвут и увезут на свалку или на переплав (если металлический). И люди хоть и под страхом, но собирались ночами возле крестов и охраняли их. Самое обидное, что те, кто вырывал кресты в селе, были свои, местные.

Без Бога жизнь вообще не имеет никакого смысла!

Рассказывает Ирина Викторовна Максимова, прихожанка Сретенского монастыря

Промыслом Божиим я осталась жива

Мое детство прошло с бабушкой по отцу и тетей – младшей сестрой отца. По существу, я росла сиротой при живых родителях. Матери я была не нужна со дня моего рождения. По слову псалмопевца: «…Се бо в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя» (Пс. 50, 7). Когда мне было девять месяцев, отец принес меня на руках умирающую и сказал моей бабушке: «Мама, спаси мне ее, у меня больше никого не осталось».

Промыслом Божиим я осталась жива, бабушка выходила меня. Моя тетя в юности перенесла тяжелое сердечное заболевание – эндокардит, после которого многие умирают, и это произошло в самые страшные годы: голод, безработица. Замужем тетя не была, дорожила работой, на которую помогли устроиться добрые люди в Министерстве легкой промышленности, где и проработала она всю жизнь, имея на иждивении уже старую маму и меня, никому больше не нужную.

Мои родные были в статусе лишенцев, то есть лишены были гражданских прав. Бабушка осталась сиротой в три или четыре года. Ее родители погибли от какой-то эпидемии. Она воспитывалась во вдовьем доме, а когда повзрослела, ее выдали замуж за вдовца, у которого было около десяти человек детей. Дед служил царю и Отечеству много лет, даже и в тяжкие годы революции, и служба эта вряд ли была легкой.

Когда грянула война

Когда грянула война, мне было два года и два дня. Тетя должна была уехать в эвакуацию с министерством, в котором работала. У нее на руках была больная мама семидесяти лет и я, двухлетняя. Мы уехали на Алтай, в Барнаул. Потом тетя рассказывала, какие страшные минуты отчаяния пришлось пережить в чужих краях.

В 1943-м мы вернулись в Москву. Мне исполнилось четыре года. Как я сейчас понимаю, это была не жизнь, а выживание. Мы

жили втроем в маленькой восьмиметровой комнатке бывшего усадебного дома, превращенного в коммунальную квартиру, где обитало девять семей, около тридцати человек. Но жили дружно, почти все праздновали Пасху, пекли куличи и готовили творожную пасху. У бабушки сохранилась деревянная резная пасочница, которую я храню по сей день и с которой мне удалось заказать копию.

Истоки моей веры

Истоки моей веры, конечно, от бабушки. У нее был черного цвета угольник, большой, около метра высотой, со старыми иконами. У моих близких хватило мужества держать его. Почему я упоминаю о мужестве? Потому что самое сильное чувство, которое тогда насаждалось, был страх, и я уже говорила, что мои родные были лишенцами. Этот угольник с иконами дожил у нас до смерти бабушки в 1955 году.

Когда бабушка умерла, тетя отдала его двум верующим старушкам, жившим в нашем дворе в соседнем флигеле. Отдала, ничего не сказав мне, хотя мне было уже шестнадцать лет, я очень любила этот уголок и очень расстроилась, что его не стало. Осталась только одна бабушкина икона святой Лидии, которая по сей день находится у меня.

Бабушка меня крестила, когда мне было лет шесть или семь. Она пригласила домой знакомого бывшего священника, который уже не служил и был одет в штатское, как тогда говорили. Я запомнила его, бабушка называла его Петр Алексеевич. Меня поставили в тазик и поливали сверху водой. Судьбу моего крестика я не помню.

У бабушки была чудом уцелевшая Библия, которую она читала. И когда она умерла, эту Библию выпросила почитать семья соседей, точнее, старая няня, которая была членом их семьи. Потом я долгие годы просила тетю, чтобы она забрала у них эту Библию, но они вернули ее мне только спустя тридцать лет, уже после смерти и той няни, и моей тети.

Ирина Викторовна Максимова

Бабушка говорила мне: «Ты запомни, Бог есть». Я запомнила, но на этом мой курс катехизации и закончился. Православие моих близких проявлялось в том, что всех умерших отпевали в церкви, а так в храм никто не ходил. А у бабушки сил уже не было, она умерла на восемьдесят четвертом году жизни.

Однажды, когда я была маленькой, бабушка попыталась сходить со мной в храм на Пасху. Ближайший храм был в честь святого Пимена. Там собралось так много верующих, что мы не смогли даже войти. Это были послевоенные годы.

Среди наших музыкантов было очень много верующих людей

Детство прошло, я стала взрослой и самостоятельной, окончила институт и устроилась работать. Духовная жажда нашла выражение в любви к великой музыке. Был период, когда я регулярно бывала в Большом зале консерватории, стремясь услышать все шедевры великих композиторов – Баха, Моцарта, Бетховена. Я прослушала все кантаты, все пьесы Баха, все исполнявшиеся реквиемы Верди и других, а уж реквием Моцарта я слушала без числа. Особенно полюбила хоровую музыку: хоры Танеева, Свиридова. Душа жаждала гармонии и совершенства.

Самой большой радостью было искусство. В юности я также увлекалась поэзией Серебряного века – Блоком, Цветаевой.

Помню, как узнала, что в храме «Всех скорбящих Радость» на Ордынке (он никогда не закрывался, и там был замечательный хор), приблизительно в 1970 году, в день памяти нашего замечательного композитора Рахманинова исполняли его «Всенощную», и в этот день храм был переполнен в основном меломанами, ценителями музыки, пришедшими послушать произведение, которое нигде больше нельзя было услышать. Среди наших музыкантов было очень много верующих людей, и это тому подтверждение.

Всю жизнь я праздновала Пасху

Иногда я заходила в храм. Но там, как правило, было пустовато, и я ничего не знала и не понимала. Никаких духовных книг не продавали, и достать Евангелие было негде. Я всегда знала, что есть мой Создатель, но не знала, что Он мой Спаситель.

Но всю жизнь я праздновала Пасху. Я собирала всех друзей и устраивала застолье, делала пасху в старинной пасочнице, покупала куличи, созывала своих нецерковных подружек и праздновала ее. Я всегда понимала, что это сугубо церковный праздник.

Золотой искрой струились в моей душе его строки

В семидесятые годы очень значительным для моего поколения было творчество Володи Высоцкого. Вот кто, как мне представляется, был алчущим и жаждущим правды. Золотой искрой струились в моей душе его строки:

> Купола в России кроют чистым золотом –
> Чтобы чаще Господь замечал…

Недавно я узнала из газеты «Крестовский мост», что Володя крестился, будучи уже очень известным, но об этом знали только несколько человек. Чтобы никого не подводить, он уехал креститься в Армению, то ли не зная, то ли не придавая значения тому, что в Армении неправославная ветвь христианства. Хочется верить, что Господь зрит в сердце.

Когда неожиданно пришла весть о кончине Володи, я купила букет белых лилий и поехала на Таганку. То, что я увидела, меня

поразило: огромной очереди проститься с ним не видно было конца. Люди стояли в основном зрелого возраста, много мужчин, серьезных, думающих, никакой шантрапы. И это в опустевшей в дни Олимпиады Москве, когда город был закрыт, а те, которые были приглашены на Олимпиаду, не пожелали поехать. Вагоны метро были пусты – казалось, вся Москва собралась на Таганке. Хоронили Володю в день памяти святого князя Владимира, 28 июля.

Как праздновали 1000-летие Крещения Руси

И вот наступил 1988 год, год 1000-летия Крещения Руси. Я страшно переживала, дадут или не дадут отпраздновать эту великую дату. Вот как тогда стоял вопрос в нашей стране. Но не осмелились запретить празднование. Я помню все по дням. Открытие празднования было 5 июня, в воскресенье, в Елоховском соборе. Я думала, что не смогу попасть, но, к моему удивлению, встав в конец очереди, охраняемой милицией, оказалась в соборе. Закрытие проходило 12 июня, в воскресный день, на территории отреставрированного Данилова монастыря. Туда пускали только по пропускам. Мне подумалось, не партком ли их распределял? Некоторые, удовлетворив любопытство, уходили еще до начала праздничного богослужения. Таким образом, мне удалось взять у кого-то билет.

Конечно же, я была на концертах православного музыкального фестиваля, который проходил в Большом зале консерватории. Приехали гости из-за рубежа, запомнился архидиакон Андрей из Америки – великолепный бас. Из монастырских хоров помню хор Новоспасского монастыря под руководством игумена Митрофана, который назывался «Спас Нерукотворный». Сердце наполнялось радостью от возрождения православия на нашей родной земле.

Вот такое преображение Господь даровал ей за ее святую жизнь

Моя старушка-соседка тридцать лет молилась в храме у чудотворной Иверской иконы Божией Матери, главной святыни сокольнического храма Воскресения Христова. При мне она умерла в глубокой старости накануне Крещения Господня, а похоронили ее в сам праздник Крещения. Ее гроб стоял в одном из приделов храма «Всех скорбящих Радость». Ее в этом храме знало все священство, ведь она почти ежедневно посещала богослужения.

Когда я узнала, что ее будут отпевать в этом храме, пошла туда, чтобы проститься. Когда подошла ко гробу, я ее не узнала. Я увидела молодое женское лицо, совсем молодое, совсем даже юное. Она не была похожа на ту сморщенную старушку, которую я знала. И более того, ее не узнал священник, который был с ней хорошо знаком. Его это очень удивило. Вот такое преображение Господь даровал ей за ее святую жизнь.

Началась моя настоящая церковная жизнь

Главный перелом моей жизни произошел Великим постом 1992 года. Многомилостивый Господь даровал мне духовника – иеромонаха. Была горькая, с потоком слез исповедь, и я с великой радостью приняла все условия Великого поста по самому строгому уставу. Началась моя настоящая церковная жизнь.

Я так решительно и с такой радостью вошла в церковную жизнь, куда Господь призывал меня с детства, а я не слушала. Самое дорогое для меня сегодня – это Церковь Христова. Я живу ее праздниками, ее богослужениями, богомыслием, боголюбием. Люблю церковное искусство, песнопения, поэзию отца Романа (Матюшина), фрески Дионисия.

Прошу Господа о прощении бездны моих грехов и о тихой православной кончине.

Сказать и не солгать: прости мя, Боже!
И на иные просьбы не дерзать.
И суетные словеса не множа,
Перед Простившим радостно стоять.

Нужно за все благодарить Бога, потому что все в жизни происходит по воле Божией. Без Бога жизнь вообще не имеет смысла, никакого! Смысл обретается после того, как в голове появляется сознание, что над всеми нами есть Бог.

И в пятьдесят лет я крестился

Рассказывает Александр Николаевич Панков, житель села Большой Бор Онежского района Архангельской области

Все наши отцы воевали

У нашего поколения все отцы воевали. И мой отец воевал на Дальнем Востоке. Еще у матери были два брата. Один из них, Федор, был замполитом полка в звании майора уже в военное время, и когда Калининград занимали, там его оставили политработником.

В 1980 году мы поехали в гости в Калининград, в июне месяце, и Федор говорит: «Поехали до Зеленоградска – там бывший немецкий курорт, пляж». Мы приехали, он разделся, а у него на ноге вместо икры одни жилы торчат. Не знаю, как он ходил: у него в ноге осколок сидел. Смотрю: он разделся и в воду – плюх. Я зашел, думаю: «Вода-то ледяная, все же Балтийское море». Смотрю: местные на машинах приехали, детей-грудничков купают тоже в этом море. Я побродил, побродил, а он спрашивает: «Ты не с Архангельска? Что боишься купаться-то?» – «Вода холодная». – «Да ну, ты что?» Он барахтался, барахтался, мне уж волей-неволей пришлось залезть в воду. Умер он в 1980-х годах.

Александр Николаевич Панков

Другой мамин брат погиб на Северной железной дороге. Они даже повоевать не успели – их эшелон разбомбили. Так Федор, брат, после войны архивы поднял, нашел место захоронения, организовал перезахоронение. Говорит, что похоронены были прямо в шинелях, головы полотенцем обернуты и у каждого номерок.

О вере я тогда ничего не знал

Родился я в 1954 году. Вот уже седьмой десяток разменял. В Онеге жили. Росли четверо в семье, я самый малый. Школу-восьмилетку окончил, потом в ПТУ два года отучился.

О вере я ничего не знал. Тогда все говорили: «Религия – опиум для народа». Ради любопытства ходили на Пасху смотреть крестный ход. Это в Онеге, в Лазаревской церкви. А там народу! Пожарников нагонят, милиции нагонят. Один раз с ребятами сходили, в ПТУ я учился тогда. А директор утром на линейке говорит: «Вот у нас богомольцы есть». И фамилии назвали тех, кто ходил на крестный ход смотреть. Что в этом такого? Мы же там ничего, не хулиганили – только посмотрели и ушли.

В деревне Сырья во время войны иногда были службы, и люди приходили и записки оставляли с пожертвованиями (кто пять рублей, кто десять, кто как мог) – просили у Бога защиты. Опиум

опиумом, но еще не все выветрили в 1940-е годы. Людей еще не успели переделать. Это как сейчас: семьдесят лет советское время было, а все равно еще много старого осталось, пережитков разных, привычек.

В армии я в Германии служил. Ушел в восемнадцать лет, пришел в двадцать. Ясное дело, что провожали с ребятами, со всеми родственниками. С похмельца: что там – восемнадцать лет… И нас – в комсомол. Военком говорит, что каждый, кто за границу отправляется служить, должен идти со значком Ленина на груди. И минут за тридцать до отправки поезда нас всех – в комсомол: уже готовы заявления, и фотографии наши у них были, чтобы в комсомол принимать. И тот, который принимал, спросил: «Желаете ли вы быть в первых рядах ленинской молодежи?» А я отвечаю: «Всех принимают, так ладно, принимайте и меня».

А вот в партии я уже не был. Правда, вызывали, предлагали: «Работаешь ты хорошо, без прогулов, не пьешь, не куришь – иди в партию». А что мне? В партию идут для чего? Для карьеры. Я не пью и не курю – я и не в партии. А вот те, кто пьют, курят и воруют, тех нужно в партию брать. У вас выше половины этого контингента – я вам не подойду.

Как мы встречали праздники

На Пасху яйца красили. Собирались на застолье на Пасху, на Троицу. И на Рождество собирались. Раньше праздник-то отпраздновать, ясное дело, что «не посуху»: чтобы водки, этой отравы, бутылку купить, нужно еще очередь выстоять чуть ли не полдня. А то и бражку варили, да и кто что умел – даже томатную пасту перегоняли.

На разоренные храмы все тогда глаза закрывали

С будущей женой мы познакомились на сенокосе. Нас было десять ребят и девять девчонок. Потом переехали в Большой Бор, потому что с работой было худо, платить меньше стали, а здесь два месяца поработал – и меня мастером-строителем сделали.

Жили мы рядом с Георгиевским храмом. Один активист-комсомолец, Касьянов Николай Петрович, этот храм сделал спортклубом. Он руководствовался тем, что культура – для народа. Я туда иногда заходил, там тогда теннисные столы стояли.

Вспомнил вот еще что. Говорили мне, что когда в Георгиевском храме спортзал был, туда школьники ходили и видели: небо проявляется, закрашенное побелкой. Потом снова

белили, и не помогало – тогда совсем закрасили. А школьники иногда специально заходили на иконы посмотреть.

А в храме Ильи Пророка совхоз хранил семечки, зерно, овес, семена. В один год на поле картошку сажали, в другой на нем же – уже овес: так земле легче и урожай лучше. Архангельская область до пятидесятых годов сама себя кормила, даже на вывоз оставалась продукция.

Раньше было принято ходить друг к другу в гости по деревням на Пасху, Рождество и светские праздники, но вот храмы… На разоренные храмы все тогда глаза закрывали. Да не то слово, что глаза закрывали, – хуже! Например, в Богоявленском храме стена была ободрана, снята обшивка. Что за выгоду человек, который снял обшивку, получил от этого? Это, можно сказать, кощунство.

Село Большой Бор

Бабушки восьмидесятилетние – вот кто сохранял веру. А я в Онегу ездил иногда, заходил в церковь. Но здесь в храм не заглядывал – все было заколочено. Кстати, видел в храме обрезанную икону Георгия Победоносца. Когда-то ее распилили, чтобы заколотить окошко.

Но веру разве за деньги купишь?

Я смотрел на храм и видел в нем культурное наследие, памятник. И поэтому решил восстанавливать. Когда храмом

занялся, верующим еще не был. Но ведь у каждого свой царь, свой Бог. Пускай ты будешь трижды крещен, а если у тебя за душой ничего, то что толку? Пришел я, например, креститься, заплатил сто пятьдесят рублей. Но веру разве за деньги купишь? Ты ее ни за какие деньги не купишь.

В 1995 году я поехал в Онегу, узнал, где живет батюшка, отец Иоанн. А тогда был введен хозрасчет. Он говорит: «Ты знаешь, мне нужно на рубль дохода рубль десять сдать в казну, а для того чтобы общину создавать, нужно много денег». Он меня отговаривал. Но как-то потихоньку начал я храм восстанавливать, доска за доской, что-то получалось.

Я гвозди отогнул, а это не дверь, а икона

Случай расскажу. 2007 год. Подхожу как-то к храму, а рядом рюкзаки лежат – москвичи приехали, паломники из какого-то Владимирского храма. Я им открыл храм, двери к тому времени уже сделал. Эти ребята, оказывается, меня ждали. Зашли в храм, помолились они, тропари попели. Потом выходят – одна женщина подала тысячу рублей, вторая достает четыреста рублей. Говорят: «Это вам на восстановление храма». Я отвечаю: «Восстановление так восстановление, будем крыльцо на эти деньги делать». Брус купил, привез, ребятам деревенским говорю: «Давайте крыльцо обоснуем», – и без разговоров помогли.

Женщина приехала с детьми из Вологды, говорит: «Можно ли церковь посмотреть?» – «Пожалуйста». Открыл. Ходили, смотрели. Я с сыном был, с Егоркой. И видим: дверь наискось и два гвоздя загнутых. Я говорю: «Ну-ка, Егорка, держи дверь». Я гвозди отогнул – а это не дверь, а икона. На самом виду, а ведь никто не догадался, и те, кто утаскивал раньше иконы. Я ее Спасителем называю. И не только потому, что Вседержитель на ней, но и потому, что икона эта храм спасла, хранила его: он не сгорел, ничего в нем не было плохого, как в других. Знаете, бывало, в храмах и танцевали, и дискотеки устраивали, и охальничали. А в нашем только мыши бегали, зерна подъедали.

Вторую, Владимирскую икону, нашли, когда иконостас налаживали. Парень говорит: «Там что-то есть еще между досками». Посмотрели – вытянули икону.

Икону Крещения принесли деревенские. Только она со сколами, ее нужно наращивать, восстанавливать. Может, доживем до таких лет?

Каждый судит по себе

Восстанавливал храм потихоньку один, другие не брались: хлопотно это, приходится постоянно мотаться в Онегу за материалами. Кому это надо? В Онеге заходил в столярные мастерские: «Сделаете царские врата в храм?» Все отказывались. И тогда самому пришлось.

Привез песок однажды. Беру лопату и раскидываю, а ко мне подходит один пьяненький сосед и спрашивает: «Ну чего, десять-то косарей имеешь в месяц?» Я пошутил: «Ты что, за десять-то косарей и близко бы не подходил! Двадцатник». И он мне: «Вот так я бы тоже стал». Видишь, мнение у деревенских такое, что я, оказывается, какие-то деньги за восстановление храма имею. А я на это свои трачу… Я когда-то за лето до десяти печек перекладывал. Меня считали хапугой, мол, такой-сякой. Но я же не воровал, а сам работал. Каждый судит по себе.

Я работаю, и живу, и делаю все для детей, для внуков

У меня ведь такая установка: я работаю, и живу, и делаю все для детей, для внуков. Племянник мой разбился на мотоцикле. А мне за день до его похорон приснился сон, что в гробу лежит мой сын Алексей, как будто предсказание, и через четыре года так и случилось. Поехали они с друзьями в поле, там спирту напились и собрались домой. На мотоцикле. Его хоть и отговаривали, но все равно пьяный поехал. «Урал» как трактор: если разгонишь, так ведь не остановишь. А тут коровы шли: он их сбил, ноги переломал. Было часов пять или чуть пораньше. Мы мост ремонтировали неподалеку, приехали: мотоцикл на обочине, Алексей лежит посреди дороги. Участкового вызывали да медика привезли. Перелом шейных позвонков. Ему было двадцать лет.

В храме святого пророка Илии

Помощь свыше в восстановлении храма

Когда я решил восстанавливать Ильинскую церковь, крещеным не был и о вере еще не помышлял, а хотел восстановить для потомков культурное наследие, оставить по себе память. Но чудесно начала приходить помощь: с кем ни поговоришь, расскажешь, что надо, – люди соглашаются и помогают. А потом в храм стали возвращаться иконы.

Иконостас делал – думал, что со старого соберу. А старые детали рассохлись и теперь не подходят. Материала мало: приходится делать так, чтобы не ошибаться, и получается.

Храм святого пророка Илии. Село Большой Бор

Не навреди – ни себе, ни людям

И в пятьдесят лет я крестился. Отец Александр с Онеги приезжал, предложил, я и пришел креститься. Никто не заставлял, не принуждал, не приводил – крестился сам, сам пришел, осознанно. А жена уже крещена была. Она также помогает – иконостас, например, раскрасила.

Жизнь так складывается, что год за годом приходит осознание. А из опыта прожитых лет пришел я еще вот к чему: не навреди – ни себе, ни людям.

Мы духовно окормлялись у трех святых людей

Рассказывает Мария Ивановна Морковкина, прихожанка Никольского собора города Мышкина Ярославской области

Отец был очень добросовестным и хозяйственным человеком

Мои родители, Лемеховы, жили сначала в селе Юрьевском Ярославской губернии. Моя мама, Анна Петровна, была глубоко верующей женщиной, домохозяйкой. Папенька, Иван Илларионович, тоже глубоко верующий человек, зарабатывал на семью: трудился на промыслах в больших городах, работал на заводах, фабриках или отправлялся в торговлю. Детей нас было пятеро: сестрички мои – Вера, Надежда, Любовь, София – и я, Мария.

Жили папа с мамой в достатке, не жаловались, потому что отец был очень добросовестным и хозяйственным человеком. Однажды ему предложили работу в Прибалтике, в городе Вильнюсе, куда сразу же и переехали мои родители. Там и родились мои старшие четыре сестрички.

Мария Ивановна Морковкина (справа) с прихожанами в храме

Благословение старицы

Жили хорошо, безбедно, можно сказать, жизнь – сахар, но тут им передали благословение от их духовной матери, старицы Ксении, которая их духовно наставляла в селе Юрьевском. Она благословила их возвращаться в село, на родину. Полностью доверяя старице, они снова собрались, упаковали свои пожитки – шифоньер, комод, кровать, стулья венские, швейную машинку Зингер – и вернулись в Юрьевское, где вскоре родилась я, Маруся. Как старица Ксения им тут же объяснила, она позвала мою семью, потому что Господь уготовал для нас испытание.

По приезде на родину мои родители сразу купили дом, лошадь, корову и снова стали крестьянами, как и до Прибалтики. В создавшийся в селе колхоз они не вступали, оставаясь, как тогда называли таковых, «крестьянами-единоличниками».

Духовная жизнь нашего села

Село у нас было очень красивое и богатое. Домики – что теремки, за исключением четырех-пяти очень старых избушек. Храмы в селе и в округе были тоже очень красивыми. На каждом приходе служили по два священника, по два диакона и пели два клироса. На двунадесятые и великие праздники собиралось все

духовенство и совершали великолепные службы, причем утром в день праздника служили две литургии: раннюю и позднюю.

Мы, жители села Юрьевского и ближайших селений, духовно окормлялись у трех святых людей. Двое из них, иеромонах Мардарий (Исаев) и священник Михаил Зеленецкий, сейчас причислены к лику святых новомучеников и исповедников Церкви Русской. Отец Михаил стяжал дары исцеления и прозорливости, отец Мардарий был аскетом-подвижником, обладал даром духовного рассуждения и утешения скорбящих, его богослужения привлекали массу богомольцев. Оба они в течение своей жизни немалое время провели в ссылках и лагерях. Третья, старица Ксения (Красавина) или, как ее мы называли, Аксиньюшка, тоже отличалась высокой духовной жизнью.

Старица Ксения

Ксения с детства была молитвенница, все ее время занимал тяжелый крестьянский труд, церковные службы и молитва. Уже в юном возрасте она обнаружила дар прозорливости и давала советы односельчанам. В девятнадцать лет девушка покинула родной дом и ушла в лес, где вырыла себе землянку и проводила время в молитвах, питаясь чем придется: сухариками, приносимыми из церкви, ягодами и грибами, мхом, а иногда и просто подолгу голодала. По праздникам она выходила из леса в храм.

Святой Иоанн Кронштадтский дважды посещал старицу Ксению и причащал ее. Сопровождал его оба раза к старице отец Михаил. Отец Иоанн одобрял ее подвиг и благословлял на новые труды. Своей святой жизнью старица стяжала дар прозорливости. Она была для всех как родная маменька; когда к ней приходили с печалью или за советом, она всегда отшучивалась и тут же успокаивала скорбящего. Всех, пришедших к ней впервые, она называла по именам и рассказывала им все о них, всю их жизнь.

В лесу старица потеряла телесное зрение, осталась слепой до конца жизни, но взамен получила дар зрения духовного. Несколько раз ее арестовывали и отправляли в заключение, где Ксения подвергалась издевательствам и уничижениям.

Известен случай, когда чекисты глумились над слепой и принесли ей жареную ворону со словами: «Вот мы курочку тебе приготовили». Блаженная ответила: «Ворона летала, летала и Ксении на тарелочку попала. Кушайте сами».

Прозорливость старицы

Можно привести несколько примеров прозорливости Ксении. Первое – это ее повеление возвращаться нам из Прибалтики для новых испытаний. Другую историю мне рассказывала маменька.

Пришла как-то к Ксении девушка одна, Саша Коркунова, да и говорит:

– Погадай, старица Ксеньюшка, мне на суженого…

– Не гадаю я, Сашенька, а вот про суженого твоего я тебе скажу. Не сосед твой тебе суженый! Не сосед! Ты на писаря смотри, на писаря, статного, в башмаках!

Не совсем поняла тогда Саша старицу. Где она в деревне найдет писаря, да еще и в башмаках? Лишь городские так ходят… Но с соседом своим встречаться перестала. Через некоторое время, когда поехала Саша в Петербург, поняла она, кого имела в виду старица, и вышла замуж за учителя.

Еще один случай был. После раскулачивания плохо стало житься папеньке с маменькой, даже печку растопить нечем было. Пришла маменька к старице и жалуется, а та в ответ смеется, улыбается и говорит: «Не переживай, Аннушка, почтой печку топить будешь скоро».

Ко времени этой истории все мы, сестры, вышли замуж, а так как никогда не забывали своих родителей, то часто присылали им почту. Вот этой почтой и протопили папенька с маменькой печку всю зиму.

Вот такая она была, старица Ксеньюшка.

Рядом с этими святыми людьми не боялись мы исповедовать свою веру. И знакомые, причем не важно, верующие или нет, вовсе не досаждали нам.

Последняя «кормилица» в нашем доме

В нашей деревне был человек, Саша Виноградов, который работал на советскую власть. Он единственный забирал у всех все, что ему хотелось, «раскулачивал». Он потихонечку забрал у нас все, что я прежде перечисляла: и то, что мы из Прибалтики привезли, и все, что приобрели по приезде обратно в Юрьевское. Однажды он пришел, и мама ему сообщила, что больше нечего у нас забирать, но так как для него не было ничего святого, он попросил и швейную машинку Зингер. Это было для мамы крайне удивительно, потому что на этой машинке моя сестра Вера шила одежду многим знакомым, соседям.

Иногда Сашка приносил вещи арестантов, больных туберкулезом, и даже такой одеждой, с благословения старицы Ксении, моя сестра не гнушалась – стирала и гладила. И ему, Сашке Виноградову, его личные вещи она тоже шила, стирала и

гладила. Мама надеялась, что он в благодарность оставит сестре эту машинку, но он забрал и ее. Это была действительно последняя «кормилица» в нашем доме.

Мы тут же переехали в новый дом

В колхоз мы как прежде не ходили, так и не собирались. Трудился в основном отец, мама по дому хозяйничала. В общем, трудно было.

Однажды Сашка Виноградов, обобрав всех односельчан, уехал из села. И как раз в это же время соседи собрались насовсем переезжать в Петербург, а дом, в котором они жили, отдали нам. Мы тут же перебрались в новый дом, а так как соседи, переезжая в Петербург, взяли с собой только самые необходимые вещи, то и все богатое содержимое этого дома тоже досталось нам.

Однажды встретился случайно в Ярославле Саша Виноградов с одним нашим односельчанином, да и поинтересовался, как там Анна Петровна живет. Односельчанин и рассказал, что превосходно живет. Поведал Сашке и про дом новый. Узнав это, Сашка Виноградов тут же собрался и поехал в Юрьевское, но по дороге скончался.

Маменька нам потом говорила, что если бы даже Сашка приехал, то она накормила бы его и напоила чаем, вот такой доброй была наша маменька.

Священник Михаил Зеленецкий

Отец Михаил знал о предстоящем аресте и предупредил нашу маму не подходить к нему прощаться и брать благословение, когда его забирать будут. Оказалось, что и «сообщников» его – всех близких духовных чад – тоже забирали.

После ареста отца Михаила его матушка тяжело заболела. У нее просто отслаивались и отваливались части тела. Всех желавших ей помочь она прогоняла, боясь заразить их. Когда моя мама узнала о ее болезни и что никто не ухаживает за ней, она буквально побежала к матушке, так как была очень добрым человеком. Матушка пыталась прогнать ее, но маменька все равно осталась и ухаживала за ней.

Через некоторое время матушка поведала нашей маменьке свою тайну. Однажды ее муж, отец Михаил, отчитывал одну молодую бесноватую девушку. Возгоревшись ревностью, она написала донос на батюшку, причем полную клевету, за что и забрали его в ссылку.

Отец Михаил был в ссылке около десяти лет: он прошел

Ярославские, Соловецкие лагеря и в итоге оказался в Москве, где его расстреляли.

Блаженная мученическая кончина отца Михаила

Расстрел отца Михаила – отдельная история, свидетельствующая о его святой жизни и блаженной мученической кончине. Один энкавэдэшник, живший последние годы в селе Мартыново, недалеко от города Мышкина, в то время работал в Москве. Эту историю ему рассказали очевидцы расстрела батюшки, а он передал нам.

Священномученик Михаил Зеленецкий

Отец Михаил стал напротив собственноручно выкопанной могилы, к ней лицом. Сзади него встали пятнадцать солдат. По команде начальника они все вместе выстрелили в отца Михаила, но он остался стоять. Солдаты, осознавая, что не могли все пятнадцать человек промахнуться, стояли как вкопанные. Один из стрелявших, придя в себя, подошел к отцу Михаилу, посмотрел ему в лицо. По глазам было прекрасно видно, что он жив и

невредим, тогда солдат тот столкнул его в могилу. Вместе с другими закопали его живым.

* * *

От редакции. Рассказ про Марию Ивановну Морковкину окажется неполным, если не упомянуть о последних годах ее жизни. У Марии были старшие сестры: Вера, Надежда, Любовь и София – все глубоко верующие. Они отошли в мир иной раньше младшей сестры, но, по всей видимости, очень молились о ней.

В последние годы жизни Мария Ивановна сильно болела, после инсульта потеряла дар речи, и ее причащали на дому. Когда отец Сергий, священник храма святителя Николая Чудотворца города Мышкина, многолетней прихожанкой которого была Мария Ивановна, приходил ее причащать, дар речи чудесным образом возвращался к ней, и она могла свободно говорить и исповедоваться. Когда же священник уходил, больная снова лишалась дара речи.

Тяжело болея, Мария Ивановна обращалась к старшим, уже покойным сестрам с просьбой, чтобы по их молитвам Господь забрал ее к Себе и она могла воссоединиться с ними. Преставилась Мария Ивановна 30 сентября 2015 года, в день церковной памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии.

Господь всегда был рядом со мной

Рассказывает Ольга Ивановна Дегтерева, духовное чадо архимандрита Иеронима (Шурыгина), Бронницкое благочиние, храм-часовня святителя Николая

Мое детство

У нас была очень большая семья, восемь детей: четыре сына и четыре дочери. Родились мы в Воронежской области, после чего вся наша семья переехала на Кавказ, в Дагестан. Мне тогда исполнилось четыре года.

Мой отец был участником войны, он инвалид второй группы. Папа много рассказывал о войне, мы всегда отмечали День Победы. А мама во время войны копала окопы в Воронежской области, там шли танковые бои, мама была тогда совсем юной девушкой. Она тоже рассказывала нам о войне, как Господь сохранил ее от немцев; могло совершиться насилие, но Господь уберег.

Мама осталась сиротой, когда ей было семь лет. Она окончила три класса школы и потом пошла работать в колхоз. Мамочка всю свою жизнь прожила в труде. Будучи детьми, мы никогда не видели, как она ложится спать и встает. Но когда мы утром просыпались, мамочка уже и хлеб испечет, и скотину управит.

Мама читала молитвы, и все мы молились

Мама моя была человеком глубоко верующим, и поэтому все дети были крещены с самого рождения. Я родилась очень хиленькой девочкой, всего кило восемьсот. Когда мама пошла меня крестить, я была такая махонькая, что батюшка даже боялся брать меня в руки.

Родители мои были венчаны. Мама, будучи еще невестой, сказала отцу, что замуж не пойдет, если не будут венчаться.

В доме у нас всегда висела икона, мама ее никогда не прятала и ничем не закрывала, на большие праздники перед иконой мама зажигала лампадку. Это сейчас у нас лампадка постоянно горит, а раньше такого не было.

Храм находился очень далеко от нас, в пятнадцати

километрах от дома, поэтому там удавалось бывать редко, только на большие праздники: Пасху, Рождество Христово, Успение. В храм мы ехали, а обратно шли пешком.

К праздникам мы готовились, постились, всегда убирались, все мыли, чистили. Мама сама всегда пекла куличи, красила яйца. К празднику Святой Троицы она украшала дом березками и травой.

Ольга Ивановна Дегтерева

Мама учила нас всех молитвам «Отче наш», «Богородице Дево», «Живый в помощи». Молитвословов раньше не было, поэтому все переписывалось от руки: утренние молитвы, вечерние молитвы и некоторые акафисты, например акафист Иисусу Сладчайшему. Если у нас не получалось сходить в храм, то мы все собирались дома, становились перед святыми иконами, мама читала молитвы, и мы все молились.

Господь нас берег

Люди мне всегда попадались хорошие. Когда я была маленькой, храмы мне казались такими большими, красивыми. В храме нас знали и очень хорошо к нам относились. Накануне больших праздников нас оставляли ночевать прямо в храме, так как домой идти было очень далеко. А когда мы стали взрослее, то, чтобы попасть на ночную службу, переодевались в бабушек, так как нельзя было пойти в храм в открытую – комсомольцы дежурили. Но Господь нас берег.

Священники были добрые, особенно помню, когда мы жили в Дагестане, там в храме служил отец Владимир, он был очень хорошим. Мне нравилось, как он говорил проповеди, всегда наставлял и помогал, но он уже преставился. Помню еще отца Александра, он был иеромонахом, сейчас он уже епископ там же, на Кавказе. Он приходил к нам домой, общался с моими братом и отцом.

Мы всегда старались жить дружно и помогать, кому чем можем

Мама у нас была строгая, а отец был не таким строгим. Вот, помню, идешь гулять, чуть-чуть запоздаешь, возвращаешься домой бегом. А во дворе у нас был палисадник, так я становилась в угол палисадника и читала молитву «Живый в помощи». После молитвы иду домой и прошу: «Господи, хоть бы мама не ругала меня!» И слава Богу, мама не ругала.

Жили мы тогда в Дагестане, мама даже цыган в дом пускала, чтобы и они могли себе что-то приготовить к празднику в нашей печи. Кроме того, в доме у нас всегда жили странники. Вот помню: у нас жил один мужчина, который совсем недавно вышел из тюрьмы, он болел туберкулезом. Как-то мама шла по улице, было холодно, а мужчина этот закопался в листву, чтобы не замерзнуть, и мама его подняла и привела к нам домой. Он прожил у нас всю зиму, пока не окреп и не встал на ноги. Мама

нашла его родственников, и через какое-то время приехала сестра этого мужчины и забрала его.

Вообще, мы всегда старались жить дружно и помогать, кому чем можем. И что самое главное – несмотря на то что в семье у нас было восемь детей, мы никогда ни в чем не нуждались. У всех нас были свои обязанности, мы всегда жили в труде, и скучать нам не приходилось.

Крестик на тебе есть?

В 1977 году мы переехали во Владикавказ, и мама начала ездить к старцу Иоанну (Крестьянкину). Она нам почти ничего не рассказывала про встречи со старцем, время было такое, что за веру людей преследовали. Вот меня, например, преследовали из-за того, что я не хотела вступать в комсомол. Конечно, я тогда была маловерная, прямо не говорила, что не вступлю в комсомол, потому что верующая, хотя все знали, что наша семья верующая. В конце концов меня вынудили вступить. На комсомольские собрания я старалась не ходить, говорила, что заболела или еще что-то.

Крестик носила. Мама нам всем крестики надела, и мы их не снимали. Во Владикавказе, когда я училась в институте, ректор вызывал меня к себе в кабинет, но прямо не спрашивал, верующая ли я, а спрашивал так: «Крестик на тебе есть?» Но я малодушничала и отвечала «нет», хотя вешала крестик сзади на спине, а спереди была видна только цепочка.

Ректор мне все время говорил: «Вот как увижу я тебя, так мне и хочется заглянуть и посмотреть, что у тебя там висит на цепочке: крест или еще что-то?» Я не признавалась, а если бы призналась, то меня исключили бы из института. Но потом я каялась в этом батюшке.

Моя младшая сестра (духовное чадо отца Иоанна) пошла в Покровский храм и там работала псаломщицей.

Мужа за руку в храм не тяни, а молись за него!

Когда я окончила геологический институт, то уехала работать на Чукотку. Храмов там, конечно, не было, это сейчас они там есть, а раньше не было. Поэтому, когда я приезжала домой, первым делом шла в храм, исповедовалась и причащалась.

Один раз я приехала Великим постом на Благовещение в Псково-Печерский монастырь. Мы с мужем жили тогда невенчанные, и меня это очень тяготило, а он не хотел венчаться. Я написала тогда записку отцу Иоанну (Крестьянкину), ее

передали, и батюшка мне ответил: «Мужа за руку в храм не тяни, а молись за него!» И дал мне молитву: «Крест Христов, на весь мир освященный благодатию и Кровию Господа нашего Иисуса Христа…» Наказал, чтобы я без этой молитвы из дома не выходила, вот так сейчас и делаю, как батюшка благословил.

Он, как истинный монах, тебя не потревожил

Господь меня всегда берег, наверное, по молитвам мамы. Мама у нас была молитвенницей. Когда она приезжала в Печоры, ей говорили: «Ты же наша, ты же тут, в Печорах живешь!» И папа мой тоже был на послушании в Печорах.

Папа мой сподобился монашеского пострига. После смерти мамы он ушел в Свято-Троицкий монастырь (город Алатырь) к отцу Иерониму (Шурыгину), и батюшка благословил папу на постриг. Папу постригли, и на третий день после пострига Господь его забрал в ангельском чине.

В миру папу звали Иван, а в постриге – отец Иаков. Помню, когда его забрал Господь, батюшка сказал нам: «Радуйтесь, ваш папа в раю». Папу в день смерти причастили, он уже не ходил и плохо видел, ему было тогда восемьдесят пять лет. С отцом рядом был мой брат, монах Павлин, он сейчас также подвизается в Свято-Троицком монастыре.

Брат сказал мне потом, что в день смерти у папы были такие голубые глаза, как васильки, он таких глаз никогда у него не видел. И когда папу причастили, брат начал читать свое монашеское правило, а когда закончил и повернулся, папа уже отошел ко Господу. И духовник сказал брату: «Видишь, он, как истинный монах, тебя не потревожил – ты читал свое молитвенное правило, и он тебя оставил, чтобы ты дочитал».

Встреча с духовным отцом

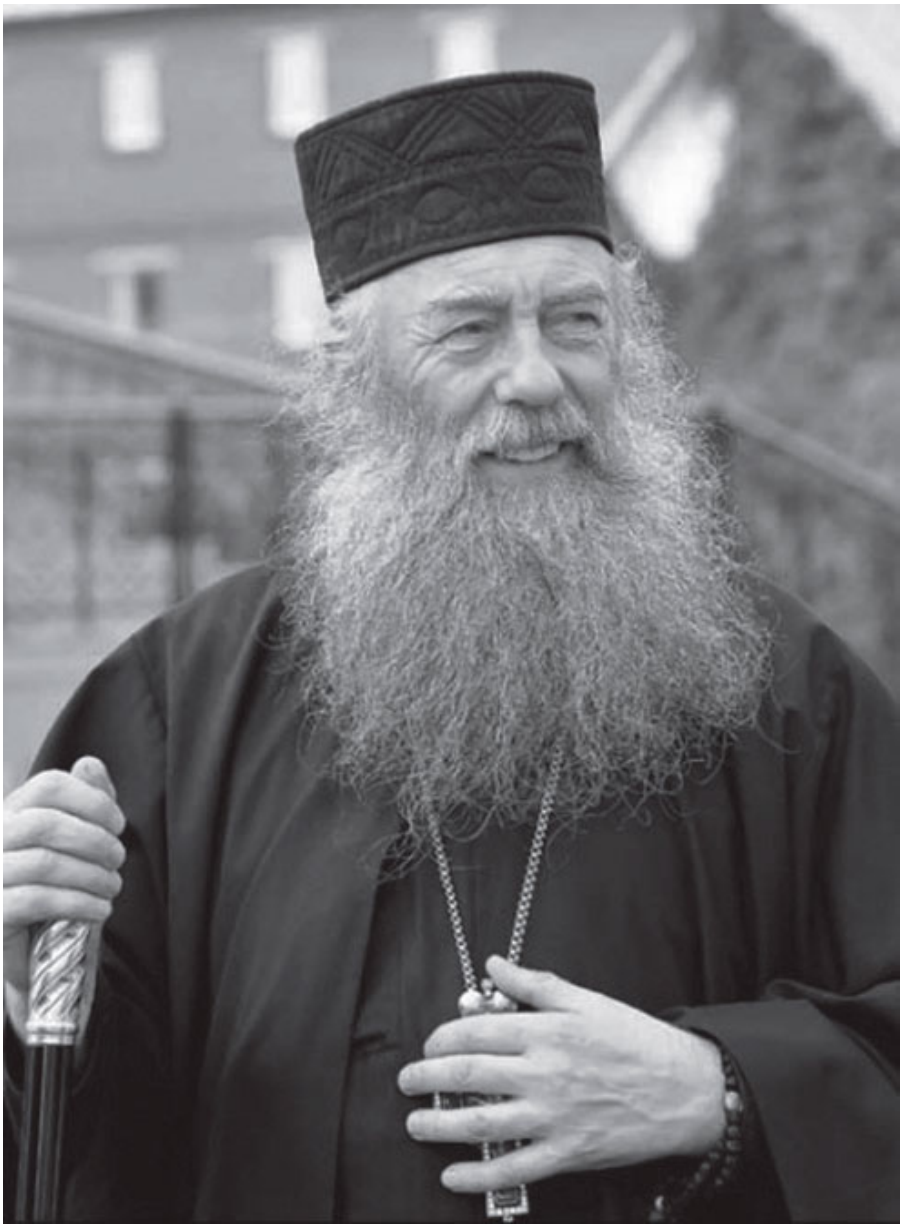
Самое важное для меня событие – это встреча с моим духовным отцом, архимандритом Иеронимом (Шурыгиным). Его знает владыка Тихон (Шевкунов), они вместе подвизались в Псково-Печерском монастыре. После встречи с отцом Иеронимом моя жизнь очень изменилась.

Первый раз я встретила отца Иеронима в Москве, в квартире у своей старшей сестры Марии. Я зашла и увидела батюшку, который сидел в кресле. Посмотрела на него, и было такое ощущение, как будто знаю его уже тысячу лет. Я подошла к нему, упала на колени и начала плакать. И больше никуда не хотела отходить от батюшки. Честное слово, никуда не хотелось идти,

мне было так хорошо… А он мне говорит: «Ольга, мы с тобой еще много раз увидимся и встретимся еще много, много раз». По милости Божией, так и случилось.

Помню свою первую подробную исповедь у батюшки. Я как будто потерялась во времени: стояла на коленках у него в келье и слышала только его голос.

Отец Иероним был удивительным человеком. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) благословил его на старчество. К отцу Иерониму всегда приезжало много людей за советом, батюшка наставлял не только в духовной жизни, но и в быту, всегда был ласков и доброжелателен. Он всегда благоговейно предстоял перед престолом Божиим. Чувствовалась особая Божественная благодать, когда он служил литургию.



Архимандрит Иероним (Шурыгин)

Да будет у тебя, Ольга, дом, будет!

Кстати, дом, в котором мы сейчас живем, мы получили по батюшкиным молитвам. Вот как это было. Батюшка благословил нам из квартиры перебираться в дом и сказал, чтобы мы подыскивали дом и молились святителю Спиридону Тримифунтскому. Я каждую субботу заказывала водосвятный

молебен и в своих домашних молитвах каждый день ему молилась: когда акафист прочитаю, когда молитву, когда поклончик сделаю.

Молились и искали дом, помню, что очень много ездили, смотрели. Вот понравится нам дом, мы сразу звоним батюшке и говорим: «Вот такой-то дом…» – а батюшка нам отвечает: «Нет, это не ваш дом». Приезжаем к батюшке в монастырь в Алатырь, я сетую: «Батюшка, никак дом не найдем». А он отвечает: «Да будет у тебя, Ольга, дом, будет!» И так это говорит, как будто дом у меня уже есть.

Мы обратились в агентство недвижимости в Раменском. Объяснили им свою ситуацию по деньгам, а они нам говорят, что за такую сумму, которая у нас есть, мы ничего не найдем. Но мы все равно попросили их позвонить, если что-то вдруг найдется. Муж уехал на полгода на работу, он геолог, и я стала молиться. Молилась я, честно сказать, дерзновенно, потому что батюшка сказал, что дом будет, и ощущение у меня было такое, что этот дом Господь нам уже выделил. И я молилась: «Господи, пусть мне позвонят насчет дома!»

И вот раздается звонок, и меня спрашивают: «Ольга Ивановна, не хотите ли посмотреть дом, который продается у вас в Бронницах?» Я сказала, что хочу, и поехала. Нашла дом, посмотрела с улицы, мне понравилось, потом приехала риелтор, показала дом изнутри, мне еще больше понравилось.

А до этого разговаривала с батюшкой и рассказывала, какие сейчас цены на дома: «Батюшка, вот у нас столько-то денег есть, еще подсоберем, еще, может быть, займем, тысяч восемьдесят долларов и выйдет». Батюшка посмотрел на меня и говорит: «Семьдесят пять!»

И вот я спрашиваю у риелтора: «Какая цена у этого дома?» А она отвечает: «Семьдесят пять тысяч долларов». И я звоню батюшке, а батюшка говорит мне: «Бери, это твой дом, не упусти!»

И по молитвам батюшки мы купили дом! Потом я заказала благодарственный молебен, и не могу передать, что тогда чувствовала. Я очень благодарна Богу, что Он мне дал этот дом! И для себя я поняла, что самое главное – это постоянство в молитве.

Особенно важно материнское благословение

Если детей будешь воспитывать с молитвой и с благословением, то все будет хорошо. Особенно важно материнское благословение, поэтому мои детки из дома не выходят, пока я их не перекрещу. А когда их нет, то прошу, чтобы

Господь их Сам благословил.

Вот какой случай произошел с моей дочкой Катенькой. Она возвращалась с учебы, уснула и уехала в другую сторону, а когда приехала, вышла на платформу, поняла, что села не в ту электричку. Было очень темно, а в конце платформы стоял какой-то мужчина. Катя решила подойти к нему и спросить, где она оказалась.

Подходит она к этому мужчине, а он сам с собой рассуждает вслух: «Прыгнуть сейчас под электричку или попозже под другую?» Потом смотрит на Катю и говорит: «А ей-то что? У нее материнское благословение». И Катя сразу побежала в другой конец платформы и села на ту же электричку, которая к тому времени уже возвращалась в Москву.

Нужно уметь принимать жизненные обстоятельства как данное от Бога

В преодолении жизненных бед и напастей нужны терпение и молитва, и самое главное – нужно понимать, что без Промысла Божия с нами ничего не происходит. Нужно уметь принимать жизненные обстоятельства как данное от Бога и за все Господа благодарить!

Из опыта прожитых лет я вынесла самое главное: Господь всегда был рядом со мной и всегда мной руководил.

В миру я такой красоты не видала

Рассказывает Антонина Гавриловна Бакиева (Незабудкина), прихожанка храма Успения Пресвятой Богородицы города Йошкар-Олы

Мои родители

Мой отец, Гавриил, 1899 года рождения, окончил в Чувашии церковноприходскую школу, потом реальное училище, институт в Казани, защитил диссертацию. С 1932 года до смерти работал в Йошкар-Оле, в Лесотехническом институте.

В советское время считалось, что верующих людей нельзя допускать к работе с молодежью. Таких «мракобесов» просто увольняли, поэтому отец скрывал факт окончания церковноприходской школы. В его автобиографии был пробел, и отец писал так: «До поступления в реальное училище помогал семье в хозяйственных работах». В компартию он не вступал, хотя занимал должность заведующего кафедрой лесных культур. А для этой должности желательно было быть коммунистом.

Моя мать, София, родилась в 1906 году в Рязанской области, пошла учиться в гимназию в Тамбове, но с началом революции поступила в единую трудовую школу. Учеников тогда водили по фабрикам и заводам, а также знакомили с сельским хозяйством. И вместо Закона Божия пели: «Наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка…» Среди родственников матери были учителя, адвокаты, священники. О последних умалчивалось, и даже фотографии их не сохранились.

Как мы с братом читали старинные книги

Мой брат, Вячеслав, родился в 1932 году, а умер в 1972-м, будучи уже главным конструктором проектного института в Йошкар-Оле. В детстве он самостоятельно освоил церковнославянский язык и с удовольствием переводил для нас Библию. Библию и другие старинные книги прятали от нас, детей, в ящике в чулане. Но когда родители были на работе, мы запирали дверь на крючок и забирались в чулан за книгами. Родители об этом не знали, так как к моменту их возвращения все аккуратно складывали на место. И родители были спокойны, что

их дети воспитываются на современной литературе.

Бабушка в сороковых годах жила с нами. Была верующая, но не могла нас ни крестить, ни водить в храм. Она с этим смирилась, говорила, что доживет с верой, а «вы уж живите по-новому». Не могла же она допустить, чтобы зятя выгнали с работы.

Бабушку смогли похоронить по-христиански

Умерла бабушка в 1945 году, тогда в Йошкар-Оле даже снова открыли собор, который был уже без колокольни. Этот храм просуществовал до Хрущева, а при Хрущеве был стерт с лица земли. Но бабушку смогли похоронить по-христиански. Пригласили домой священника. И тогда я первый раз видела священника в облачении и слушала отпевание. Икон дома не было, и для отпевания взяли у знакомой старушки маленькую эмалированную иконку. Соседи по дому были очень порядочные, и на отца никто не донес.

Я вложила в тебя искру Божию

Я сама училась в пятидесятые годы в Казанском университете на физмате. Общежитие тогда было всего одно. Мест в нем не хватало на всех иногородних, и я жила на квартире.

Моя хозяйка, звали ее тетя Муся, была верующая, православная. Муж у нее работал артистом Качаловского театра, но ко времени моего приезда уже умер. В Казани действующая церковь находилась далеко от центра, поэтому тете Мусе приходилось совершать прямо-таки подвиг: вставать очень рано и штурмовать трамвай. Желающих попасть в церковь оказывалось обычно довольно много. Тете Мусе в ту пору было около шестидесяти лет.

Образование у нее было трехклассное, писала она крупным почерком. Зато сочиняла стихи. Слог красивый, не тяжеловесный. Писала она молитвы в стихах. Еще в Великую Отечественную войну, когда ее сын был на фронте, тетя Муся написала огромное количество молитв-стихов с просьбой к Богу защитить и сохранить ее сына. Он вернулся живой, только потерял ногу.

Я часто оказывалась свидетелем того, как тетя Муся вставала ночью и писала, сочиняла молитвы в стихах. А еще она давала себе обязательство сделать ночью определенное количество поклонов. Когда я уходила на экзамен или уезжала на праздники домой, она всегда меня крестила. Еще провожала меня на вокзал и даже крестила отходящий поезд. Часто говорила мне: «Я

вложила в тебя искру Божию». Позднее к тете Мусе приехала дочь с семьей, и поэтому мне пришлось переехать на другую квартиру.

В миру я такой красоты не видала

Мой двоюродный брат Иван, будучи инженером путей сообщения, умудрялся постоянно посещать храм, выписывал «Журнал Московской Патриархии» и другую религиозную литературу. После четвертого курса в пятидесятые годы нас послали на практику в Ленинград. Проезжая через Москву, мы с подругой остановились у Ивана.

Он сводил нас на службу в Богоявленский кафедральный собор. Это была первая служба, на которой я присутствовала. Простояла ее на одном дыхании. Хор на двух клиросах был неописуем, и в конце с проповедью вышел священник. В миру я такой красоты не видала.

Антонина Гавриловна Бакиева

Мой родственник решил, что меня надо приобщить к духовной литературе, и дал почитать какую-то книгу (не помню название). Еще Иван показал мне, кажется, в «Журнале Московской Патриархии» портрет профессора Луки, Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, и сказал, что это видный хирург, а в церковном мире он имеет высокий сан архиепископа. В наше время, в 2000 году, святитель Лука был прославлен как исповедник Русской Православной Церкви.

Мне захотелось составить родословную Христа

Будучи уже преподавателем кафедры физики в Политехническом институте в Йошкар-Оле, я собирала вырезки из журналов – репродукции картин художников. И когда нас обязывали дежурить в студенческом общежитии, чтобы развлечь себя и студентов, я организовывала на время своего дежурства выставку репродукций картин какого-нибудь определенного художника.

Как-то в семидесятые годы я надумала организовать выставку репродукций на библейскую тему. К тому времени у меня накопилось их большое количество (считая и скульптуры), на несколько листов ватмана. Но где взять сами сюжеты? Библию не достать. Нашу спрятанную мама ликвидировала вместе с другими старыми книгами при переезде на новую квартиру, где не было такого чулана. Там негде было все это прятать от нас, уже не детей.

К счастью, брату подарили на работе «Библию для верующих и неверующих» Ярославского. Книга антирелигиозная, разгромная, где автор разоблачал библейские истории. Но зато они там описывались. И этим можно было воспользоваться. Когда мне захотелось составить родословную Христа, от Адама до Иосифа, я воспользовалась «Настольным словарем для справок» Зотова и Толля 1864 года. Но цепочка в родословной кое-где прерывалась. Нужна была Библия.

В одном знакомом семействе имелась Библия, и я прорвалась к ним на один вечер и заполнила пробелы в родословной. Потом настали 1980–1990-е годы. Пошел шквал печатных изданий самых разнообразных. Приобрести Библию стало легко. В 2000-м я крестилась.

Соблюдать волю Божию, а не свою

Рассказывает Ирина Никифоровна Милованова, Нижегородская область

Мои мама и папа

Родилась я в 1948 году на Украине, в городе Днепропетровске. Мама у меня была глубоко верующей, воспитывала меня в православной вере, прививала мне интерес к духовной литературе. Она очень любила богослужения, подолгу молилась, а также часто оставалась помогать в храме: убиралась вместе с остальными, чистила и мыла, порой пропадала там целыми днями.

Отец у меня был очень добрым человеком, помогал всем, кто бы ни попросил его о помощи, будь то по работе или по любой другой нужде. Но в церковь он ходил довольно редко, только по большим праздникам и часто по настоянию мамы, хотя говорил, что верит в Бога. Молился ли он, не знаю, но думаю, что он старался так молиться, чтобы никто не видел. Думаю, что такой отзывчивый человек, готовый прийти всякому, даже незнакомому, на помощь, просто не мог быть неверующим!

Часто исключали из института и увольняли с работы за веру

Церквей было очень мало. В основном служили в домовых церквях, так как многие храмы были закрыты большевиками. В открытых часто не работало отопление, было холодно. Из-за постоянного давления властей даже просто ходить в храм было подвигом, своего рода исповедничеством, ведь можно было лишиться работы, карьеры, а иногда и свободы из-за своих религиозных убеждений.

Часты были случаи исключения из институтов, увольнения с работы, и все это за веру, но верующие все равно жизнью исповедовали свою веру. Интересно также и то, что в городской психбольнице находились в качестве «сумасшедших» умнейшие и интереснейшие люди, даже по признанию самих сотрудников больницы. Эти «сумасшедшие» попали туда за свое исповедничество.

Священство в то время было нелегким крестом

Священники в то время были настоящими светочами православия. Они служили, всецело предаваясь Промыслу Божиему. Их считали «отсталым элементом», «темными и глупыми попами», даже в карикатурах в школах старались представить как олицетворение жадности, порока и глупости.

Священство в то время было нелегким крестом, особенно для тех пастырей, которые не шли на уступки властям, не следовали всецело их указке, ведь власть в лице уполномоченных по делам религии хотела полностью руководить деятельностью Церкви.

Служили больше Богу, чем властям

Молодые люди ходили в церковь, но старались это делать незаметно, старались посещать сельские церкви. Лично я могла спокойно помолиться лишь в сельской церкви, где никто меня не знал. Часто в храме появлялись осведомители, наблюдали за прихожанами, а потом докладывали начальству. Те, кто все-таки ходил в церковь, были более ревностными, чем нынешние верующие. Они не нарушали постов, служили больше Богу, чем властям.

У нас в семье все вместе молились утром и вечером. В пятницу – обязательно в баню, в субботу – обязательно вечером на всенощную, а в воскресенье утром – на воскресную литургию. А еще в воскресенье шли к знакомым верующим старушкам, где читали душеполезные поучения. У них была старенькая фисгармония, под аккомпанемент которой пели.

А светские люди в выходные обязательно шли на рынок или на стадион смотреть матчи. Шли все поголовно – и стар и млад, ни одного матча не пропускали.

Я в молодости, чтобы попасть на службу, переоделась в старушку

Перед Пасхой всегда белили стены дома и внутри, и снаружи, ведь жилища у нас на Украине были из глины (что мне в детстве очень не нравилось). Также перед Пасхой делали генеральную уборку. Кстати, убирались перед Пасхой даже в неверующих семьях.

Как отмечали раньше православные праздники? В Рождественский сочельник несли кутью родственникам, соседям, а кутья состояла из риса с компотом. А на Пасху молодые, как правило, в храм не шли, а гуляли всю ночь напролет, жгли

костры, пили вино, да и очень много на праздники милиции у храмов было, которая под разными предлогами молодых людей туда не пускала.

Пробраться можно было только обманным путем. Помнится, я в молодости, чтобы попасть на службу, переоделась в старушку: нацепила платок, валенки, сгорбилась, взяла палку – только так и попала на богослужение.

А в Великую Субботу, помнится, чтобы успеть к службе, вставали в четыре утра, но это того стоило, так как служба было очень трогательная и молитвенная.

На Успение всю дорожку к храму выкладывали цветами, вокруг храма тоже все было в цветах, а также они лежали вдоль всей ограды. Причем бабушки приносили из дома цветы, которые сами же и выращивали. Приносили все цветы, которые только растут в южной полосе России.

Простите меня, сестрички и братики!

В селе Вольное открылся родник, и люди заметили многие случаи исцеления от источника, куда часто приезжали группами из городов, даже из Днепропетровска. Неподалеку была церковь. Однажды, когда поехали на родник, одна старушка переругалась со всеми подряд, но когда стала набирать воду, то вода оказалось мутной, и бабушка, осознав свой грех, стала просить у всех прощения: «Простите меня, сестрички и братики!»

Когда икону из кладовки достали, глаза перестали болеть

Закрыли одну церковь, и как-то моя мама принесла оттуда ветхие иконы в плохом состоянии. Их хотели сжечь. В их числе была икона святителя Николая, рукописная, но очень плохо сохранившаяся, на ней можно было разглядеть лишь лик. Поэтому я икону поставила в кладовку. Но скоро у меня случилась какая-то инфекционная болезнь. Глаза и веки воспалились очень сильно, и я боялась ослепнуть. А дедушка сказал мне, что это из-за того, что икону поставили в кладовку, то есть из-за небрежения к святыне. Когда икону из кладовки достали, глаза перестали болеть.

В церковь ходил прихожанин, у которого рука висела плетью. Про него ходили слухи как про ярого атеиста, дерзнувшего даже рубить иконы, вследствие чего он и был наказан за свой грех: рука у него отсохла. А потом он стал самым прилежным прихожанином, осознав свой грех и покаявшись.

Самое первое мое чудо в детском возрасте

Когда я училась в пятом классе, мы проходили историю Древнего мира, а также происхождение человека от обезьяны. И я переживала: меня мама учила, что мир сотворен Богом, как же я буду рассказывать учителю теорию эволюции Дарвина? И пропустить урок нельзя – с этим было очень строго. Казалось бы, безвыходное положение, но по молитве Ангелу Хранителю (это самое первое мое чудо в детском возрасте), учительница спросила меня предыдущую тему, и мне не пришлось кривить душой! А вслед за мной спросили одноклассника именно про теорию эволюции Дарвина.

«Как низко ты пала!»

В детском возрасте, в школе, я была отличницей, всегда была на виду, мое имя в числе прочих висело даже на доске почета. Но я очень боялась, что учителя узнают, что я верующая, и меня будут на линейке перед всеми «позорить». Однажды завуч вызвала меня в кабинет и сказала, что ей известно, что я с мамой, бабушкой и дедушкой хожу в церковь. Но тут боязнь вдруг куда-то ушла, и я даже с радостью подтвердила, что хожу в храм, на что завуч заметила: «Как низко ты пала!» Это мое первое своего рода «исповедничество за веру».

А уже во взрослой жизни я по характеру и собственному мировоззрению не следовала за настроениями тогдашней молодежи. И хотя сверстницы не знали о моей вере, но звали «штундой». В нашей семье отличался и сам уклад жизни: я не красилась, ходила с косой, не посещала дискотеки, не участвовала в абсолютно пустых комсомольских собраниях.

Ангела Хранителя просила меня разбудить

А когда я работала в три смены и училась в вечернем институте, очень уставала, не высыпалась, ужасно хотелось спать. И однажды легла поспать на двадцать минут, не было сил вообще, даже будильник не завела, а лишь Ангела Хранителя попросила разбудить. И, о чудо! Ровно через двадцать минут слышу мамин голос: «Ира, Ира, вставай!» Я тотчас проснулась и так хорошо выспалась, как не высыпалась и за сутки.

Я зачитывалась книжкой про Ангела Хранителя

В детстве я зачитывалась книжкой про Ангела Хранителя и

поэтому очень почитала его и усердно ему молилась. И однажды в двенадцать ночи я читала акафист Ангелу Хранителю в той комнате, где мама отдыхала после работы. Во время молитвы мама проснулась и рассказала, что ей приснилось, будто я иду вместе с красивым и высоким молодым человеком за руку, причем волосы у него были белые.

Каким-то чудом мальчик очутился дома

А мой супруг рассказывал следующий случай. В детстве, перед Вербным воскресеньем, они с ребятами ходили через речку в лес, чтобы наломать вербы. Как-то он пошел один, а лед был подтаявший, хрупкий, и он провалился под лед. Рассказывал, что кричал, звал на помощь, но никого рядом не было, лишь вдалеке женщина полоскала белье и слышать его криков не могла. Он все пытался выплыть, но безуспешно и через какое-то время потерял сознание.

А после каким-то чудом он очутился на кровати у себя дома. Спросил маму, как он здесь оказался, и услышал в ответ: «Наверное, тебя кто-то принес». Но если бы его действительно кто-то и принес, то вся деревня об этом бы говорила. Но никто ничего не видел, и, вероятно, это было явление чудесного Промысла Божия.

Духовную литературу переписывали вручную

Акафисты моя мама переписывала вручную, брала их у местных монахинь (у нас был разрушенный монастырь). Все свое свободное время мама переписывала акафисты – за всю жизнь переписала их огромное количество. А вот Евангелие нам подарили. Молитвослов нам достался от местного священника. В церковных же лавках продавались лишь маленькие свечечки.

Духовную литературу читали переписанную вручную. Переписывали с большим количеством ошибок, очень непонятным почерком, причем каждый переписчик по-своему понимал важность написанного и подчеркивал самое, по его мнению, важное или писал печатными буквами. Так я прочла про «стояние Зои», о чуде воскрешения Клавдии Устюжаниной и «Мытарства блаженной Феодоры». Из-за того, что книги были переписаны от руки, читать было очень трудно, порой вообще не хотелось, иногда даже не понимала, что написано, все казалось об одном и том же. Но все же интерес к духовному чтению был.

Гонения на верующих

Это, во-первых, закрытие Киево-Печерской лавры. Все люди очень скорбели об этом. Даже охране монастыря, как рассказывают, было видение, что приходили к стенам монастыря монахи и пели, в результате чего многие милиционеры отказались от дежурства под стенами обители.

При закрытии церквей даже самого любимого народом священника (он был как современный Златоуст!) оклеветали и выслали из города за его ревность к делу проповеди Евангелия и добродетельной жизни.

Женский Тихвинский монастырь, находившийся в нашем городе, взорвали, а монахинь перед этим разогнали. Это было во времена Хрущева. А когда прислали нового священника, отца Георгия (он до сих пор служит, ему уже около девяноста лет), народ его тоже полюбил за хорошие, глубокомысленные проповеди и пастырскую заботу.

Очень много было слежки за клириками, их переставляли с места на место, особенно истинных пастырей, ревностных. Видимо, многие боялись гонений со стороны властей. Однако я как-то сподобилась взять благословение у отца Серафима (Тяпочкина), но окормляться у него не получалось – он был очень загружен, да и власти повсюду преграды строили.

Молодым людям, особенно со светским образованием, не давали поступать в семинарии, постригаться в монашество. Например, старец Иона (Игнатенко), желая поступить в братию Одесской обители, десять лет жил в туалете! Власть не давала ему возможности вступить в братию и прописаться в монастыре. Но он на протяжении всех этих лет выполнял все послушания вместе с остальными монахами и в конце концов стал великим духовным наставником множества верующих.

Они отдали жизни за свой народ

Мой родной дядя был комендантом Брестской крепости, которая первая приняла на себя натиск немецких захватчиков и геройскими усилиями сдерживала их несколько месяцев. Фамилия дяди Кижеватов, он был настоящим героем и патриотом своей Родины. Про защитников крепости написано несколько трудов, самый известный из них – повесть Виталия Рубцова «Одиннадцатая твердость». Очень рекомендую почитать нынешнему поколению, чтобы научились любить Родину.

Дяде немцы предлагали огромные деньги за измену, чтобы он сдал крепость, ведь, не взяв ее, фашисты не могли двигаться дальше, она задерживала всё их наступление, давая возможность подготовиться к обороне остальным крепостям и подразделениям.

Форпост был обречен, это понимали все, от командира до солдата, но они решили отдать жизни за свой народ. И ведь что удивительно: это поступок «красных командиров», советских солдат, не получивших религиозного воспитания, не ходивших в церковь и не имевших возможности читать духовную литературу.

Под конец, когда боеприпасы у защитников были на исходе, они договорились с немцами, чтобы те дали возможность выпустить из крепости женщин и детей, в числе которых была и семья командира. Немцы согласились, но руками полицаев расстреляли всю семью командира с остальными.

Раненые были спасены

Хочется еще рассказать о моем отце, тоже прошедшем всю войну, причем начинал он рядовым солдатом, а дослужился до капитана. Он был механиком и служил на фронте водителем: перевозил грузы, спасал раненых. Как-то он рассказывал, что был приказ перевозить военный госпиталь на автомашинах из-за наступления немцев, а папа был командиром автоколонны.

Командование определило точный маршрут следования колонны, но уже в пути стало известно, что дорога под обстрелом фашистов. И тут папа принял решение, которое могло стоить ему погон и свободы: он решил повести автоколонну по другому, безопасному маршруту, известному только ему. В результате раненые были спасены, а папе сделали выговор от начальства. Благополучное спасение госпиталя его начальник приписал себе.

Главнее ничего быть не может!

Самое главное – это вера в Бога, главнее ничего быть не может! Эту веру нужно нести по жизни и никогда от нее не отступать! Даже в самых трудных случаях моей жизни я всегда замечала постоянное действие Промысла Божьего. Если человек будет соблюдать волю Божию, а не свою, то для него рай начнется уже здесь, а в противном случае человек не обретет покоя, все время будет чего-то добиваться, искать и каждый раз понимать: это что-то не то. И ведь в таких бесплодных поисках можно провести всю жизнь…

Все у нас на Родине возродится, как возродилась наша церковь

Рассказывает Василий Михайлович Балаев, житель села Дракино Торбеевского района республики Мордовия

Я еще с малых лет часто бывал в храме

Село у нас мордовское, большое – свыше тысячи домов и тысяча шестьсот жителей. Сельчане наши выращивают на приусадебных участках и огородах клубнику, которую и продают, и варят варенье, и делают компоты.

Село большое, и церковь очень большая. Возвышается посреди Дракино, заметна за несколько километров, а возвели ее более ста пятидесяти лет тому назад. По историческим меркам, конечно, она не такая уж и старинная, но все же. Со дня постройки церковь практически постоянно была открыта, даже в тяжелые времена гонений, когда большинство храмов закрывали. Я еще с малых лет часто бывал на службах, так как водил туда свою бабушку, совершено слепую, а потом, после службы, приводил ее домой.

Все жители нашего села всегда принимали паломников

В пятидесятые годы открытых церквей в Мордовии были единицы. На несколько районов могла быть одна церковь. Ближайшая находилась в Пензенской области, в городе Беднодемьяновске, ныне Спасске. Добирались издалека, как могли, – кто креститься, кто венчаться.

В праздничные дни народу прибывало со всей округи столько, что все близлежащие к храму дома были переполнены паломниками. Некоторые приезжали за несколько дней до праздника, и все жители нашего села всегда принимали их и кормили, чем могли.

Нас, детей, было пятеро, и росли мы в тяжелых условиях

Как я помню, у нас постоянно ночевало до десяти, а то и

больше человек, хотя и своя семья была большая.

Отец у меня инвалид, вернулся с фронта без одной руки и половины легкого. Нас, детей, было пятеро, и росли мы в тяжелых условиях. И еще в 1952 году наш дом сгорел, тогда сгорели дома целой улицы в Дракино. Представьте, как тяжело было выжить, когда в стране царил голод.

Пришли полный развал и запустение

Настало время, и нашу церковь закрыли: сельская власть, по-видимому, получила от начальства указание. Нашлись разные причины: грозились обрушением, да всякого там хватало. Как говорит пословица: смерть причину найдет. Одним словом, закрыли. Церковную утварь расхитили, но большинство икон разошлось по сельчанам до лучших времен.

Некоторые годы церковь стояла в запустении, но потом колхоз приспособил ее под зерновой склад. Фрески и лики святых на стенах и на потолках начали разрушаться, крыша течь, купола гнить. Пришли полный развал и запустение. Все это происходило на моих глазах. Сельчане только жалели, но никто не мог ничего сделать: время было очень тяжелое, запрет на исповедание своей веры.

После смерти отца решил возвратиться в родное село

Я окончил железнодорожное училище, потом отслужил три года в железнодорожных войсках. В 1969-м вернулся из армии и устроился на работу в городе Рузаевке. Дома остались только родители, сестры уже разъехались. А через два месяца после моего возвращения из армии скончался мой отец. Он был очень грамотным и уважаемым в селе человеком, еще не старым – пятьдесят шесть лет. После его смерти я решил возвратиться в родное село.

Было обещано открытие церкви

В этом же году наши сельчане задумались об открытии церкви, и это дело возглавили Ольга Васильевна и ее подружка Анюта (так ее все звали). Ольга Васильевна высшего образования не имела, была простая женщина, но умная, грамотная, настойчивая и умевшая вести разговор по душам как с простым человеком, так и с начальниками. Она организовала сход селян. Избрали группу – двадцатку, в которую вошли энтузиасты, больше всего болевшие душой за открытие церкви, в том числе и

моя мама.

Начались у Ольги Васильевны с Анютой хождения по мукам: ходили они по всем инстанциям, от районной власти до столичной. Несколько раз добивались встречи с правительственными чиновниками Москвы. И это продолжалось не один год, но Ольга Васильевна, как я уже говорил, была очень настойчива и не отступала ни перед какими отказами. Наконец затеплилась надежда. Было обещано открытие церкви, но когда – непонятно, в туманном будущем.

Начали тракторами заталкивать в церковь многотонные станки

Колхозные дела у нас шли кое-как, сельчанам работать было негде, и в эти же годы наметилось в селе открытие филиала Рязанского станкостроительного завода. Народ обрадовался: это же работа и деньги. Стали набирать рабочих, и я также вошел в их число. Станки везли вагонами, оборудование – машинами из Рязани. Выгружали рядом с церковью, потому что завод строили прямо за ней. Здесь же находилась старая деревянная школа, довольно большая. Ее переоборудовали в цех, поставили несколько станков, но этого было недостаточно для заводского филиала.

И вот как раз когда нам пообещали, что откроют наконец нашу церковь, местное сельское начальство с районной администрацией решили использовать храм под филиал завода. Не знаю, как они сговорились с заводским начальством и что решили: отдать нашу церковь в аренду или просто продать ее. Но в один прекрасный день привезли рабочих и начали тракторами заталкивать в церковь многотонные станки. Сельчане уже знали про их намерения и организовали дежурство у ворот. Дежурные тут же начали бить в колокола, благо они были целы, хотя и не все: самый большой сбросили с колокольни в 1941 году и использовали на нужды фронта.

Молодых силой заталкивали в машины, а пожилых волокли по земле

Услышав колокольный набат, все сельчане собрались к церкви и встали перед ней живой стеной. Трактор почти въехал внутрь храма, но там остановился у самого входа: его гусеницы скользили по паркетному полу, оставляя лишь зазубрины и царапины. Пол выдержал – не вылетела ни одна паркетная доска. Это было Божье чудо. Так и не получилось у начальства втащить

станки внутрь храма трактором.

Тогда начальники угрозами стали заставлять рабочих тащить станки в церковь вручную, но сельчане встали стеной на проходе. Вмешалось местное и районное начальство, начались угрозы, увольнения школьных преподавателей и других работников, но и это им не помогло. Тогда они вызвали из района милицию, приехали милиционеры на машинах. Они начали растаскивать людей, но сельчане ложились на пороге храма. Молодых силой заталкивали в машину и увозили, а пожилых волокли по земле, но на их место ложились другие, и все это сопровождалось криками и плачем.

Жаль, что не было в то время таких фотоаппаратов, как сейчас, чтобы запечатлеть всю эту сцену для истории. Но снимать тогда было опасно: можно было угодить надолго за решетку. Это противостояние властей и милиции со стариками и женщинами длилось долго. В конце концов милиционеры устали. Они могли убить пожилых сельчан, но не осмелились. После двух-трех дней милиционеры перестали приезжать, сдались, а люди еще долго дежурили у входа, сменяя друг друга даже по ночам. Видя провал своей затеи, завод отстал, успокоилась и местная власть.

Наша церковь стала возрождаться

А в скором времени пришли хорошие вести из Москвы: разрешение на открытие храма. С этого времени наша церковь стала возрождаться и восстанавливаться. Старостой выбрали Ольгу Васильевну, Анюту – ее помощницей, и начались у них другие хождения, теперь уже по восстановлению. Услышав весть об открытии храма, народ начал потихоньку идти на помощь. Церквей в ближайшей округе не было.

Будничные дни начались с чистки и уборки, и эта работа продолжалась несколько недель. Со всех сел и деревень понесли в храм иконы, которые сберегали все эти годы. Народ помогал, кто чем мог. Потом начались ремонтные работы, средств требовалось очень много. В первую очередь сделали ограду и начали ремонт крыши, потом нужно было восстановить основной купол, так называемую луковицу: она полностью сгнила. В то же время мы с моим другом Николаем (сейчас ему семьдесят шесть лет, живет, как и я, рядом с церковью) начали монтаж котельной храма и сделали отопление (раньше были печи).

После ремонтных работ нам прислали батюшку, и начались службы. Люди со всех деревень и сел приходили к нам в церковь. Завод рядом возводил большой цех, и рабочие шли на работу под звон колоколов. Жить стало веселее.

Покровский монастырь села Дракино

Священники периодически менялись. Но в 1992 году прислали в наш храм иеромонаха Пахомия (Куцина), молодого, но очень хорошего, и с тех пор он у нас постоянно служит вот уже двадцать два года. Немного позже приехал его брат, тоже иеромонах, отец Амфилохий, и в 1998 году на базе нашего приходского храма был основан Покровский монастырь села Дракино. Сейчас наши батюшки – игумены.

Многое за эти годы наши батюшки сделали для церкви. Расписаны внутренние стены и потолки храма, полностью восстановлена крыша, сооружены новые купола. На колокольню вместо сброшенного колокола подняли новый, огромный – его звон слышно за пять километров. Старое здание школы рядом с монастырем, которое раньше использовали для заводского склада, батюшки тоже восстановили, и теперь там воскресная школа и крестильня.

Отец Пахомий и отец Амфилохий построили скит монастыря, восстановили заброшенные пруды, разводят рыбу для пропитания братии и тружеников обители, организовали большое пчеловодческое хозяйство. Сделали новую территорию под кладбище, в строительстве которого и я принял участие – был главным по сварочным работам (хотя мне уже шестьдесят восемь лет). Много всего хорошего они сделали для селян и пользуются у нас большим уважением.

Батюшка Амфилохий возродил воскресную школу, его слушатели – несколько сот человек от малых до старых. В воскресной школе проходят семинары для учителей со всей епархии. С воспитанниками воскресной школы отец Амфилохий объездил все святые места Центральной России, побывали они и на Валааме.

Мой сын со школьных лет начал посещать храм, а потом и воскресную школу, был алтарником, а после окончания школы поступил в московскую Сретенскую духовную семинарию. Сейчас он учится на третьем курсе.

Все у нас на Родине возродится, как возродилась наша церковь

Вкратце о нашем заводе. В девяностые годы он обанкротился, людей уволили, цеха разобрали, осталось разоренное административное здание. Благодаря батюшкам, которые смогли отстоять это здание в пользу монастыря, после капитального ремонта оно превратилось в настоящий жилой комплекс. Здесь

находится все: и кельи для братии, и спортивный зал для мальчиков, учащихся в воскресной школе, и просторная трапезная со всеми удобствами, и классы для занятий. Думаю, что благодаря умным, честным, верующим людям все у нас на Родине возродится, как возродилась наша церковь.

Покровский мужской монастырь. Село Дракино

Господь не оставил меня Своей милостью!

Рассказывает Надежда Николаевна Куклина

Где мои родители?

Родилась я в г. Пушкине Ленинградской области. В два года семь месяцев меня отдали в Дом ребенка, и жила я там до войны. Родителей своих не знаю, в документах был записан только отец, Куклин Николай, и то не уверена, отец ли он. Вот и думаю, гадаю всю жизнь: где мои родители? Читала позднее в книжках, что в тридцатые годы много было репрессированных, их сажали в тюрьмы, а детей забирали в детские дома. Может, и с моими родителями так произошло.

Война началась, я была в санатории, лечили мне глаза. И вот помню очень хорошо, как началась война, как бомбили, как стреляли – все это у меня в памяти отложилось. Во время войны нас, детей, эвакуировали в Кировскую область. Добирались мы туда два месяца.

Все для фонда Победы

Начался уже учебный год, а мы только приехали в село. Когда война закончилась, нас из села отправили в деревню. В детдоме я не окончила семь классов, озорничала очень. В классе шапку брошу и по-пластунски ползу за ней. Шустрая была. Но мы никогда не дрались. В детдоме, слава Богу, научили нас, как обеды готовить, как дрова колоть, как стирать. Всем этим занимались. В лес ходили, грибы, ягоды собирали – все для фонда Победы.

Надежда Николаевна Куклина

Как-то насобирали мы опят, сами поели и еще хотели на фронт отправить. Но вначале их надо отварить, только потом засолить и тогда есть. А у нас сразу засолили и мы потом отравились ими. Но у меня, слава Богу, все прошло. А у

некоторых детей было сильное отравление, рвота началась, их потом молоком отпаивали и целый день молочным кормили.

Господь нас уберег

Никто нам про веру не рассказывал. Про войну также мало что. Помню, когда нас эвакуировали, мы покушали, только вышли из столовой – и ее сразу разбомбили. Если бы мы вышли минутой позднее, все бы погибли. Господь нас уберег.

Как-то при эвакуации шли мы по лесу. И вот помню: не было воды, нас не могли водой напоить. А мы маленькие, пить хочется. Вдруг видим: большая лужа, и нам кружки дают, чтобы мы из нее попили. Вот так… Нас сто пятьдесят детишек было. Ели березовые листья, траву, пистики (так в народе называли хвощ полевой), ромашки ели. Белые лепесточки у ромашек – это была каша манная, а желтенькая сердцевина – это было печенье. Много мы травы ели. А после войны уже нормально питались по сравнению с военным-то временем.

Из праздников только Новый год справляли, но нам дарили даже какие-то маленькие подарки – взрослые старались нас порадовать. Потом подросших девочек стали отправлять в Ленинград, на фабрику «Веретено», а я росточком была маленькая, и меня не приняли.

Как я стала ткачихой

Я пыталась искать родителей. В поисках мне помогал директор детдома Михалыч. Как война закончилась, он ездил в Ленинград, разыскивал наших родителей. У кого находились матери, отцы, дяди, тети, тех отправляли к родне. А у меня никто не нашелся, и поэтому мы поехали, а точнее, нас повезли в Ивановскую область, в школу фабрично-заводского обучения – ФЗО. В ФЗО я опять не попала из-за маленького роста, и меня спросили: «Поедешь в детдом обратно?» Я ответила: «Нет, не поеду». И вот мы, пять человек из детдома, остались на фабрике как воспитанники, нас там три раза в день кормили, одевали, только чтобы мы работали. Специально обучали нас.

Надежда Николаевна Куклина на комсомольской стройке

А потом приехала комиссия, и ее члены, посмотрев на меня, сказали: «Чего у вас такие сопляки работают?» И тогда меня снова отправили в детдом. Я полгода проучилась в седьмом классе, а потом попала в больницу, опять с глазами. Когда меня вылечили, я вернулась в детдом и узнала, что набирают желающих на ткацкую фабрику, а я мечтала стать ткачихой. «Пойдешь?» – «Пойду!» Мы с одной девочкой договорились и пошли, полгода учились на ткачих, а потом нас направили в Московскую область, в городок Родники, на ткацкую фабрику. Вот там я и работала.

Как я первый раз в жизни увидела церковь

В Родниках я первый раз в жизни увидела священника – на похоронах. Мне было лет шестнадцать, наверное. В магазин ходила и вижу: гроб несут, священник рядом идет, кадилом машет. И меня это так заинтересовало, что я с ними дошла до самого кладбища.

Там я также первый раз в жизни увидела храм – он находился рядом с клубом. В детдоме была церковь, но мы тогда даже не понимали, что это церковь, так как ее превратили в зернохранилище. Мы, детдомовские, часто туда бегали, там было много голубей, ведь голубям кушать что-то надо.

А здесь, в Родниках, я увидела открытую церковь, в которой проходили службы. И как-то раз, на Пасху, мы танцевали в клубе и решили сбегать в храм. И так нам там понравилось, что мы всю ночь бегали из клуба в церковь: туда-сюда, туда-сюда. Всем понравилось. Мы ведь про веру не знали ничего. В детдоме нам ничего не говорили.

Потом был клич на комсомольскую стройку, и мы поехали в Пермскую область, в город Березники, на объект химической промышленности. Вот там я и вышла замуж. Но что-то я не помню, чтобы там был храм, хоть какой-нибудь, – в храм там не ходили. Работала я на стройке плиточником. Ткачихой мне нравилось быть, а вот плиточником – нет. И так я мучилась четыре месяца.

Повенчаться мы с Пашей не успели

Вышла замуж, родила дочку Светлану. Когда познакомилась с родителями моего мужа, Паши, узнала, что они верующие. Жили они в Кирове. Мой Паша был воспитан в православной вере, уже в пять лет читал молитвы и Библию. Повенчаться мы с ним не успели. Он все хотел, но как-то не получалось.

Дедушка Павел возил внуков на Валаам по туристической путевке. Там в те годы только церковь была, а монастыря еще не было. На Валааме тогда жили инвалиды войны. На них страшно было смотреть: кто без рук, кто без ног. Некоторые и без рук, и без ног – их называли «самовары». А потом этих инвалидов уже переселили.

Помню еще: на демонстрации нас гоняли. Шли туда все под расписочку, а если не пойдешь, то наказывали: кому премию не дадут, кого по-другому накажут. Заставляли ходить, хочешь не хочешь, а идешь.

Хоть на старости лет, но пришла к Богу!

Потом уже наступили времена, когда верующих больше не гоняли, ходить в храм не запрещали. Муж моей второй дочки, Тани, Сергей, стал священником. И он все разговаривал с нами, многое нам о вере рассказывал, а я все слушала, и мне было очень интересно. Сердце у меня открылось к вере, и я потихоньку стала верующей.

Приняла святое крещение, и после крещения мы устроили праздник, наварили вареников! И теперь мы уже с внучкой стали в церковь ходить – старая да малая. Бывает, придем в храм, внучка стоит себе и подпевает клиросу, и я с ней подпеваю. И очень я рада, что хоть на старости лет, но пришла к Богу! Так Господь не оставил меня Своей милостью!

Мы всегда просили благословения у Господа

Рассказывает Надежда Дмитриевна Потапова, жительница села Дракино Торбеевского района республики Мордовия

Мои родные

Родилась я в 1957 году в селе Дракино. У нашего дедушки в хозяйстве имелись лошадь и корова. Его посчитали зажиточным, к тому же он был верующим. Этого было достаточно, чтобы арестовать дедушку и выслать его из села. Куда его выслали, мы не знали, говорили, что куда-то недалеко от Ташкента.

Мой отец работал в колхозе. Братья его все были на войне; один брат погиб, другой пропал без вести и еще трое вернулись живыми. Папу не взяли на фронт, потому что он был инвалидом детства. Во время войны он работал на станции Потьма Зубово-Полянского района, охранял заключенных. Мама работала на железной дороге в составе службы обеспечения безопасности железнодорожных путей. Маршрут у нее проходил от Москвы до Харькова, именно по этому направлению перевозили военные грузы.

Родители были для нас примером нравственности и доброты

Родители были для нас, детей, примером нравственности и доброты. Мама всегда помогала нуждающимся в помощи. В то время некоторые семьи жили так бедно, что им не хватало денег купить детям одежду в школу. А наша семья жила побогаче других, потому что мама готовила очень вкусные моченые яблоки и продавала их.

Помогала мама людям не только деньгами, к ней приходили за утешением те, у кого случалась какая-то скорбь. Церковь в те годы стояла закрытой, а людям надо было куда-то идти за утешением, и они все приходили к нам. Даже после смерти мамы многие вспоминают о ней добрым словом.

Папа в те годы работал в колхозе учетчиком, и его тоже уважали все, кто работал с ним. Папа был очень добросовестным человеком, он обходил все поля, знал, где находится какой

камень, и потом предупреждал трактористов, чтобы обращались с техникой поосторожней.

На отдых у нас не было времени

В нашей семье росли трое детей: две сестры и брат. Мы с сестрой учились на отлично, а брат на четверки. Отдыхать нам было особенно некогда. Во время летних каникул работали на огороде, ухаживали за клубникой. Отец работал только за трудодни, зарплату не получал, и доход наш был только от огорода. Мама занималась продажей яблок.

Правда, после сбора урожая ягод мама отпускала нас на несколько дней отдохнуть, и мы ездили в Ковылкинский район к дяде, в поселок Рыбкино. Там у реки Мокши отдыхали три или четыре дня. Еще в нашей школе работал интернациональный лагерь «Дружба», который направлял отличников в разные города и страны. И моя сестра ездила с группой учеников в Эстонию. Их нарядили в национальные одежды и отправили в двухнедельную поездку. Такие поездки совершались каждый год.

В нашей семье не отмечали никаких светских праздников

В нашей семье мы не отмечали никаких светских праздников. Отмечали только церковные: Пасху, Рождество Христово, Покров Божией Матери и другие. На Пасху и Рождество мы обязательно шли в церковь на ночные службы. После службы ехали домой. Больших застолий у нас не бывало – мама пекла пироги, блины. Ходили колядовать к Рождеству. Матери нас одевали в красивые платки и отправляли колядовать.

На праздник Покрова, наш престольный праздник, сооружали посреди улицы высокие качели, качались на них, и было очень весело. В то время компьютеров не имели, на всю улицу был только один телевизор у соседа Дмитрия Ивановича, который жил неподалеку от нас. И все ходили к нему смотреть телевизор, человек по тридцать набивалось в дом.

От Бога никто не отрекался

Когда я училась в дракинской школе, окружающие знали, что наша семья верующая. В школе нам не разрешали носить крестики, но я, сестра и брат всегда их носили. Мама запрещала нам их снимать. У нас многие носили крестики. И у нас все оставались христианами, от Бога никто не отрекался, это я

помню.

У всех односельчан были и иконы, и вера в Бога, но это скрывали, кто как мог. Даже проверяли учителей и партийных: ходили по домам, смотрели, у кого есть икона, у кого нет. В школе нужно было вступать сначала в октябрята, потом в пионеры, затем в комсомол. Наша мама нам этого не разрешала, у нас в семье никогда не было ни комсомольцев, ни партийных. И мы свою веру дома не скрывали: у нас всегда были иконы, и перед иконами день и ночь горела лампадка.

Мама будила нас в три часа ночи, и мы шли в церковь

Церковь нашу закрыли в год моего рождения, но в детстве я ходила с мамой в зубово-полянскую церковь. Каждое воскресенье, это было для нас обязательно. Также мы всей семьей ходили в церковь в город Спасск Пензенской области, расположенный на границе с Мордовией.

Мама будила нас в три часа ночи, и мы шли через поля и овраги до самого Спасска. Мы все очень уважали священников, относились к ним с особым благоговением. Когда я была маленькая, помню, что батюшка был для нас, как будто посланник с небес.

Я принес вам Псалтирь

Мама у нас всегда читала православные книги. Как-то я, уже став взрослой, попросила у мамы, которая пришла ко мне в гости, Псалтирь. Мне хотелось иметь старинную Псалтирь, как у нее самой. Мама пообещала: «Я тебе куплю, но уже современную, какие сейчас продают в церкви или в магазинах». Я попросила: «Мне очень хочется старинную Псалтирь!» Мама переночевала у меня, а на следующее утро пошла к себе домой.

Вернулась она домой, стала читать утренние молитвы – и вдруг к ней кто-то стучится. Открывает она дверь и видит мужчину, который спрашивает у нее: «Тут живет Мария Васильевна, которая читает Псалтирь?» – «Да, это я». – «Я вам принес Псалтирь». Когда мама посмотрела на книгу, то увидела, что это старинная Псалтирь, одна из семи, изданных в рукописном варианте в Киеве. Вот такой подарок я получила от мамы на следующий день после нашей беседы.

Лавра была для нас как второй дом

Потом еще один случай был. Мама всегда брала меня с собой

по монастырям, мы ездили в Троице-Сергиеву лавру, в духовную семинарию в Одессу, в Киево-Печерскую лавру, которая была для нас как второй дом, – мы бывали там очень часто с детства.

У мамы имелись разные иконы, но не было у нее Казанской иконы Божией Матери, о которой она всегда мечтала. Однажды мы возвращались из Киева и приехали на Казанский вокзал, где к нам подошла неизвестная женщина и спросила: «Вам икона не нужна?» – и вытащила старинную Казанскую икону Божией Матери, написанную на красном дереве. Это был подарок с небес, и мама купила эту икону.

Перед едой всегда молились

За стол мы садились всей семьей. Пища у нас была, наверное, как у всех, простая: щи, суп и каша. Во время поста пища была постная. Заготавливали продукты с осени, солили целыми кадушками грибы и огурцы. Но в памяти больше остались грибы. Хлеб пекли сами, и черный и белый. По праздникам – белый хлеб и блины, по будням – черный, ржаной.

За стол садились три раза в день, это было у нас обязательно, потому что лишней еды не имелось. Но варенье для нас, детей, в чашке на столе стояло всегда. А хлеб обычно был свежеиспеченный. Яблоки тоже собирали свои и мочили по десять – пятнадцать кадушек.

Перед едой всегда молились. Вне поста готовили мясную пищу, мясо обычно солилось в кадушке. В то время, как я помню, не было никаких колбас. Если суп ставили на стол мясной, то сначала черпали ложками бульон, потом отец три раза стучал по чашке, и только после этого мы могли есть мясо из супа.

Мама читала акафисты, и все молились

Духовная литература в нашем селе в основном была у мамы и ее сестер, Ольги Васильевны и Антонины Васильевны. Духовная литература моей маме досталась по наследству от дедушки: Евангелие, акафисты. Также духовную литературу привозили из монастырей, которые посещали. Еще в монастырях мама переписывала в общую тетрадь разные акафисты.

Церковь в селе была закрыта, и односельчане приходили в наш дом, человек по десять-двенадцать; мама читала акафисты, каждый день разные, и все вместе молились.

Иконы тогда было не достать, и моя мама сама делала иконочки. Батюшки отдавали нам церковные календари, когда заканчивался год, и верующие вырезали изображения и сами

делали иконы.

Наш храм закрывали трижды

В советский период наш храм закрывали трижды. Первый раз он был закрыт в 1920 году, затем его вернули ненадолго верующим, но во время коллективизации и развернувшейся антицерковной кампании тридцатых годов вновь закрыли.

Храм был открыт в пятидесятых годах и опять закрыт в шестидесятых. Поводом для закрытия послужил донос жителей села, которых якобы не устраивало поведение священника на приходе. На самом деле священник был очень хорошим и большинству сельчан очень нравился.

В результате рассмотрения этой жалобы пришел указ: отдать храм в распоряжение сельсовета для использования его в качестве подсобного помещения. Храм сильно пострадал: его использовали в разных хозяйственных целях, хранили зерно, которое завозили гусеничными тракторами. Все здесь расхищалось и ломалось. В центре храма был установлен транспортер, и зерно загружали в тяжелогрузные машины. И что удивительно, пол сохранил свою первозданность, лишь местами была побита кафельная плитка.

Спустя пять лет после закрытия храма сельчане начали ходатайствовать о его открытии. Они старались собрать как можно больше подписей. Серьезную поддержку оказал наш односельчанин Рассказов Максим Яковлевич, который в то время занимал пост заместителя министра СССР по сельскому хозяйству. Он помогал писать письма и проверял их на грамотность.

Верующие села Дракино Рассказова Ольга Васильевна, Потапова Мария Васильевна, Архипкина Домна Яковлевна, Кузнецова Елена Гавриловна, одетые в национальную мордовскую одежду, обутые в лапти, с ходатайством об открытии храма прошли все районные и республиканские инстанции.

Милиция стала растаскивать защитников храма

Когда уже почти было получено разрешение на открытие храма, в его помещении решили организовать цех по производству электродросельной продукции. Одна партия станков уже была завезена. Узнав об этом, жители села организовали круглосуточное дежурство по пять-шесть человек со сменой каждые пять часов.

В основном дежурили женщины пенсионного возраста, но было и несколько мужчин, а более молодое поколение не

вмешивалось, так как боялось потерять работу. В числе основных защитников храма, по рассказам односельчан, были Рассказова Ольга Васильевна, Потапова Мария Васильевна, Нагаева Агафья Васильевна, Архипкина Домна Яковлевна, Разгуляева Агафья Евдокимовна, Кузнецова Анна Андреевна, Вергазова Ефросинья Ермолаевна, Шичкина Пелагея Прокопьевна, Шичкина Анна Федоровна, Акашева Александра Гавриловна, Шичкина Мария Ивановна, Шичкина Александра Владимировна, Пониматкина Домна Дмитриевна, Заверткина Наталья Гавриловна, Кузнецова Елена Гавриловна, Саина Марина, Пучкин Емельян, Гладков Василий, Пучкин Петр. Эти защитники храма, несмотря на погодные условия, не отходили от него.

Когда поступила следующая партия станков, верующие оперативно собрались, чтобы не допустить их завоза в церковь. Они встали перед трактором и не пускали его в храм. Приехал целый автобус с милицией, из школы привели практически всех учеников и учителей. Милиция стала растаскивать защитников храма, тогда Рассказова Ольга Васильевна, чтобы остановить гусеничный трактор, легла под него. Милиционер пытался оттащить ее в сторону, но храбрая женщина оказывала сопротивление и не поддавалась, тогда он приставил ко лбу Ольги Васильевны пистолет. Она и этого не устрашилась и мужественно сказала: «Можешь стрелять!» Милиционер ударил ее по затылку так, что потекла кровь.

Все защитники храма проявили настоящее мужество в сопротивлении безбожным действиям властей. После всех этих событий защитники храма отправились делегацией в Москву в той же разорванной, грязной одежде, которая была на них, и в том же виде – у многих были синяки и кровоподтеки.

Рассказов Максим Яковлевич помог организовать прием защитников храма в Кремле и у патриарха Пимена. Стараниями и упорством верующих храм наконец разрешили открыть. В благодарность Богу женщины от дома до храма, более километра пути, прошли по снегу на коленях. 4 декабря 1978 года состоялась первая служба. Радости верующих села Дракино не было предела.

Мы всегда просили благословения у Господа

Если сравнивать наше поколение и поколение нынешнее, то, конечно, разница есть. Раньше, если у нас чего-то в доме не оказывалось, например подсолнечное масло закончилось, а магазин закрыт, мы могли полсела обойти и найти масло. Мы считали своих соседей своей родней. Сейчас такое очень редко

встречается. В прежние времена люди жили бедно, может, поэтому доброты и порядочности было больше.

Я думаю, что очень мало в жизни людей, у кого все хорошо. И практически у всех случаются и беды, и горести. Но это с нами происходит из-за того, что мы нарушаем заповеди Божии. Так говорила моя мама. Трудности всегда были у нас, дома́ наши были маленькими, детей растили много. Меньше трех-четырех детей ни у кого не было, а у многих больше.

После окончания техникума я работала в колхозе. А кто работал в колхозе, тот может себе представить, как там тяжело. Даже по выходным мы не думали об отдыхе. Надо было вставать в четыре часа утра и идти на работу. Возвращались домой только в восемь вечера. А в обеденный перерыв надо было для детей и постирать, и приготовить еду, и хлеб испечь. Все это приходилось нам успевать делать.

По праздникам, несмотря на занятость, все ходили в церковь. Раньше, как я помню, детей в церкви было очень много, но во время службы стояла идеальная тишина. А сейчас практически не соблюдают тишину в храме, ведут разные разговоры. К батюшке мы относились с особым уважением и любовью. Сейчас, на мой взгляд, отношение к священникам какое-то другое.

Перед началом любого дела мы всегда просили: «Благослови, Господи!» Так мама научила нас, чтобы мы всегда просили благословения у Господа. И все заботы, дела, горести и проблемы решались у нас с помощью Божией без особых затруднений.

Уповай на Бога от души, и все получится в жизни!

Рассказывает Лилия Ивановна Мозговая, жительница города Остров Псковской области

И тогда мы залезали на крышу вагона

Родилась я в городе Баку в 1939 году в семье рабочих. Бабушку и дедушку убили в 1917-м. Мама – домохозяйка: нас было пятеро детей. Папа – водитель, пожарный охранник. Папа прошел всю войну с 1941 по 1945 год. Детство у меня было послевоенное, голодное, все по карточкам.

Ездила мама в деревню работать. Заработает там на муку, на картошку. Все везет домой. И я маленькая. Меня с собой брала: одну дома не оставишь. И вот мы едем с ней домой, а в поезд невозможно сесть. И тогда мы залезали на крышу вагона, она меня затаскивала. И вот так, на крыше вагона, мы возвращались домой.

Еще мама варила кашу и на рынке продавала, чтобы что-то заработать. Постоянные тревоги, без света сидели подолгу, заклеивали окна. Всех мужчин забирали на фронт – масштабная мобилизация. Очень тяжелая обстановка… Мы очень маленькие были, но все это прочувствовали.

Остались дети сиротами

У нас даже такой случай был. Наша соседка работала проводницей, ездила в поезде Баку – Москва. У нее росли двое детей. И когда она уезжала, то детей оставляла под нашим присмотром. И вот она вышла однажды на работу, а ночью тревога была. Свет не зажигается, темнота. И вот они идут, их толпа собирается, чтобы идти пешком на вокзал.

Идут и слышат: едет танк. Слышат, но никак не поймут где. А танк где-то рядом, и все ближе и ближе. Но его не видно. Куда-то перегоняли его… И он свет не зажигает, и у них никакого фонарика нет. И нельзя зажигать: тревога ведь. Боятся же, что будет бомбардировка. Танк выезжает, а они в его сторону – и он нашу соседку задавил. И это такое для нас происшествие страшное было, до сих пор помню… Остались дети сиротами.

Как мы дружно жили в Баку

И вот жили мы, значит, в Баку, в Азербайджане. Мусульмане все очень верующие были, но и нам не запрещали верить, не смеялись над нами, не трогали нас. В те годы они очень уважали русских. А потом уже времена начали меняться, за многие наши поступки они стали относиться к русским как-то очень настороженно.

У нас был общий двор, и там, в этом дворе, стоял наш дом, и потолки были очень высокие – шесть метров. Жили мы дружно, и у всех семей комнатки по две было. А в доме этом все: и армяне, и грузины, и евреи, и азербайджанцы, и русские, и украинцы – разные нации. И очень дружно жили.

Вот наша Пасха русская была – мы всех угощали. Праздник был у всех во дворе. Азербайджанцы любили и своих, и наших детей, и даже, когда Пасха была, они тоже старались что-то испечь, яички покрасить, чтобы и у их детей тоже был праздник.

Ходили мы в храм редко

Храмы были очень красивые – армянский храм, русский храм… Русских три храма было в Баку, но мы боялись туда ходить. Службы шли, священники служили. Было нормально, не обижали. Вот крестили мы детей. Боялись, правда.

Мой муж крестил наших детей, когда еще был курсантом в училище. И боялись мы сказать, что он курсант, потому что это могло иметь последствия. Могли сообщить в училище, ко мне на работу. Могли его отчислить. Поэтому ходили мы в храм редко, вернее, просто заходили, службы не отстаивали… Зайду, бывало, посмотрю, свечку поставлю и выйду.

Старших очень уважали

Старших очень уважали. В нашей семье мы разговаривали на «вы» с мамой и с папой. За столом, например: «Мама, передайте хлеб, пожалуйста», «Папа, налейте компот, пожалуйста». У нас язык не поворачивался сказать им «ты».

Мы никогда родителям не прекословили, не отвечали им никогда грубо, никогда и никто из нас. Многие потом в России удивлялись нашему такому обращению с родителями. Говорили: «Как это? Мама – это друг. Надо на “ты”, как иначе?» А мы не могли.

Лилия Ивановна Мозговая

«Христос воскресе!»

В дни праздника даже мусульмане подходили и говорили «Христос воскресе!». И даже христосоваться хотели трижды. А мы с ними как-то не очень, мусульмане же. И вот ко мне однажды

подошел мужчина-мусульманин:

– Христос воскресе!

– Воистину воскресе!

– По вашему обычаю нужно поцеловаться.

– А по нашему еще нужно яичко дать.

И он достает и дает мне яичко. Вот, тоже праздник.

Чудо со святителем Николаем

Как-то, когда я была уже взрослой, я сильно болела. А у дедушки Вовы умер дядя, которого мы очень любили, он нам помогал, очень хороший человек. А у него не было детей, и он боялся, что, когда умрет, его некому будет похоронить. Мы ведь жили на Кавказе и нужно было похоронить хорошо: пригласить соседей, накрыть стол. А я как раз после операции. И вот я организовала эти похороны. Так хотелось сделать ему хорошее.

И вот, значит, мы его похоронили, и я, видимо, надорвалась после операции-то и заболела. И болела у меня печень. Болела и раньше, но вдруг совсем сильно заболела. Врачи, диета – никто и ничто не помогало мне.

Как-то прилегла на кровать, а печень болит, терпеть прямо не могу, больно… Боли, боли, боли… Думала я, что уже все – умру! Ничего кушать не могла.

Лежу, и вдруг подходит ко мне старичок невысокого роста, весь беленький, светленький, волосы седые, весь в белом. Я не знаю, спала я или наяву это было… Задремала, может. И он подходит ко мне, садится ко мне в ноги. Я чуть-чуть подвинулась. Он кладет руку мне на низ живота и начинает давить. И давит снизу вверх. И у меня как будто все поднимается, поднимается… Мне тяжело, тяжело, и я чувствую: уже к сердцу тяжесть подходит. Начала задыхаться, метаться головой в разные стороны. И вот повернула голову влево, слышу, как под ухом защебетали птички, потом смотрю – поднялась небольшая стайка, сделала надо мной круг и улетела в прихожую.

Я испугалась, вскочила! Пришла на работу – ничего у меня не болит. Не знала, что это такое было, и не знала, буду ли жить или умру. На работе ничего не говорю. Приехала домой, бабушке, родным тоже ничего не говорю, даже к врачам на обследование не пошла, но после этого случая у меня все перестало болеть. Только через некоторое время рассказала маме. Так и не поняла, что со мной произошло, а старичка запомнила!

И вот прошло много лет, я пришла к вере, зашла в храм и увидела напротив церковной лавки икону святителя Николая Чудотворца. Один к одному! И одеяние такое белое, волосы

светлые, беленькие… Точь-в-точь как много лет назад!

Потом решилась подойти к батюшке и рассказать ему о том случае. А вскоре после этого был день памяти святителя Николая Чудотворца и батюшка говорил о том, как мощи святителя хотели вывезти из Турции и как они охранялись в то время. А вывезти хотели в Италию. И батюшка читал о том, как монахи забрали мощи, как привезли в Италию, как в Италии просили императора специально для Николая Чудотворца построить новый храм. И в это время по городу пошли исцеления, и все, кто исцелился, свидетельствовали о маленьких птичках, которые бывали при исцелении.

И я вспомнила: «У меня ведь тоже птички были! Это же Николай Чудотворец!» И батюшке говорю: «Батюшка, вот эта иконка, вот этот старичок на иконке, он тогда меня исцелил. И по сей день у меня ничего не болит». Теперь мне не нужна диета, я могу есть жирное и многое другое. Болезнь меня уже не беспокоит тридцать с лишним лет.

Господи, успокой чем-нибудь мою душу!

Были и еще чудесные случаи в моей жизни. Мы уже переехали из Азербайджана в Остров, потому что в Баку начались трудности, нужда, да и к русским в определенный момент отношение изменилось. И вот мы переехали. Трудности нас постигли и здесь. Это был 1993 год. И, значит, ко мне собирался приехать племянник Рома. А денег никаких нет. Встречать его нечем, приготовить нечего. Мы ведь «новенькие», и занять не у кого.

И вот лежу ночью, уснуть не могу, не знаю, как мне быть. Уже где-то три часа ночи, а я ведь работаю, вставать нужно рано, в шесть утра вставала. И стала я просить Господа, как умела: «Господи, успокой чем-нибудь мою душу. Господи, успокой чем-нибудь мою душу». Только так и просила. И уснула. Проснулась, пришла на работу и только захожу в отдел, раздается звонок. Взяла трубку, а мне говорят: «Сейчас звонила начальница, какие-то 250 тысяч вам причитаются». Я удивляюсь: «Да что вы говорите, какие еще 250 тысяч?»

И вот звоню я туда, откуда деньги должны были мне поступить. И мне говорят, что у них товарищество образовалось в то время, когда я там была. И все состояние организации поделили, из них мне и причитается 250 тысяч. Хоть мне их и не дали в этот день, но я была такая радостная! Ведь я теперь могла занять, потому что знала, что у меня деньги есть! Понимаете? Вот такое чудо было у меня. Это второе. И третье чудо у меня было.

Трофимушка, помоги мне чем-нибудь!

Моя дочка Ольга вышла замуж и должна была приехать к нам в гости. А дом был у нас в плохом состоянии, ремонт мы не делали долго, обои на стенах черные – трудности были, денег не хватало. А тут дочка едет, и снова не знаю, что делать, к кому обратиться.

А я к тому времени как раз прочитала книгу про новомучеников Оптинских, убиенных иеромонаха Василия и иноков Трофима и Ферапонта. И в книге было написано, что Трофимушка помогал пенсионерам.

И вот я это вспомнила и стала просить его о помощи. И всю дорогу, пока шла до дома, просила его о помощи: «Трофимушка, помоги мне чем-нибудь!» Прихожу домой, а обои чистые у меня, потолок чистый. А они прямо черные были: печку топили, дядя Вова курил. И я не поверила! Все чистенькое, не нужно ничего делать! Родне сказала, все посмотрели, удивились и подтвердили, что пару дней назад все еще было грязным, а теперь как будто кто-то все это выбелил. Вот так Господь мне помог и всегда помогает – это не передать словами, как Он мне всегда помогает!

Уповай на Бога от души, и все получится в жизни!

Вот сейчас такое положение, и многие говорят, что нужно запасаться: муку, сахар, зерно… Вдруг война. Но ты ведь не запасешься на всю жизнь, не наберешь столько! А если ты с Богом, то ничего не страшно. Будет у тебя кусочек хлеба – и будешь сыт! Его тебе надолго хватит.

А еще говорят: вот, земля… А земли у меня сейчас нет. Напрасно, говорят, земли нет. Вот что-то посадишь… Если Богу не угодно, то все, что я посажу, все у меня пропадет: мыши съедят, птички поклюют, и ничего не вырастет. А если Бог с тобой, то будет у тебя кусок хлеба и сыт будешь. Уповай на Бога от души, и все получится в жизни! Вот так.

Я благодарна Богу за все!

Все мои дети очень верующие, и, слава Богу, они всегда со мной, всегда приезжают ко мне, просто так и на большие праздники. Но я так привязана к храму, что приходится говорить, чтобы приезжали не в праздники, а в другие дни, потому что тяжело принимать в праздники, я же дома не появляюсь, постоянно в храме, помогаю батюшке, на клиросе читаю, пою.

А они говорят: «Не нужно ничего делать, сами тебе все

сделаем, ключи только давай, и в доме сами разместимся, сами все приготовим, только ходи и молись!» Я им благодарна за это! И благодарна родственникам. У нас большая, дружная семья, мы приглашаем друг друга на все праздники, собираемся всегда вместе…

Я благодарна Богу за все, за все! За то, что у меня такие родители были, за то, что я родилась в Советском Союзе, в Баку, в Азербайджане. Я помню детство, война прошла, но даже все воспоминания из детства хорошие. Я благодарна Богу за всю свою жизнь, за то, что я пришла к вере. Благодарна Богу за то, что у меня все есть на старости лет.

Мне кажется, не напрасно прожила я жизнь. И внуки у меня хорошие, и правнуки, хоть и переживаю за всех. Это большая радость, что я в свои семьдесят шесть лет могу помогать батюшке в храме… И это Бог привел меня. Слава и благодарение Богу за все! (Когда книга уже была отдана в редакцию, пришло известие от родственников Лилии Ивановны, что она приняла монашество с именем София. – *Примеч. ред.*)

Уныние – это самый глупый грех из семи

Рассказывает Александр Николаевич Красиков

Подвиг моих родителей

Родился я 15 апреля 1951 года, так же как и иеромонах Рафаил (Огородников), мы с ним ровесники, я читал о нем в книге «Несвятые святые» архимандрита, ныне епископа Тихона (Шевкунова). Книга очень хорошая.

Родился я в глухой деревеньке, крестили меня в августе, когда мне было четыре месяца, еще при Иосифе Сталине, это был, можно сказать, подвиг моих родителей. Они несли меня по лесной дороге восемь километров, а затем ехали пять километров по узкоколейке, потом – в Вологду, где был кафедральный собор, единственный действующий во всей области.

Моя юность

Потом родители переехали в Лесной поселок, где жили лесорубы. Я окончил там начальную школу, затем за пять километров ходил в Семигороднюю, там была десятилетка. Жили в лесу, храма не было. В духовном плане приходилось всем очень сложно. Все обитатели Лесного поселка были родом из деревень, а раньше в любой деревне всегда был храм, или если деревушки совсем маленькие, то храм строили один на две-три-четыре деревни. В Лесном поселке никакого храма не было.

Окончив девять классов, я поступил в речное училище в Вологде, параллельно окончил еще два класса вечерней школы. Затем меня взяли служить на флот. Спортом я занимался с детства: играл в футбол, на лыжах ходил, бегал, в общем, все время был в движении. В речном училище я по всем показателям был на первом месте: прыжки в длину, в высоту, бег на сто метров, на двести, на четыреста, на полтора километра, на три километра. В училище начал заниматься боксом, приехал тренер из Москвы, и я быстро пошел в гору.

Служба в Морфлоте

Мой ровесник, иеромонах Рафаил (Огородников), служил на острове Даманском, а я служил на острове Медвежьем – оба

служили на островах. Я начинал службу на сторожевых кораблях, потом на острове; служил тоже три года, как и отец Рафаил.

После армии я приехал домой и жил с родителями, потом уехал в Вологду: молодой, делать в деревне было нечего. Усиленно занимался спортом, достиг КМСа – кандидата в мастера спорта по боксу, жил в общежитиях, учился и работал.

Мой путь ко Господу

Я был очень сильным, да к тому же боксером, как-то по молодости подрался, и мне грозила тюрьма. И вот тут-то я возопил ко Господу, это было первое мое обращение. Бога я никогда не отрицал, но я Его не знал, жил в атеистическое время, был и октябренком, и пионером, и комсомольцем. И вот тут, когда случилась со мной такая напасть, я возопил ко Господу. Я просил у него, символически говоря, рубль, но Господь, как милостивый Отец, дал мне миллион.

Я просил так: «Господи, если ты исполнишь мою просьбу, то я навсегда уверую в Тебя!» Но Он исполнил мою просьбу не так, как я хотел, а в миллион раз больше. Спустя несколько лет, в праздник Преображения Господня, находился я один в своей комнате, так как жил один: у меня был свой спортзал, и работал я инструктором по спорту. Приходили заниматься ко мне молодые и взрослые. В этот день попалась мне газета недельной давности, я просмотрел ее и увидел объявление о приеме в духовное училище.

Газету я убрал, но стал ловить себя на настойчивой мысли: мне нужно поступить в это духовное училище. Я эту мысль отгонял: и зачем мне все это надо? Но через два дня пошел в епархию, там как раз был прием, проходило собеседование, на котором присутствовали ректор училища и протоиерей Валерий Бурков, они принимали экзамен. Я прошел собеседование – и что же? Мне говорят: «Придешь через несколько дней, посмотришь, принят ты в училище или нет». Я отвечаю: «Хорошо». Через несколько дней прибегаю в епархию и вижу, что принят.

Нужно было смиряться, терпеть, а я не умел

И вот начал я учиться в духовном училище. Помещения тогда еще не было, не было и ни одного выпуска, так как прием в училище шел всего второй год. Нашим архипастырем был архиепископ Михаил (Мудьюгин). Начал я потихоньку учиться, ходить в кафедральный собор.

Летом стал ездить в монастырь, он еще только

восстанавливался. Приехал как-то в разрушенный монастырь, зашел в нижний храм, присел. Тишина такая, покой… Двадцать минут, сорок… Уходить неохота, и так просидел около часа, все было в лесах. Затем сел на велосипед и уехал, и так начал ездить в монастырь, почему-то в монастырь тянуло.

Трудно все давалось, нужно было смиряться, терпеть, а я не умел. Помню, как идут занятия, владыка Михаил преподавал Новый Завет, все идут к нему под благословение, а я никак не мог заставить себя подойти под благословение к владыке – как-то не мог поцеловать руку мужчине. Вот такие у меня были заморочки.

А вот еще один случай. Прибегаю я с тренировки в кафедральный собор, это было 4 декабря – на Введение во храм Пресвятой Богородицы. Смотрю: дьяконы и иподьяконы идут, хор поет «Хвалите имя Господне», владыка кадит, а я только забежал после тренировки. Все собрались в центре, зовут меня: «Сюда, иди сюда!» А я думаю: «Никуда я не пойду, вот буду здесь стоять, если ты владыка, покади меня одного». Владыка мудрый был, он сразу все понял, все мои мысли прочитал. Он подошел и так аккуратно меня три раза покадил у всех на виду. Только покадил и пошел дальше, а у меня слезы как брызнут из глаз! Я выбегаю из храма, наплакался, сколько можно было, и вернулся обратно. Владыка смирил меня своей кротостью.

Отец все время говорил: «Бог у меня в душе»

Отец мой, Красиков Николай Витальевич, 1923 года рождения, прошел всю Великую Отечественную войну, был очень добрым человеком, но пил, курил, матерился. Пенсия у него была хорошая, как у фронтовика, поэтому вокруг него собиралось много разных людей, в том числе пьющих. Отец все время говорил: «Бог у меня в душе». А мне очень хотелось, чтобы он пришел к Богу по-настоящему. Поговорю, поговорю с ним – понимания никакого.

Жил я рядом с ним двенадцать лет, и ничего у меня не получалось: Господь показывал, что нужно терпеть, смиряться, то есть надеяться не на себя, а на Бога. Я тогда только сам к вере пришел, а у новоначальных всегда ревность не по разуму, им надо всех воцерковить. Я смирялся, терпел, ездил постоянно в монастырь, исповедовался, причащался.

Отец у меня может умереть

В 2001 году, после очередной пьянки, у отца разболелась нога. Я мазал мазью, пытался что-то сделать, но нога все больше

опухала. Привез его в больницу – оказалась гангрена, а ему было около восьмидесяти лет. Врачи говорят: «Умрет он на операции». Я сразу побежал в храм к отцу Димитрию Жданову. Говорю ему: «Отец у меня может умереть». Он быстро собрался и со мной на машине поехал в больницу. Исповедал и причастил отца.

После этого батю повезли на операцию. Потом мне звонят и говорят: «Все нормально у отца, приезжай». Ногу отрезали выше колена, но батя остался жив. Я опять к отцу Димитрию, и он опять батю исповедал и причастил. Потом пособоровал. В палате было четыре человека, все моложе отца и все с подобными болезнями. И все они, кроме моего бати, умерли.

Отец отлежал в больнице два месяца, и я забрал его к себе домой. Нас привезли в Семигороднюю 2 декабря, было минус семь градусов, оттуда до моего дома еще семь километров, а у него рана такая огромная… Я его на санки и повез на санках. Мороз, тащу, и вдруг навстречу идет поезд, лесом груженный. Мы свернули в сторону, сани перевернулись, батя в снег, короче, кое-как добрались.

Как мы с батей постились

Начали жить вместе, и я стал читать все молитвы вслух: и утренние, и вечерние, и Псалтирь. Конечно, бате было очень трудно, так жили полтора года. Я, сразу как начали жить вместе, позвонил в Харовск отцу Анатолию, и он постоянно приезжал к нам, а это надо было доехать до Семигородней, а потом семь километров к нам идти – тоже непросто. И отец Анатолий каждый месяц исповедовал и причащал отца. Так и жили дальше.

Наступает Великий пост, отец сидит на диване, ходить не может, я кормлю его, помогаю ему во всем, он начал потихонечку читать Апостол, Евангелие, особенно ему понравился среди апостолов Петр. Стал батя потихоньку воцерковляться, больше не хочет ни пить, ни курить, ни материться.

И вот как-то раз Великим постом, в среду первой седмицы, батя попросил сварить суп из тушенки. Ну, я подумал: «Батя больной, в возрасте, надо сварить». Приехал в Семигороднюю, там дали мне хорошей тушенки, вода своя в колодце. Начал варить суп, картошечку покрошил, ну, говорю бате: «Смотри, какая хорошая тушенка, такая редко продается, мне дали по знакомству». Вывалил тушенку, сварил суп. Открываю крышку, а там ужасная вонь – не только есть, нюхать невозможно. То есть поститься надо.

У бати только ноги нет, а желудок хорошо работает, потому надо попоститься – он всю жизнь не постился, а тут Великий пост

начался, первая седмица. Я спрашиваю его: «Ну, чего есть будем?» А он отвечает: «Ну, давай кашу геркулесовую поедим». Вот такое чудо. После этого батя постился хорошо весь пост, на каше да на картошке.

Как батя пришел ко Господу

Приезжает к нам сестренка и водочку везет по традиции. Я спрашиваю: «Отец, что будем делать? Будем пить?» Он отвечает: «Нет». Сестренка удивляется: «Как это так – за встречу и не будем?!» А батя больше никогда не пил, не курил и не матерился. Жизнь у него вон какая была ужасная, а теперь ничего этого не надо. За полтора года он стал таким, каким должен быть, каким бывает невинный ребенок.

Как Господь сказал: «Не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное» (Мф. 18, 3). И прожил батя так полтора года, а потом Господь прибрал его к Себе. Вот какой путь у отца. Не то, что я ему сказал: читай Евангелие и причащайся, и он стал так делать, но Господь Сам призвал его к Себе через скорби, потому что путь наш у всех через скорби.

Так батя мой пришел ко Господу и был единственным из мужиков в той деревне, кто умер христианской смертью, остальные – кто повесился, кто застрелился, кто по пьянке умер, кто замерз. Насколько батя смог, он постарался жить христианской жизнью. Работник единодесятого часа.

Отец Анатолий тоже понес довольно большой подвиг, не каждый священник согласится на такое: это надо встать в три-четыре утра, сесть на электричку, а потом идти пешком семь километров по узкоколейке, снегу полно, волки бегают, а он каждый месяц ездил.

Я думаю, что самое главное в преодолении жизненных бед и напастей, которые обрушиваются на человека, – это вера, молитва и упование на Господа. Какие бы беды ни случались с человеком, мы всегда должны уповать на Господа, никогда не унывать, не отчаиваться, потому что, как говорил иеромонах Рафаил (Огородников): «Уныние – это самый глупый грех из семи».

Раз мир стоит, значит есть люди и крепче камня

Рассказывает Галина Анатольевна Чухчина, прихожанка храма преподобного Онуфрия Катромского в городе Харовске Вологодской области

Я не слышала за все время ни одной ссоры

Я родилась в 1949-м в безбожное время. Хотя в войну было послабление верующим со стороны правительства, но в годы правления Хрущева снова не стало никакой свободы. В школе постоянно велась антирелигиозная пропаганда. Мы были октябрятами и пионерами. Одной девочке родители не разрешили вступить в пионеры, и она много претерпела от учителей и одноклассников. В комсомол я уже не вступала.

Семья наша была большая: восемь человек. Дед с бабушкой и тетя были верующими людьми, благочестивыми и мудрыми. Хотя у нас было очень тесно, только одна комната и кухня, но я не слышала за все время ни одной ссоры.

Мама работала учителем в школе. Ее многократно принуждали убрать из дома иконы, и она сообщала об этом родителям. Про иконы дедушка наказал маме отвечать так: «Это дом стариков, а когда у меня будет свой дом, тогда и приходите проверять».

Святителю отче Николае, помоги!

У нас в округе очень почитали святителя Николая, в каждом доме был его образ. Куда бы ни поехали, куда бы ни пошли, при любой работе, беде: «Святителю отче Николае, помоги!» И помогал. Мать моей подруги рассказывала, как их отправили на лошадях в Харовск с грузом туда и обратно. А они были еще молодыми девчонками. Расстояние – пятьдесят километров в одну сторону. Это случилось зимой, день короткий, стемнело быстро.

На обратном пути снег повалил сплошной стеной. Лошади устали, с дороги сбились, вязнут в снегу. Дома матери молятся со слезами, и они взмолились: «Святителю отче Николае, погибаем, помоги!»

Вдруг какой-то старичок подходит, берет под уздцы первую лошадь и выводит на дорогу, вторая за ней пошла. Они собрались что-то спросить, посмотрели – а старичка-то и нет.

Чудесный подарок от святителя Николая

Еще один случай помощи святителя Николая. Моя духовная сестра, было ей около десяти лет, пошла за хлебом, пять километров лесом. Денег хватало только на одну буханку. К ним на праздник пришел гость. Магазин находился у храма святителя Николая. Она купила хлеб и пошла обратно, поскорбела, что больше нет денег.

На обратном пути поднялась метель. Снег закручивало змейками и поднимало вверх, ветер бил в лицо, она повернулась спиной и видит: по полю несутся черные пятна прямо на нее, и внезапно к ногам ее падают несколько бумажных купюр. Она собрала их и рассказала матери о чудесном подарке от святителя Николая.

Мой папа не был очень верующим, но вспоминал, что много чудесных случаев происходило в день святителя Николая: освобождение из плена и другие.

Человек окрепнет – так крепче камня

Еще в деревне жили двоюродные брат с сестрой, Анна и Василий. Очень крепкой веры были. Из беседы с Анной я запомнила одну пословицу, которую никогда и нигде больше не слыхала: «Человек ожиднет (ослабнет, станет жидким) – так жиже воды, а окрепнет – так крепче камня».

Наше поколение, по сравнению с прежним, намного «жиже», а за нами поколение еще слабее. Но раз мир стоит, значит есть люди и крепче камня.

Если хотите творить добро, творите его сейчас!

Рассказывает Александр Иванович Губин

Бабушка Наташа была истинно верующей

Я родился в 1953 году. Отец – военный, и в принципе мои родители были атеистами. Не убежденными атеистами, но теми атеистами, которых воспитывала в то время советская власть. Отец в церковь так и не пришел. Даже будучи глубоко пожилым человеком. Он верил, он поминал Господа. Крестился со стеснением. Мама в Бога верила, хотя не понимала Священного Писания и не читала его. Она просто верила и все.

Но у меня была бабушка – баба Наташа – прекраснейший, замечательнейший человек. И с детства я запомнил, что она была истинно верующей. Она верила, всегда ходила в церковь и потихонечку, в условиях советской власти, приучала и нас к вере.

Очень хорошо помню свое первое причастие. Мне было около семи лет. Бабушка постирала и погладила мою белую рубашечку, погладила мне брючки, и мы готовились с ней к причастию. Она прочитала молитвы, я не знал, какие молитвы, но она читала их с вечера. Мы с ней постились тихонько от родителей и утром пошли в церковь. Настроение было у меня очень хорошее, радостное. День солнечный. Мы пришли в церковь. Служба, красивые облачения – все это произвело на меня большое впечатление.

Саму исповедь я не помню, но помню момент, когда я после исповеди шел, и с двух сторон стояли какие-то люди и поздравляли меня с первой исповедью и давали мне конфетки какие-то. Это мне очень понравилось. Я испытал сильную радость. После причастия уже можно было кушать, и сладкое тоже, а до этого мы постились с бабушкой. Было очень здорово. Потом она еще несколько раз брала меня в церковь.

Это воспоминание преследовало папу всю жизнь

Бабушка была мамой моей мамы, и папу она немного побаивалась. Папа был человек военный, коммунист. Бабушка как-то тихонечко от него все делала. Папа воевал, получил орден Красной Звезды за взятие Великих Лук. Он был танкистом-

механиком, водителем. И вот его танк подбили, они вылезли из этого танка контуженные, а его товарищ, командир, был тяжело ранен и в этом танке так и замерз. Папа помнил, что когда он очнулся от контузии, то отдирал своего товарища от этого танка, но его тело остыло и примерзло. Это воспоминание преследовало папу всю жизнь.

Мой отец был великолепным механиком-водителем, и во время войны его перевели в Казань, в Казанское танковое училище. Папа в этом училище готовил танкистов для отправки на фронт. Ускоренные были курсы. Он вспоминал, что на эти курсы приходили молодые ребята по восемнадцать лет. Их готовили за четыре-пять месяцев и отправляли на фронт.

Работали и жили практически на заводе

И вот, будучи в Казани, папа познакомился с моей мамой. Мама работала на военном заводе. Работали по двенадцать часов. Двенадцать часов смена, потом отдыхали шесть часов, потом опять работали. Была какая-то система: четыре часа через четыре; шесть через шесть. Работали и жили практически на заводе. Спали там же. Ну, молодые были.

Они познакомились и поженились, и мы там родились и там остались жить.

Берега по Волге красивые, места замечательные

Рос я таким активным октябренком и пионером, занимался общественной деятельностью. Был председателем совета пионерской дружины. Воспоминания тоже очень хорошие о том периоде. Крестик я не носил – это осуждалось, но я верил в Бога, в церковь с бабушкой ходил.

Запомнились мне пионерские вечера, когда мы с отрядом выезжали на маленьком кораблике по Волге за город, разбивали палатки, жгли костры, готовили кашу, чай. У нас был граммофон. Такая огромная медная тарелка и квадратный деревянный граммофон с ручкой. И пластинки. Мы крутили этот граммофон, не надо было для него ни антенны, ни батарейки никакой. Мы крутили ручку, ставили пластинки, этот граммофон играл, и мы устраивали вечером танцы. Было очень здорово. То ли оттого, что мы были очень молоды, то ли оттого, что настроение было хорошее.

Тушенку в макароны бросили, сварили, наелись – и песни и танцы у костра, почти до утра. Очень часто мы выезжали. Берега по Волге красивые, места замечательные. Ветер дует, а Волга в

том месте, где мы бывали, очень широкая. А ближе к Камскому устью Волга уже двадцать шесть километров шириной. Это уже Камское море. Очень красиво, и воспоминания такие красивые.

Как увижу орехи, вспоминаю бурундучка

Папа у меня был очень добрый, чуткий и тонкий человек. Он воспитывал меня правильно – воспитывал во мне доброту, какие-то человеческие качества. Учил делать добро, сострадать. Сам он из Сибири, из Благовещенска родом, и вот, я вспоминаю, он мне рассказывал.

Они в Сибири ходили в тайгу. Собирали там грибы, орехи, и большим счастьем для охотника было найти бурундучье гнездо. Бурундук собирал орехи на зиму и зимой их ел. Орехи собирал – ни одного червивого. И набирал этих орехов в гнездо на зиму килограммов по пять-шесть, а иногда даже по десять. Чтобы не собирать эти орехи самим, искали бурундучье гнездо и забирали орехи. А что же бурундучок?

Этот зверек – папа подчеркивал, что это же не человек, а зверек – подходил к своей норке, обнюхивал ее, осматривал: разорили, забрали орешки. И что-то у него было внутри, какие-то природные часы. Если он смотрел вокруг и чувствовал, что успеет еще собрать орехов на зиму, еще не так поздно – он быстро бегал, рыл новую норку и собирал усиленно орешки на зиму.

А если время было уже позднее, приближалась осень, бурундучок понимал, что времени-то не осталось собрать орешки и ждет его зимой голодная смерть, и тогда он шел по тайге грустный, искал в кустах какую-нибудь рогатинку, забирался на эти кусты, просовывал свою шейку в рогатинку и вешался. Вешался, потому что знал, что все равно умрет голодной смертью.

И вот, когда мне папа рассказывал эту историю, я долго плакал вечером. Жалко мне было бурундучка. Очень жалко. А папа мне рассказывал это для чего? Для того, чтобы я понял, как легко можно обидеть кого-то, как легко можно отобрать что-то и какие последствия от этого будут. Я помню, наверное, целый год орехов не ел после этого. Как увижу орехи, вспоминаю бурундучка. Вот папа. Как сказать, верующий или неверующий? Он был глубоко нравственный человек.

Четыре призыва в одном сроке

В армии, я помню, были сложные взаимоотношения. Четыре призыва в одном сроке. Будучи уже немолодым солдатом, я всегда говорил: «Ребята, служить надо так, чтобы после службы,

когда вы случайно увидите своего сослуживца, вы не отворачивались и не делали вид, что вы его не знаете, а подошли, обняли и спросили, как у него жизнь. То есть не пакостничайте сейчас, пользуясь своим положением – мнимым и временным. Живите порядочно и честно».

Я всегда заходил в церковь

Священного Писания я не читал, но в душе прорастали зерна, посеянные моей бабушкой Натальей. Вера внутри меня была, и при всяком удобном случае, будучи один в любом городе, я всегда заходил в церковь. Если мне попадалась какая-то церковь, я туда заходил. Молитв не знал, но по-своему, своими словами молился. Было много негативного в советской власти, но много и позитивного. Я, из простой семьи, без всяких связей, после армии поступил в МГУ имени Ломоносова. Я долго выбирал факультет, на который хотел бы поступить: юридический, экономический и т. д. Поступил на философский. Почему поступил на философский факультет? Думаю, потому, что бабушка заронила во мне это зерно поиска истины.

Как я хотел быть вместе с ним!

Помню, на четвертом курсе один из студентов был отчислен по собственному желанию из университета и зачислен в Загорскую духовную семинарию (тогда город назывался не Сергиев Посад, а Загорск). У нас это было как ЧП воспринято.

Помню очень хорошо и отчетливо, как я хотел быть вместе с ним! У меня было такое внутреннее желание, такое стремление быть с ним рядом, но я думал о маме и папе, о том, как это отразится на них… Не хватило у меня сил и мужества преодолеть эти оковы, вырваться из этого плена. Парня этого я помнил всю жизнь.

Заходил в Елоховский собор, молился, а потом шел читать лекции

Я окончил МГУ с отличием, и распределили меня преподавателем философии в МГТУ имени Баумана. МГТУ находится рядом с Елоховским кафедральным собором. И, выходя из метро «Бауманская», я заходил в Елоховский собор, молился, а потом шел читать лекции по философии студентам московского вуза.

Даже, помню, был какой-то праздник, и после лекции я

предложил студентам: «Ребята, вы у́читесь рядом с таким местом и никогда туда не заходили. Давайте зайдем?» Я их завел в собор человек двенадцать.

Там шла служба, и вел эту службу Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Ребята вошли, народу было в соборе мало. Это сейчас много, тем более когда патриарх службу ведет, а тогда народа было мало. Мы все вошли, молодые, простояли часа, наверное, полтора. Никто не шелохнулся. Кто-то перекрестился. Большинство не крестились. Просто стояли и слушали. Потом разошлись кто куда.

Правда, через неделю меня вызывали в партком и спрашивали: «Александр Иванович, что вы делаете?» А я отвечал: «В рамках спецкурса рассказывал студентам о мировых религиях, о христианстве, и в качестве ознакомления привел в храм – показать службу патриарха Пимена, который является участником Великой Отечественной войны, имеет ордена и медали от государства, светские, не церковные».

Патриарх молчал и молился за ту страну, которая на него нападала

Когда я только начинал преподавательскую деятельность, был еще человеком молодым, и меня даже путали со студентом. Были такие случаи.

Помню, как я ехал в Загорск. Рано утром вставал, ехал в лавру, молился там, пил святую водичку, а вечером возвращался обратно. Когда приезжала ко мне мама, я ее тоже вез с радостью в лавру. Ловил себя на мысли: когда патриарх ведет службу, то перед ним тысячи верующих, и он не может их дифференцировать, воспринимает их как паству, а я воспринимал его как личность, смотрел в его глаза, и мне казалось, что он тоже смотрит на меня, и от этого я испытывал такие сильные ощущения. Глаза у него были добрые и кроткие.

Я ни разу не был на службе у патриарха Алексия II, а вот с патриархом Пименом очень часто рядышком стоял. А один раз я даже прикладывался к кресту и поцеловал ему руку. И народа было мало. Он мог с каждым пообщаться. Вот это отличало его. Он был молчалив, немногословен. Читались в его глазах прощение и любовь.

Сколько было гонений в тот период на Церковь и на ее служителей, нападок от разных богоборцев. Они трещали, а патриарх на них не реагировал. На все нападки в прессе он не реагировал. Патриарх смиренно, молча, с грустью и добротой в глазах выслушивал все нападки и молился за нашу страну.

Молился за наше Отечество. Не встревая ни в какие передряги, ни во что светское. Он никогда не отвечал ни на какие выпады в свой адрес. Он молился за ту страну, которая на него нападала. А еще в глазах у него были и грусть, и смущение за этих людей. Ему было стыдно за них, ибо в его глазах читалось: «Не ведаете вы, что творите».

Душа просто открывалась и отдыхала

Когда в храм входишь – там такая тишина, такое умиротворение. Душа просто открывалась и отдыхала. Я когда выходил в институт или на партсобрание, был в какой-то капсуле, а когда находился в храме, душа открывалась ко всему: к слову Божию, иконе. Между образом и мной горела свеча. Она соединяла мою душу и душу святого.

Единственная библиотека с уникальными духовными книгами была при кафедре атеизма

При кафедре атеизма была отдельная библиотека – единственная, где хранились полные собрания рукописей, древнейших и уникальных духовных книг, написанных еще монахами, и мы ходили в эту библиотеку, знакомились с этой литературой. Там я смог почитать и Священное Писание, и творения святых отцов. Больше их нигде не было. В библиотеке имени Ленина выдавали такую литературу только докторам наук с разрешения властей.

Церкви надо было просто выжить в те годы

Священники в те годы отличались молчаливостью, скромностью, терпением. У нас были совместные семинары с Загорской духовной семинарией в рамках работы кафедры атеизма.

Период был сложный. Преподаватели – очень хорошие, искренние. Оголтелых атеистов мало. Был один армянин, секретарь парткома, с которым я постоянно конфликтовал, но он был исключением. Идеология довлела страшно, а священники были тихие, скромные, в спорах они никогда не стремились во что бы то ни стало доказать свою правоту. Они говорили, что придет время, и вы осознаете. Не настаивали на том, чтобы с ними сейчас же соглашались. Они понимали, что ситуация сложная, идеология довлеет, и Церкви надо выжить. Именно выжить.

Православную веру они своими ладонями, как свечу, защищали

Русские священнослужители, находясь в этих условиях, православную веру своими ладонями, как свечу, защищали, чтобы она не погасла, чтобы она горела. Они ее сохранили, выпестовали, и в этом их великая заслуга.

Пусть верующих людей было немного, пусть они были, как я. Я не хочу сказать, что был истинно верующим. Я не соблюдал строго посты. Это с возрастом стал соблюдать. Я праздники какие-то религиозные отмечал. Но это было не системно – спонтанно и эпизодически, в зависимости от ситуации.

Мог ли я надеть крестик и сказать: кидайте в меня камни? Наверное, мог, но у меня силы воли не хватило. Крестик я не носил, но верил и делился верой со своими товарищами.

И это заслуга родителей

Вера во мне существовала как любовь. Как добро, как мораль, как нравственность. И это заслуга родителей. Они мне привили эту нравственность, понимание других людей, неосуждение других людей. Стремление помочь другим людям. И сейчас, войдя в храм, я ставлю свечку об упокоении своих родителей: раба Божия Иоанна и рабы Божией Марии, всегда вспоминаю, благодарю их, помню и буду помнить.

Супруга крестилась под другим именем

У меня супруга крестилась под другим именем, в другом городе, потому что нельзя было. Она была выездная – ездила за рубеж при советской власти. ЦК КПСС выдавал разрешение, консультировал выезжающих за границу. Она ездила на консультации.

А крестилась в другом городе, под другим именем, потому что в тот период говорили, что священники докладывали в компетентные органы, кто и что делал. Я не знаю, правда это или нет, но мнение такое существовало, и люди боялись. Мы уехали в другой город, и Лариса там покрестилась. Меня крестили в детстве точно.

Такая радость у нас была после венчания!

С супругой Ларисой мы поженились и прожили вместе лет

шестнадцать. Очень большой период времени. У нас родилась дочь – родилась недоношенным ребенком, шестьсот грамм, в тот период таких детей не выхаживали. Я предпринял максимум усилий, чтобы ее спасти, но мне не удалось. Успел ее покрестить, и мы ее похоронили.

Мы хотели второго ребенка, но Господь не дал. Зато Господь дал мне племянника хорошего, Николашку, я его очень люблю, как сына. И он мой крестник.

Вот сидим мы как-то, и я говорю: «Ларочка, давай повенчаемся, ведь хочется, чтобы и на том свете мы с тобой вместе были». И нас повенчал отец Андрей. Он венчал нас и говорил: «Венчаю вас с легкой душой. Брак ваш проверен временем». Венчались мы на Поклонной Горе в храме святого Георгия Победоносца.

И такая радость у нас была после венчания! Я не скажу, что у нас что-то резко изменилось. Я всегда относился хорошо к жене и после этого тоже хорошо относился. Внутри просто стало как-то теплей.

Главную оценку вам поставит сама жизнь

Я всегда говорил своим студентам: «Ребята, ни я, как преподаватель, и никто другой не сможет вас оценить в жизни, поставить вам четверки, пятерки в реальности. Главную оценку вам поставит сама жизнь. Будьте честными, будьте справедливыми. Спешите делать добро».

Еще говорил: «Ребята, прошлое – оно прошло, и изменить его мы не в состоянии, как бы мы ни хотели. Все силы мира направь, но ни одного мельчайшего события из прошлого изменить нельзя. Будущее представляется смутно. Пути Господни неисповедимы. Что будет в будущем, мы не знаем. Есть только настоящее. Если хотите творить добро, творите его сейчас, сию минуту, так как эта минута тут же превратится в прошлое, и изменить его будет нельзя».

Предназначение человека – любить природу, любить того самого бурундучка, любить маму и папу, жить в гармонии со своей совестью, с самим собой.

notes

Примечания

1

Будучи взрослым, я сопоставил этот рассказ с рассказом Льва Толстого, как они с братом молились Богу, чтобы снег сделался сахаром. Выбегали, пробовали – снег оставался снегом.

2

Подобная ситуация сложилась и у меня. В хрущевские времена мне провели телефон, а потом отрезали. И вот мне встречается человек, который говорит: «Батюшка, а меня ведь за ваш телефон с работы сняли!» Я очень огорчился. Увидев это, он добавил: «Да вы не волнуйтесь, я рад, что не начальник. Поступил на Приборный завод рабочим, получаю больше, а забот куда меньше – отработал смену и свободен как птичка!»

3

Прославлен как священномученик. Память 10/23 декабря.

4

Из более позднего времени: у нас на фабрике «Красный текстильщик» поручили одному коммунисту прочитать атеистическую лекцию. Он поработал основательно – лекция понравилась, и ему пришлось ее повторить во многих аудиториях. Потом его вызвали в горком и сказали: «Вы читаете вашу лекцию перед неверующими. Мы вам соберем верующих – прочитайте перед ними!» – «Я еще с ума не сошел!» – ответил тот и наотрез отказался.

5

Протоиерей Михаил, память 19 ноября / 2 декабря.

6

Чтец Евгений, умученный на армейской службе, память 18/31 августа.

7

«Отыскав заблудившуюся и пропавшую в горах (*букв.*: похищенную горами) овцу, взяв на плечи, Он принесет Отцу, чтобы приобщить ее воле Своей…» (глас 4, догматик).

8

В 1994 году вышел указ Святейшего Патриарха Алексия II об основании подворья Псково-Печерского монастыря. Первую службу, всенощную под праздник Сретения Господня, монахи совершили на морозе, поскольку община отца Георгия Кочеткова не открыла дверей храма. (В 1995 году указом Святейшего Патриарха Алексия II подворье было преобразовано в Сретенский ставропигиальный мужской монастырь). – *Примеч. ред.*

9

8 сентября 1995 года праздновали 600-летие Сретения Владимирской иконы Божией Матери. – *Примеч. ред.*

10

Игумения Варвара (Трофимова) – настоятельница Пюхтицкого Успенского монастыря (Эстония) († 8.02.2011).